

Харьковский национальный университет
имени В. Н. Каразина
Харьковское областное историко-археологическое общество

ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ КАДЕЕВ ВОСПОМИНАНИЯ

Харьков
ООО «НТМТ»
2013

УДК 930:529 Кадеев (093.3)
ББК 63.1 (4 укр)д Кадеев
К 13

Редакционная коллегия: *Дьячков С. В. (отв. ред.), Литовченко С. Д.,
Мартемьянов А. П., Посохов С. И.,
Ручинская О. А., Сергеев И. П., Сорочан С. Б.*

Дизайн обложки *С. Э. Кулинич*

Издается по решению

Правления Харьковского областного историко-археологического общества
(*протокол № 3 от 19.09.2013 г.*)

Рекомендовано к печати

Ученым советом исторического факультета
Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина
(*протокол № 9 от 25.10.2013 г.*)

К 13 **Владимир** Иванович Кадеев. Воспоминания / В. И. Кадеев. — Х. :
ООО «НТМТ», 2013. — 144 с. : ил.
ISBN 978-617-578-135-7.

Профессор В. И. Кадеев (1927–2012) — известный археолог, неутомимый исследователь античных древностей Северного Причерноморья, авторитетный специалист по истории древней Греции и Рима, отдавший более полувека своей жизни служению Харьковскому университету. Его мемуары, которые впервые публикуются в этой книге, дают читателю возможность вместе с автором перенестись в предвоенный Харьков, представить жизнь города в годы фашистской оккупации и послевоенной разрухи, пройти путь студента-истфаковца 50-х годов и погрузиться в преподавательскую жизнь Харьковского университета последующих десятилетий. Наряду с этим, в сборнике представлены воспоминания о В. И. Кадееве, а также полная библиография его трудов.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей науки и университетской жизни в Украине.

УДК 930:529 Кадеев (093.3)

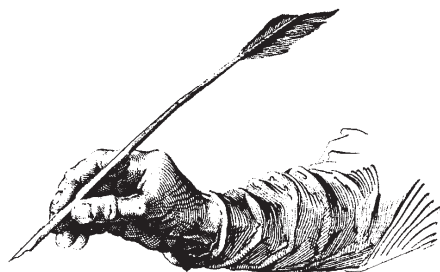
ББК 63.1 (4 укр)д Кадеев

ISBN 978-978-617-578-135-7

© Харьковский национальный
университет имени В. Н. Каразина,
2013

© Харьковское областное историко-
археологическое общество, 2013

В. И. КАДЕЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ

Владимир Иванович Кадеев: жизнь и творчество

25 ноября 2012 года ушел из жизни признанный ученый-антиковед и археолог, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, замечательный педагог, доктор исторических наук, профессор В. И. Кадеев.

Путь Владимира Ивановича в науку был непростым, хотя интерес к изучению истории у него проявился еще в 5 классе. Однако получить полноценное среднее образование В. И. Кадееву было не суждено — в жизнь страны ворвалась война... Он пережил все лишения и ужасы оккупационного режима и послевоенной разрухи. В декабре 1943 г. В. И. Кадеев продолжил учебу в машиностроительном техникуме при заводе им. В. А. Малышева (в то время завод № 75). Затем — несколько лет работы в конструкторском бюро этого промышленного гиганта. И только в 1951 г., уже будучи квалифицированным инженером, Владимир Иванович поступил на первый курс исторического факультета Харьковского государственного университета имени А. М. Горького.

Стремясь получить действительно фундаментальное историческое образование, В. И. Кадеев отлично успевал по всем дисциплинам, но специализировался по кафедре древней истории и основное внимание уделял археологии — участвовал в раскопках разнообразных памятников Харьковской и Полтавской областей. В. И. Кадеев активно включился в жизнь студенческого научного общества. Он был в числе главных инициаторов проведения первой Всесоюзной археологической студенческой конференции. Энтузиазм начинающего археолога вскоре был отмечен: по рекомендации декана исторического факультета МГУ проф. А. В. Арциховского в 1955 г. В. И. Кадеев стал одним из первых в стране студентов, получивших Открытый лист на проведение самостоятельных археологических разведок. В результате этих разведок было обнаружено несколько десятков новых памятников эпохи бронзы и салтовской культуры в бассейне Северского Донца.

С 1956 г., после окончания с отличием университета, В. И. Кадеев продолжил работу в Археологическом музее ХГУ, заведующим которого он стал еще в студенческие годы. Одновременно с работой в музее преподавал археологию и историю первобытного общества на историческом факультете. Он участвовал в археологических исследованиях Донецкого городища и других памятников Харьковщины. В 1959 г. в научных интересах В. И. Кадеева происходят кардинальные изменения. Он поступил в аспирантуру к видному ученому-антиковеду проф. К. Э. Гриневичу. С этого времени основным предметом научных изысканий В. И. Кадеева становятся история и археология античных центров Северного Причерноморья и, прежде всего, Херсонеса Таврического.

В 1963 г. В. И. Кадеев создал поныне действующую Херсонесскую археологическую экспедицию и возглавлял ее более 20 лет. Поначалу основные раскопки проводились в портовом районе Херсонесского городища на участке «Центр квартала» в рамках Объединенной экспедиции Херсонесского заповедника, Уральского, Харьковского и Симферопольского университетов. Позднее экспедиция стала самостоятельным научным подразделением, решавшим серьезные исследовательские задачи. На площади более 2500 кв. м под средневековыми напластованиями свыше трёх метров экспедицией обнаружены остатки нескольких усадеб античного времени (I—V вв. н. э.) с мощеными двориками и сооружениями хозяйственного назначения. Десятки тысяч разнообразных находок пополнили фонды Херсонесского музея. Среди них следует выделить эпиграфические памятники, благодаря которым получены ценные данные о социально-экономической и политической истории города и пребывании в Херсонесе римского гарнизона. В. И. Кадеев был инициатором и активным участником подводных археологических исследований — в Круглой, Карантинной и Песочной бухтах, где удалось обнаружить остатки оборонительных сооружений, следы древних и средневековых кораблекрушений.

Изучение ремесел и промыслов Херсонеса Таврического римского времени стало одним из направлений научного творчества В. И. Кадеева в 60-х годах прошлого века. Эта проблема истории материальной культуры античных городов в то время еще не получила должного освещения в отечественной научной литературе. В. И. Кадеев не только привлекал разнообразные вещественные и эпиграфические источники из крупнейших коллекций СССР, но и применял естественнонаучные методы исследования (спектральный, металлографический, петрографический анализ).

В 1963 г. в Харьковском государственном университете В. И. Кадеев защитил кандидатскую диссертацию «Ремесла и промыслы Херсонеса

Таврического в I—IV вв. н. э.». Материалы диссертации легли в основу его первой научной монографии «Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э.» (1970). По сей день это издание остается «настойной книгой» археологов-практиков, ведущих раскопки античных центров Северного Причерноморья.

Глубокое и всестороннее знание источников позволило Владимиру Ивановичу приступить к написанию обобщающего труда по истории Херсонеса римского времени. В 1974 г. он завершил докторантуру при Институте археологии АН СССР (научный консультант проф. В. Д. Блаватский) и в мае 1975 г. там же защитил докторскую диссертацию «Херсонес Таврический в I в. до н. э.—III в. н. э.». В 1979 г. В. И. Кадеев был утвержден в ученом звании профессора.

В 1981 г. вышла в свет монография В. И. Кадеева «Херсонес Таврический в первых веках нашей эры», посвященная социально-политическому развитию Херсонеса, проблемам взаимоотношений с Римской империей, а также изучению социального и этнического состава населения города в римское время.

Научные новации проф. В. И. Кадеева в полной мере проявились в исследованиях структуры херсонесского общества. Он выделил несколько социально-правовых групп населения, изучил их статус, имущественное положение. В отечественном антиковедении В. И. Кадеев стал первым, кто, используя ономастические данные, уделил особое внимание такой социально мобильной общественной группе, как вольноотпущенники и их потомки. Кроме того, он использовал ономастикон римского Херсонеса для решения многих дискуссионных проблем социального развития.

Результаты исследований различных аспектов торговли Херсонеса с населением Юго-Западного Крыма, Причерноморья и Средиземноморья составили вклад Владимира Ивановича в опубликованную в соавторстве с С. Б. Сорочаном монографию «Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н. э.—V в. н. э.» (1989).

Наряду с вопросами социально-экономического и этнополитического характера, В. И. Кадеева всегда интересовали проблемы истории культуры и повседневной жизни, воспитания и образования в античном Херсонесе. Им посвящена вышедшая в 1996 г. еще одна книга ученого — «Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.)». Таким образом, книга и статьи Владимира Ивановича, по существу, открыли новое направление в изучении античной истории Херсонеса.

В 70–80-х гг. В. И. Кадеев активно участвовал в республиканских, всесоюзных и международных научных конференциях. Особо следует отметить его

доклады на XIV и XV Международных конференциях античников «Эйрене» в Ереване (1976) и Софии (1978), на Международном семинаре «Античная балканская керамика» (Велико Тырново, 1979) и на VI Международном конгрессе по изучению Юго-Восточной Европы (София, 1989). В 1980 г. В. И. Кадеев стал инициатором проведения в Харьковском госуниверситете Всесоюзной научной конференции «Проблемы античной истории и классической филологии».

Владимир Иванович выполнял большой объем редакторской работы. В разные годы он являлся главным редактором исторической серии «Вестника Харьковского университета», «Болгарского ежегодника» и историко-археологического ежегодника «Древности», членом редколлегии журнала «Археологія» (Киев), рецензентом центральных советских и российских академических журналов «Вестник древней истории» и «Советская археология».

Ознакомление с внушительным списком научных трудов В. И. Кадеева может породить представление о нем как о типично «кабинетном» ученом, который отрывался от письменного стола только ради очередных раскопок. На самом же деле, значительная часть его жизни и интеллектуальных усилий была отдана организационной деятельности.

В 1978–1982 гг. В. И. Кадеев был деканом исторического факультета ХГУ. В 1978 г. по его инициативе была создана кафедра истории древнего мира и средних веков, бессменным руководителем которой Владимир Иванович оставался на протяжении 30 лет. Здесь в полной мере проявились его качества прекрасного педагога, организатора и руководителя. За это время кафедра подготовила более 500 специалистов и магистров, работающих ныне в научных учреждениях, музеях, заповедниках, школах и университетах Украины, России, Австралии, Германии, Великобритании, Израиля, США. На кафедре было подготовлено 18 кандидатских и две докторские диссертации. Результатом научной и методической работы сотрудников кафедры стало издание более 20 монографий, курсов лекций, учебников и сборников статей. Преподаватели кафедры возглавляли исследования четырех археологических экспедиций, которые вели раскопки памятников античности и средневековья в Северо-Западном Крыму, в Севастополе и Балаклаве. Финальным и символическим аккордом многолетней научно-преподавательской деятельности профессора В. И. Кадеева стал его курс лекций «История Древней Греции и Рима» (Харьков, 2006).

Участие В. И. Кадеева в подготовке историков и археологов высшей квалификации не ограничивалось преподавательской деятельностью, руководством аспирантами и консультированием докторантов. Он многие

годы был председателем и членом специализированных советов по защита кандидатских и докторских диссертаций в Харьковском университете и в Институте археологии АН Украины.

Нельзя не упомянуть о той во многом определяющей роли, которую сыграл Владимир Иванович в создании Харьковского областного историко-археологического общества (ХИАО), объединившего в своих рядах многих отечественных и зарубежных историков и археологов. В 1994 г. В. И. Кадеев стал одним из учредителей этой научно-просветительской организации, а с 1995 по 2001 гг. был сопредседателем правления общества. Долгие годы под руководством ученого работали редколлегия ежегодника «Древности» (1994–2010) и оргкомитеты Международных научных конференций проводимых ХИАО.

В последние десятилетия Владимир Иванович активно занимался изучением истории антиковедения и археологии в Харьковском университете. Среди его публикаций по этой проблематике выделим биобиблиографические справочники и статьи, посвященные В. П. Бузескулу, Е. Г. Кагарову и А. С. Федоровскому, а также большой раздел о научной деятельности университетских преподавателей, написанный для юбилейного издания «Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років» (2004).

Научно-педагогическая деятельность В. И. Кадеева неоднократно отмечалась высокими наградами. В 1993 г. ему присвоено звание «Заслуженный деятель науки и техники Украины», а в 1999 г. — «Заслуженный профессор Харьковского университета». В. И. Кадеев был награжден знаками Министерства образования и науки «Відмінник освіти України» (2002), «Антон Макаренко» (2004), «За научные достижения» (2007) и медалью Харьковского национального университета «Василий Назарович Каразин» (2012).

Конечно, все эти высокие награды абсолютно заслужены. Однако есть среди заслуг Владимира Ивановича и нечто, не поддающееся воплощению в почетные знаки и звания — это светлая память о замечательном человеке и учителе, посвятившем Харьковскому университету всю свою жизнь.

О работе над мемуарами В. И. Кадеева

Идея воспоминаний посещала Владимира Ивановича достаточно давно, и он неоднократно обсуждал работу над мемуарами с учениками и коллегами по факультету. Однако неожиданным препятствием оказалось ухудшение зрения Владимира Ивановича, сделавшее невозможным работу на компьютере. Столь же несвойственная нашим дням щепетильность не позволяла Владимиру Ивановичу принять многочисленные предложения своих учеников, которые были готовы оказать техническую помощь в работе. Достаточно сказать, что около года было потрачено на безуспешный поиск компьютерной программы, которая могла бы превращать речь в текст. Уже тогда создалось впечатление, что Владимир Иванович хочет начать работу и наши неудачные поиски его огорчают, но он продолжал решительно отвергать предложения о помощи. Только осенью 2011 г. усилиями, в первую очередь, Ольги Михайловны Ильиной и неизбежным развитием технологий, которые позволили упростить процесс записи речи на диктофон, удалось начать работу над воспоминаниями. Она продолжалась около года и за это время Владимир Иванович, несмотря на проблемы со здоровьем, не только дважды вычитал текст своей работы, но и опубликовал две статьи.

Автор этих строк, в силу исторического образования, познакомился с десятками мемуаров, лишь немногие из которых не напоминали многостраничные самооправдания или апологии. Совершенно иначе подошел к своим воспоминаниям Владимир Иванович. Для него мемуары, в первую очередь, должны были быть интересны читателю-исследователю. Этим, по моему мнению, объясняются и некоторая сухость текста, и немногочисленные упоминания о семье, и многочисленные подробности. В. А. Кадеев очень ответственно подходил к каждому упоминаемому факту, старался описывать различные эпизоды из жизни, избегая указывать собственное эмоциональное отношение к ним. Еще одной характерной особенностью воспоминаний можно признать стремление автора донести до читателя

всю специфику жизни и работы ученого-историка в советские годы, не замалчивая многие щекотливые моменты.

Вероятно, именно отношение к воспоминаниям как к источнику привело к тому, что в них не попало колоссальное количество невероятно интересных жизненных историй, о которых рассказывал В. И. Кадеев в личных беседах. Но на робкие предложения слушателей поместить эти яркие эпизоды в текст мемуаров, Владимир Иванович неизменно отвечал отказом: «Читателям это будет неинтересно». К сожалению, нам так и не удалось переубедить автора. И лишь внимательный и искушенный читатель найдет в тексте воспоминаний крупинцы «фирменного» элегантно юмора профессора.

Специфика технической подготовки воспоминаний к изданию (В. И. Кадеев большую часть текста наговорил на диктофон, записи затем переводились в компьютерный набор) обусловила некоторую необычность стиля изложения, но при редактировании мемуаров Владимир Иванович не успел осуществить литературную обработку текста, внося лишь правки фактического характера в разделы, которые охватывали период до начала 80-х гг. XX в. К зиме 2013 г. Владимир Иванович закончил первоначальное редактирование большей части текста, и мы уже начали обсуждать перспективы издания мемуаров, но через несколько дней Владимира Ивановича Кадеева не стало.

С. Д. Литовченко

В. И. Кадеев

Воспоминания¹

Детские годы. Харьков 30-х годов

Родился я 8 июня 1927 года в городе Харькове. Отец мой, Кадеев Иван Васильевич, после окончания реального училища, был вагоновожатым в Харьковском трамвайном тресте, а в 1937 году, после окончания курсов водителей троллейбусов, стал одним из первых водителей троллейбусов в городе Харькове. Помню номер его машины 761. Маршрут был по Сумской от городского парка им. Горького до Южного вокзала.

Моя мама, Шаповалова Зоя Самойловна, имела четыре класса образования церковно-приходской школы, росла без отца, происходила из города Старобельска Луганской области. Потом переехала в Харьков к своему дяде Самуилу Андреевичу Шаповалову, у которого было три дочери, и она стала четвертой. Очень рано вышла замуж и в двадцать лет меня родила. В 30-х годах работала на разных работах в Харькове, но первоначально регистратором в студенческой поликлинике в отделе регистрации.

Самуила Андреевича, который был часовым мастером, знали все на Москалевке. Он был очень добросовестным, порядочным человеком. Сколько я его видел, он всегда был с моноклем в правом глазу. Он сидел и чинил очередную партию часов, которую ему приносили жители Москалевки.

Жили мы на ул. Садово-Куликовская, позднее переименованную в ул. Дарвина. В доме № 41, в самом конце этой улицы. Жили в общей квартире, где вместе с нами жили еще три семьи. В общей сложности тринадцать человек. В квартире была ванная, туалет, но ванной практически не пользовались, поскольку с таким количеством жильцов следить

¹ В предлагаемом издании мемуаров представлен жизненный путь В. И. Кадеева до начала 80-х гг. XX в.

за этой ванной было очень трудно. Обычно пользовались душем, а детей купали в корыте. Нашими соседями были Шуляковы: муж, жена и три сына; Кривченко: мать и дочь. А также Коротковы: мать и две дочки. Таким образом, состав жильцов в этой квартире был достаточно плотным. Возле дверей каждой комнаты стоял столик, на нем керосиновый примус, на котором готовили пищу.

У нас была большая комната в 30 кв. метров с наружными стенами, выходившими на север и запад. Зимой было прохладно, поскольку паровое отопление не обогревало эту комнату, и поэтому дополнительным источником тепла был чугунок с трубой, которая выходила на крышу дома. А жили мы, если считать первый полуподвальный этаж, на третьем этаже. Окна комнаты выходили на север, где находился Технологический институт, нынешний Политехнический.

Жили очень скромно, поскольку заработки у родителей были небольшие и поэтому в 30-х годах держали квартиранта. Этим квартирантом был реэмигрант из Соединенных Штатов Америки Павел Федорович, который работал на швейной фабрике им. Тенякова. Он, в свое время, принимал живейшее участие в моем воспитании. Когда я ребенком начинал капризничать или плакать, он становился передо мной на колени и изображал меня. И мигом я прекращал плач и начинал смеяться.

В детстве я только один раз за много лет несколько месяцев ходил в детский садик, но отравился винегретом и после этого на всю жизнь возненавидел винегрет и все блюда, в которых был бурак. Остальное время я проводил во дворе или на улице в компании своих сверстников, или более старших детей. Двор был небольшой, но там был турник, брусья и это позволяло заниматься физическими упражнениями. Мы подолгу играли в футбол, учились езде на велосипеде. Велосипед был только один, у Люси Шифа, который жил в 37 доме, доме, который построил архитектор А.Н. Бекетов для себя. Получить возможность прокатиться на велосипеде можно было, только оказав какую-нибудь услугу Люсе. Таким образом, он был у нас главной фигурой среди детей.

В пять лет я научился читать и очень много читал, но любимой книгой была «Сказки» братьев Гримм. Я эти сказки знал наизусть, и, когда появлялась возможность, пересказывал их содержание сверстникам. Особенно помню, время после 1934 года, когда открылись хлебные магазины без карточек, но в них были огромные очереди. Дети занимали очередь с вечера, а потом полночи напролет не спали, а разговаривали или меня просили, чтобы я пересказал какую-нибудь сказку братьев Гримм.

Таким образом, мы проводили время, а потом к утру появлялись взрослые и устраивали «живую» очередь за хлебом. Хлебный магазин был под горкой, поскольку ул. Дарвина заканчивалась горкой с выходом на Журавлевскую, теперь ул. Шевченко.

Еще до школы я записался в библиотеку им. Чехова по ул. Мельникова, и, когда я пришел за первой книгой, мне дали книгу с картинками и очень небольшими текстами на каждой странице под общим названием «Братишки». Там были рассказы о русских, китайцах и других народах. Когда я открыл в библиотеке эту книжку, то был возмущен, ведь я до этого читал очень много, а мне дали такую книгу... Это для меня было очень обидным.

В то время педагогическая наука считала, что в школу можно принимать детей только с восьми лет и поэтому получилось, что до школы я очень много читал, умел считать, и в школу, таким образом, пришел достаточно подготовленным.

Приняли меня в школу № 1 г. Харькова, которая находилась на ул. Дарвина, одна часть, а другая часть выходила на ул. Красина. Со стороны ул. Красина был большой двор. В школу мы приходили очень рано и резвились в этом большом дворе, а потом по звонку шли по классам на уроки. Первой моей учительницей была Антонина Спиридоновна Воскобойникова. Очень приятная женщина. Она не была замужем и все свое время, душу отдавала ученикам этого первого класса. Директором школы был Порфирий Иванович Котенко. В дальнейшем я продолжал учиться в школе № 1, хотя несколько раз некоторых учеников переводили в школу № 49, в школу № 131, но я так и продолжал учиться в школе № 1. Где окончил шесть классов.

В 1940 году, во время войны с Финляндией, в связи с тем, что в здании нашей школы № 1, разместили военный госпиталь, всех учеников и учителей перевели в помещение школы на улице Артема (теперь это корпус Педагогического университета). Дорога в школу и обратно занимала довольно много времени. Внеклассные забавы в школьном дворе пришлось прекратить.

В пятом классе у нас появилась новая учительница по истории, тогда мы изучали историю древнего мира. Звали ее Бронислава Яковлевна Литвин, выпускница исторического факультета Харьковского университета. Она очень хорошо проводила уроки и мне этот предмет в то время очень нравился. Я с удовольствием не только читал учебник, но и дополнительную литературу, в виде исторических романов. Это были: «Борьба за огонь» Ж. Рони-Старшего, «Спартак» Р. Джованьоли, «Иудейская война» Л. Фейхтвангера и другие. Таким образом, к этому предмету у меня было особое отношение. Мне он очень нравился. Хотя учился я по всем предметам

неплохо. И в третьем классе, и в пятом классе меня отмечали или книгами, или грамотами. До сего времени у меня сохранилась книга, которая мне была подарена после третьего класса. С удовольствием я занимался географией, физикой, химией, но особенно мне понравились занятия физкультурой, с приходом в школу № 1 первых выпускников или практикантов харьковского института физкультуры. Они проводили их в спортивном зале, в школе был неплохой спортивный зал, очень многому научили. И, в связи с этим, среди школьников того времени появилось стремление «качаться». И мы «качали» и брюшной пресс, и бицепсы, и, кроме того, выполняли все упражнения, которые были на уроках физкультуры: и на шведской стенке, и подъем по канату, и многие другие, чему нас учили эти молодые преподаватели.

За все время до 1941 года я во время каникул только дважды выезжал за пределы города Харькова. Один раз в село Кочубеевка, Полтавской области, где мои родители и родители моей двоюродной сестры Вали снимали хату. Кочубеевка запомнилась мне на всю жизнь огромным количеством змей, которыми там просто кишела земля. И идя по тропинке, нужно было смотреть под ноги, поскольку можно было наступить на змею.

Второй раз я выезжал на родину родителей моего отца в Курскую область в село в Фатежском районе — западном районе Курской области. После Кочубеевки с ее выбеленными хатками, аккуратностью, в Курской области я столкнулся с тем, что у дальнего родственника, который был учителем в местной школе, в доме было невероятное количество мух. Когда садились за стол, рот нельзя было широко открывать, поскольку могла влететь муха. И эта разница между чистотой, опрятностью в украинском селе и селом в Курской области бросалась в глаза и запомнилась мне именно этим обстоятельством, наличием огромного количества мух.

Остальные годы я проводил летом в школе на Основе, где был оздоровительный лагерь и спортивный зал. Там мы питались, занимались физическими упражнениями, оттуда выходили на прогулки. Таким образом, мой летний оздоровительный сезон этим и исчерпывался.

Еще несколько раз летом мы всей семьей выезжали в Васищево, где жили родители подруги моей мамы — Лели Жуковой. Там был лес и река Уды, где можно было купаться и ловить рыбу. Местные жители села традиционно высаживали клубнику.

Хочу сказать, что мой отец был заядлым рыбаком и охотником, поэтому все свое свободное время он проводил где-нибудь на реке или на пруду. Пока река Харьков была более-менее чистая и там водилась рыба, он рыбачил

на р. Харьков напротив нашего дома. Там были деревянные кладки, которые вели на Примеровскую улицу, выходящую на Московский проспект. Отец был членом союзов рыболовов и охотников. Позднее, начал рыбачить в Лозовеньках на пруду, а потом в Райеленовке, а еще позднее и на реку Северский Донец перешел. В связи с тем, что он был охотником, у нас некоторое время была охотничья собака — шотландский сеттер рыжей масти. Было у него и двуствольное ружье.

Увлечение отца рыбалкой и охотой вызывало недовольство мамы. Поскольку, когда он привозил улов, он часто демонстрировал его. А я, будучи совсем малышом, стоя в кроватке, смотрел на огромную щуку и однажды вывалился из кроватки. После этого щука была выброшена в окно мамой, что вызвало удивление соседней этажом ниже, где жило семейство Жук. Они говорили: «Зоя, Зоя! Что ты делаешь? Как можно такой великолепный фиш выбрасывать?» Этот ее поступок был вызван тем, что отец двое суток работал, на трети — выходной, опять двое суток работал — на трети был выходной и, таким образом, в свободное время она практически его не видела.

Иногда он брал меня с собой на рыбалку. Последний раз это было 16 июня 1941 года, когда мы с ним поехали в Райеленовку. Я помню, были очень высокие хлеба, еще незрелые, но с видом на очень хороший урожай. На этом пруду отец имел массу знакомых. У них была своеобразная переключка, о которой я умолчу. Таким образом, мне этот день 16 июня запомнился на всю жизнь.

Обычно летом во дворе и саду мы играли, бегали, стреляли по воробьям из рогаток кусочками чугуна. Это было очень интересно. Нельзя было оторваться от этих занятий и своих сверстников по двору. Поэтому меня звали домой по нескольку раз, прежде чем я, с очень большой неохотой, возвращался домой.

Моими ближайшими друзьями были Володя и Федя Моргуны, которые жили в цокольном этаже, отец которых, бывший политкаторжанин, получил право на квартиру в нашем доме. Жили они с мачехой и отцом, и тоже целыми днями были во дворе или на улице.

Еще одним моим товарищем был Женя Воронов, который жил с матерью, отцом и бабушкой. Бабушка, которая постоянно его опекала и тоже пыталась звать его домой. Но, даже когда она выходила, ей с трудом удавалось зазвать его домой. Главным образом, эта кампания играла в мяч, который на один из дней рождения мне подарил отец. Этот футбольный мяч был у нас в полном распоряжении, игра в футбол стала любимым занятием. Иногда

мы подтягивались на турнике, иногда на брусках. Частенько заглядывали в сад, где летом созревали фрукты: вишни, сливы, яблоки, груши. Сад был небольшим, но хорошо плодоносил. Мы очень часто срывали незрелые фрукты и тут же их поедали. Кончилось это тем, что я оказался в больнице с брюшным тифом. Это была первая серьезная болезнь, которую я перенес в детстве. Кроме того, у меня частенько бывала беспричинная рвота, когда вечером отец обещал меня взять на рыбалку. Ночью у меня начиналась рвота и в конечном итоге поездка откладывалась. Отец уезжал сам.

Частенько мы ходили к сараям, где некоторые наши соседи, в частности, Шуляковы, держали кролей. Там мы играли с этими зверьками и получали истинное наслаждение.

Кроме того, в первых классах моих занятий в школе, я начал покуривать. Курили мы обычно дешевые папиросы, которые в народе называли «Третьяк». Они стоили 35 копеек пачка. Мы имели возможность приобрести эти папиросы. Курили обычно не во дворе, а за сараями, украдкой, где нас не могли видеть ни наши родители, ни наши соседи.

В 30-х годах, когда открылись «торгсины» (магазины, где торговали иностранными товарами, которые можно было приобрести в обмен на золото и драгоценности), там стали продавать иностранные сигареты. Сейчас я уже не помню, кто из наших товарищей принес эти сигареты, но мы все тянулись, чтобы их покурить. Естественно, что табачный запах вызывал подозрение у мамы. Однако дальше дело не шло, я продолжал покуривать. Пока один раз зимой, когда время мы проводили не во дворе, а в подъездах ближайших домов, особенно часто в доме Бекетова № 37, где был достаточно большой вестибюль, куда мы приходили греться, просто проводить время и при этом покуривать. В один из таких моментов, когда я курил, в вестибюль зашел кто-то из взрослых, и я спрятал руку с папиросой в карман. Затем вытащил, ничего не заметив. А потом мне припекло ногу повыше колена. Я снял пальто, которое было на вате, а карман, в который я сунул руку с папиросой, оказался дырявым, и в пальто выгорело много ваты, образовав большую дыру. Когда я пришел домой, мама сразу это обнаружила. Я получил сильнейший нагоняй.

Временами за серьезные проделки меня наказывал отец. Он зажимал мне голову между коленями, обнажал ту часть, которая ниже пояса, и наказывал ремнем. Такие случаи были редки, но запомнились мне на всю жизнь.

Что касается мамы, то она пыталась иногда меня наказать, но я убегал. Бегал по комнате вокруг стола. Она безуспешно пыталась меня поймать, а потом и гнев проходил. В итоге, я оставался не наказанным.

Обычным подарком в дни моего рождения, 8 июня, были фрукты. Ежегодно отец приносил кулёк клубники и черешни. Это был постоянный подарок ко Дню рождения.

Часто вечерами у нас в комнате собиралась кампания. Это были соседи — Кузьма Антонович и Мария Степановна Шуляковы и приятели отца по работе. В это время играли в лото, в домино или в подкидного дурака. Эти забавы взрослых нередко затягивались до довольно позднего времени. И я вначале все видел, слышал, а потом засыпал.

По выходным дням мы иногда посещали дедушку и бабушку, родителей отца. Пока я был мал, я приходил с родителями, а позднее, когда подрос, я ездил к бабушке и дедушке самостоятельно, пользуясь трамваем № 20. Жили они на Богдановском переулке, который шел параллельно ул. Плехановской и выходил на улицу Кирова. В переулке был длинный одноэтажный дом, в котором дед получил квартиру от трамвайного треста. Мой дед, Василий Константинович Кадеев, родился в селе возле г. Фатех Курской области. В конце XIX в. он пришел в Харьков и устроился работать на конке.

Трамваев в городе тогда еще не было, а была конка, т. е. экипажи на конной тяге. В связи с тем, что лошади оставляли по пути следования следы в виде конских «яблок», существовала должность метельщика, который сметал конские яблоки. Дед был одним из представителей этой профессии. В дальнейшем он работал в трамвайном тресте. Последней его должностью была должность диспетчера трамвайного движения. Диспетчерский пункт находился на пл. Розы Люксембург, напротив центрального универмага. Какими были предыдущие ступени его карьеры, я не знаю, но в диспетчерскую на пл. Розы Люксембург, я, будучи школьником, несколько раз заглядывал.

Жили дед Василий Константинович и бабушка Анастасия Ивановна в квартире, состоявшей из комнаты, кухни, сеней. Таких квартир в доме было больше десятка. В свое время, этот дом построили трамвайщики для своих служащих и работников.

Здесь, в Богдановском переулке, когда я стал приходить самостоятельно, меня ждало угощение в виде вишневой наливки с последующей едой. Кроме того, дед иногда делал мне мелкие подарки. Обычным подарком такого рода был хорошо заточенный карандаш. Несколько карандашей у него всегда стояли в вазочке. Я с удовольствием принимал карандаши в качестве подарка.

Бабушка нигде не работала, была домашней хозяйкой. В 30-х годах они жили вдвоем, а в начале XX века у них родился сын, Иван, мой отец, затем дочь Нина и, наконец, третьим ребенком был Петр Васильевич. Таким

образом, семья состояла из пяти человек. Все они жили в этой однокомнатной квартире с кухней и сенями.

К сожалению, Петр трагически погиб в 1930 году по собственной глупости. В нетрезвом виде в доме по улице Артема он, желая погугать свою девушку, имитируя повешенье, соскользнул с перил лестницы перед дверью ее квартиры, и повесился. Попытки спасти его от удушения оказались тщетными.

Я был на его похоронах, но запомнил только фиолетовые тапочки покойника. Ведь мне было только 3 года.

Что касается происхождения моего деда, его предков, на это мне указал академик Борис Александрович Рыбаков, во время одной из наших встреч в Москве, в то время, когда я там был в докторантуре Института археологии АН СССР. Он сказал, что, судя по фамилии и местожительству, мои предки по отцу были так называемые «однодворцы». Однодворцы — это служивые люди на границах Российской империи, которые за свою службу получали участок земли, строили двор, но он должен был быть один. Отсюда и название «однодворцы». Таким образом, в Курской области они защищали южную границу Российского государства. Некоторые из однодворцев становились помещиками, но двор все равно должен был оставаться одним. Те же, которые имели многочисленное потомство, очень быстро разорялись и оставались сельскими жителями, обычными крестьянами. Таким образом, вполне вероятно, что моими предками по отцовской линии были однодворцы.

Дома у нас был аквариум с рыбками и клетки с чижом и щеглом. Кормить и рыбок, и птиц входило в мои обязанности. В конце 30-х годов у нас появилась кошка, которую звали Аза. Это была черная кошка с длинной шерстью и зелеными глазами.

Между соседними домами 41, 39 и 37 не было заборов, и поэтому ареал наших забав и прогулок включал все три двора этих домов. Выйдя из дома, я мог перейти в соседний двор дома № 39. Мог подняться на небольшое возвышение и оказаться во дворе дома № 37. Одним из любимых занятий наших, местных мальчишек, было посещение этюдов художника Самокиша, жившего в доме № 37 в квартире художника Пестрикова, которому архитектор Бекетов выделил квартиру в своем доме. После смерти Пестрикова, Самокиша, который был глубоким стариком, опекала вдова Пестрикова — Наталья Георгиевна.

В летние дни, когда во дворе было солнце, художник Самокиш, великий баталист, выходил с мольбертом во двор дома № 39. Мы, дети, увидев, что

он поставил мольберт и начинает работать кистью, окружали Самокиша и с большим интересом рассматривали его великолепные рисунки батальных сцен или изображения лошадей, которые он рисовал по памяти. Мы с восторгом наблюдали, как на холсте появлялись изображения лошадей и батальных сцен. Обращал на себя внимание и весьма своеобразный костюм Самокиша, в составе которого неизменно были светло-коричневые краги. Это были незабываемые часы, которые по прошествии более 75 лет я с удовольствием вспоминаю.

С любопытством мы, ребяташки, наблюдали, как зять архитектора Бекова Рофе выводил своих мальчиков Федю и Вову и руководил их физической подготовкой. Учил их делать приседания, отжимания, прыгать и, тем самым, пытался сделать их физически здоровыми ребяташками. Родители других детей этим никогда не занимались. Инициатива полностью принадлежала нам самим и детям постарше возраста, которых мы копировали.

Кроме физических упражнений на турнике и брусьях, игры в футбол, катания на велосипеде, мы иногда совершали и хулиганские выходки по отношению к жителям домов, которые располагались под горкой по Журавлевской улице и Белгородскому спуску. Это хулиганство состояло в том, что мы швыряли камни во дворы и на крыши домов, которые находились на несколько десятков метров ниже нашего сада. Бросали камни, совершенно не думая о том, что это может привести к несчастным случаям.

В школьные годы к моим домашним обязанностям прибавилось еще одна обязанность. Я ходил с судками в столовую Технологического института покупал обед и приносил его домой.

Зимой мы катались на санях и лыжах. Играли в снежки, а во время оттепели возводили запруды. Хорошо запомнилось 1 декабря 1934 года, когда я, после устройства очередной запруды на улице у дома № 39, вернулся домой и услышал по радио сообщение о злодейском убийстве товарища Кирова. Дома у нас была радиоточка в виде черной тарелки, и это был для меня основной источник информации.

Во второй половине 30-х годов зимы стали более суровыми, усилились морозы. Своего предела они достигли в 1940–42 годах, когда температура достигала 40–42 градусов по Цельсию. Но мы и в такие морозы продолжали кататься на санях и лыжах. Спускались с горок или спускались по Белгородскому спуску до Журавлевской улицы. А потом цеплялись крючком за кузов машины, которая поднималась на гору от Журавлевской улицы по Белгородскому спуску. Иногда спускались с горы, от Технологического института вниз до Белгородского спуска. Но это было опасно ввиду большой

крутизны горы. Однажды кто-то из ребят, кажется, Витя Крутьев, во время спуска с этой горы, сломал ногу. Случилось это в 1940 году, когда у нас появились жесткие крепления на лыжах.

Начиная с 5 класса, одним из развлечений стали поездки на трамвае № 7 на участке Парк-Лесопарк, во время которых мы учились прыгать с трамвая на ходу. Для этого садились в вагон-прицеп, с задней площадки которого и прыгали с трамвая. Двери трамвая в то время не закрывались пневматически, а были открыты. И это позволяло нам прыгать на ходу. Родители, конечно, об этом ничего не знали.

В детстве и в школьные годы я многократно встречал на улице архитектора А. Н. Бекетова, когда он выходил на улицу и отправлялся по своим делам. Это был худощавый пожилой человек с седой бородой в темном костюме при галстуке. Несколько раз я шел за ним, когда он направлялся в сторону Пушкинской улицы по правой стороне улицы Дарвина. У Дома архитектора он останавливался возле балкона и арки, делал поворот направо и до пояса кланялся. Долгое время я был в недоумении, чем это вызвано. И только несколько лет тому назад, когда я об этом рассказал его внуку Владимиру, тот мне сказал, что, вероятно, он делал этот поклон в сторону Каплуновской церкви, которая когда-то находилась на Каплуновской улице, переименованной в советское время в улицу Краснознаменную. Архитектор А. Н. Бекетов автор проектов домов в центре Харькова, выполненных в стиле неоклассицизма, украсивших наш город. Например, это целый комплекс зданий на площади Конституции, здание Художественного музея и Дома ученых по Совнаркомовской улице.

Хотя мой отец довольно часто брал меня на рыбалку, но плавать не научил. Моим учителем плавания был соседский мальчик Витя Крутьев, который учил меня плавать, а потом и прыгать с деревянного мостика, который в народе называли «кладки», на реке Харьков. В дальнейшем я освоил несколько стилей плавания — брасс, баттерфляй и другие.

Этажом ниже нас в доме № 41 жила семья Жук, у них был сын Зиновий, которого мы, дети, называли дядя Зюня. Он работал в Технологическом институте лаборантом и был старым холостяком. Ему было более 30 лет, но он очень любил детей, которые ему отвечали взаимностью. Когда в конце дня он возвращался с работы домой, к нему бросались малыши с просьбой: «Дядя Зюня! Дай пятак!», и он никогда никому не отказывал.

Одним из воспитателей детей нашего и соседних двух домов был сторож гаража, располагавшегося рядом с нашим домом. Звали этого сторожа Владимир Ильич. Он вечерами собирал вокруг себя ребяташек, при этом

у него с языка всегда слетали шуточки-прибауточки, нецензурная лексика, и мы, ребяташки, буквально впитывали все эти его рассказы и его лексику. Это был одинокий человек средних лет, который работал и ночевал в этом гараже. Посещения его гаража стало для нас нормой и дополнением в воспитании, которое мы получали.

Школьником я с родителями неоднократно посещал оперу, театр им. Шевченко, театр Русской драмы. В оперном театре я слушал Паторжинского, Литвиненко-Вольгемут. Кроме опер «Аида», «Запорожец за Дунаем», я смотрел и балет «Лебединое озеро». Запомнил еще с тех пор артистов театра им. Шевченко, таких корифеев, как Марьяненко, Сердюк, Радчук и других. Их я встречал неоднократно на улице и позднее, уже будучи взрослым человеком.

Посещали мы постоянно бесплатные сеансы кино, которые смотрели во дворе дома № 6 по улице Дарвина, где экраном служила выбеленная стена этого дома. Этот дом был местом, где жили военнослужащие, и поэтому туда регулярно приезжала киногруппа и демонстрировала различные фильмы. Мы пролазили через всякие щели, например, под железными воротами дома, и потом тихонечко сидели и, открыв рот, смотрели эти киносеансы.

Помню еще с детства, как мой отец, когда был в хорошем настроении, пел различные песни, особенно часто такие, как «По диким степям Забайкалья» или «Славное море, священный Байкал». В кампании после «рюмки чая» пел шуточную песню о Ванюшеньке-душеньке, который был любимым из семи зятьев. Это была его любимая песня. [...]

Кажется, во время учебы в 5 классе я начал посещать Дворец пионеров, созданный в Харькове по инициативе Постышева в здании бывшего дворянского собрания в 30-х годах XX века. Это был первый в Советском Союзе Дворец пионеров. Располагался он в центре Харькова на нынешней площади Конституции. У входа в здание были две чугунные пушки, а внутри большой вестибюль с бассейном. Интерьер этого вестибюля был отделан белым мрамором, мраморными плитками. Во Дворце пионеров я посещал секцию изобразительного искусства, где учился технике рисунка с натуры. Рисовали карандашом и акварельной краской под руководством опытного преподавателя. В дальнейшем в жизни эти уроки мне очень пригодились, особенно, когда я стал заниматься археологией.

Кроме посещения бабушки и дедушки, мы всей семьей ходили к сестре отца Нине Васильевне. Она была замужем за Григорием Еременко, который в 30-х годах работал на заводе ХЭМЗ. Жили они по улице Молочной, теперь это улица Кирова, в доме № 20. У них была дочь Валентина старше меня на

один год. Дядя Гриша был хорошим рассказчиком и любителем анекдотов, которых знал великое множество.

Еще одним местом, куда мы ходили всей семьей, был дом на Москалевке, где жил мамин дядя Самуил Андреевич Шаповалов с женой Марией Гордеевной и тремя дочерьми — Талой, Нарой и Аней. Правда, Тала и Нара уже в то время были замужем. Обычно в этом доме собиралась целая кампания, для них Мария Гордеевна накрывала стол, а мужья дочерей или женихи приносили с собой спиртное. Помню, что я еще очень маленький крутился у стола, а «умные» дяди украдкой подносили мне рюмку. Я мгновенно выпивал, польщенный таким вниманием ко мне со стороны взрослых дядей. Что касается моего отца, то он всегда и везде выпивал только одну рюмку. Об этом знали все присутствующие и никогда не настаивали на том, что нужно повторить.

В детстве я был очень худеньким мальчиком. Иногда у меня болел живот. Страдал также плохим аппетитом. Все это тревожило мою маму. Поэтому, когда она работала в студенческой поликлинике Харькова, она довольно часто водила меня к врачам этой поликлиники на медицинский осмотр. Для меня это было сущей пыткой, но отказаться идти было невозможно. Многие диагнозы, поставленные в то время, не оправдались. Однако один диагноз, поставленный пожилым доктором Ворониным, оказался правильным. Он обнаружил у меня правостороннюю грыжу, однако проявилась эта болезнь у меня только тогда, когда я стал дедом. Случилось это во время отдыха с внуками на Коробовых Хуторах. Кстати, доктор Воронин — выпускник медицинского факультета Харьковского университета. Я это выяснил при работе над историей Харьковского университета.

Систематическая физическая подготовка, специальные упражнения для укрепления мышц живота дали свои результаты и, таким образом, я о существовании грыжи узнал уже, будучи человеком пожилого возраста.

Кроме убийства Кирова хорошо помню еще одно событие 1934 года. Это эпопея парохода «Челюскин», который оказался затертым льдами в Северном Ледовитом океане. Весь экипаж и научная экспедиция под руководством Отто Юльевича Шмидта высадились на льдине. Каждый день по радио и в газетах сообщалось об опасности, грозившей экипажу и экспедиции. Ежедневно сообщалось о полетах летчиков, совершавших посадки во льдах и эвакуировавших людей с этого парохода. Имена этих летчиков знала вся страна и весь мир. Это были: Водопьянов, Ляпидевский, Молоков, Каманин. Они стали первыми Героями Советского Союза по окончании спасательной операции. Поэтому поводу в народе была сложена пародийная

песня: «Здравствуй, Ляпидевский, Молоков, Каманин. Здравствуй, лагерь Шмидта и прощай. Вы зашухерили пароход «Челюскин», а теперь по тыще получай. Если бы не Мишка, Мишка Водопьянов, не видать бы вам Москвы. Сидели б вы на льдине, словно на перине, и кричали «Мама, помоги». Здесь имеется в виду, что летчик Михаил Водопьянов первым обнаружил челюскинцев во льдах Ледовитого океана. Обнаружил лагерь Отто Шмидта. Мы, мальчишки, исполняли эту песню, как и многие другие, сидя во дворе дома № 39, на крыше ледника, сложенного из каменных блоков.

В 1936 году я впервые оказался зрителем футбольного матча, который проходил на стадионе «Динамо» в Харькове. Пошел я туда вместе с моим отцом. Матч был международным — между сборными Турции и Харькова. В составе сборной Харькова были лучшие игроки города: братья Фомины, Привалов, Шпаковский и другие футболисты. О старшем брате Фомине, кажется, звали его Константином, болельщики рассказывали байку о том, что этому футболисту запрещалось бить по воротам правой ногой, поскольку удар по мячу был якобы такой силы, что мог оказаться смертельным для вратаря. Поэтому он бил по воротам исключительно левой ногой. Позднее я посетил еще несколько футбольных матчей, которые проходили на стадионах «Динамо» и «Сельмаш» (так назывался стадион завода «Серп и молот»). И видел игру лучших футболистов города. Среди них запомнился динамовец Василий Гусаров, который обладал потрясающим дриблингом, и, оказавшись в окружении нескольких защитников, он мог их обвести и нанести удар по воротам. При этом он иногда бил по воротам, став к ним спиной в падении, то есть через себя. Очень нравился мне своей игрой футболист «Сельмаша» Павел Грабарев, но тогда я был только начинающим любителем футбола. Болельщиком стал в послевоенные годы, регулярно посещая все футбольные матчи, которые проводились на стадионах Харькова — матчи на первенство Советского Союза.

В 1937 году, в разгар репрессий против «врагов народа», начались массовые аресты и в Харькове. Аресты производились ночью. К дому в это время подъезжал так называемый «черный ворон», то есть машина, в которой находились сотрудники НКВД. Эти сотрудники звонили в дверь, а потом входили в квартиру и, предъявив ордер на арест, забирали «врага народа» и отвозили в следственный изолятор.

Так произошло в одну из ночей в доме № 37, где проживала семья Шиф: муж, жена и двое детей — Люсик и Соня. Арестованным оказался отец Люсика Шифа — владельца велосипеда, на котором учились и катались мы, ребяташки, четырех домов по улице Дарвина № 41, 39, 37, 35.

Последующие дни все жители этих домов напряженно ждали — за кем еще придет «черный ворон». Этот вопрос с тревогой задавали друг другу по утрам встревоженные жители нашего микрорайона. К счастью, в этих домах «врагов народа» больше не оказалось. Сиротами оказались только Люсик и Соня Шиф.

Годы Великой Отечественной войны

21 июня 1941 года мы прощались с Виктором Филипповым, призванным на службу в Красную Армию. Собрались и старшие ребята, и младшие, вроде меня, то есть те, кто с симпатией относились к этому физически сильному, доброму парню, жившему на первом этаже дома № 37. Мы сидели, разговаривали. Ребята постарше давали Виктору советы. Наконец, приняли решение, что будем провожать его на вокзал, на следующий день, то есть 22 июня, а потом разошлись по домам. На следующий день все провожающие Виктора собрались у дома № 37, а потом вместе с призывником отправились на вокзал. На Пролетарской площади, увидев огромную толпу, собравшуюся у громкоговорителя, вышли с трамвая. Было 12 часов дня. По радио выступал В. М. Молотов. Из этого выступления мы узнали, что рано утром 22 июня на границы Советского Союза, без объявления войны, напали немецко-фашистские войска. Налету немецкой авиации подверглись несколько городов, в том числе и Киев. Впоследствии в песне того времени говорилось: « Киев бомбили, нам объявили, что началась война». Так в 12 часов 1941 года я узнал о том, что началась война, которую впоследствии стали называть Великой Отечественной войной.

Прошло несколько дней и все ожидали, что враг будет разбит, а война будет проходить на его территории. Ведь советская пропаганда всегда об этом говорила. Всем была известна и песня о том, что «... от Москвы до Британских морей Красная армия всех сильней».

Однако время шло, а перелома в войне не было. Немецкие войска продолжали продвигаться вглубь территории Советского Союза, а вражеская авиация совершала бомбардировки городов. Уже в августе подвергся бомбежке Харьков. Немецкие самолеты сбросили бомбы на электростанцию в центре города на правом берегу реки Харьков недалеко от Харьковского моста. Бомбили жилые кварталы по Гражданской улице, улице Мельникова, а также на Лермонтовской, где располагался Физико-технический институт. Перечисленные объекты указывают на то, что у немцев был определенный план. Во время этого налета погибло немало жителей Харькова и среди них

отец двух ребят: Саши и Вани, с которыми я часто встречался, но фамилии их не могу вспомнить. Этой ночью их отец, занимавшийся извозом, пас лошадей на пустыре у школы №55. Он был убит осколком разорвавшейся бомбы.

После этого налета жильцы нашего дома срочно начали рыть зигзагообразные щели в саду около нашего дома. В этой работе активно участвовали и мы, ребята, жившие в доме № 41. Во время следующих налетов немецкой авиации по сигналу «воздушная тревога» мы бежали в сад, чтобы укрыться в щели. Иногда налеты происходили днем. Помню, как во время дневного налета зенитная артиллерия открыла заградительный огонь, и в небе стали видны десятки разрывов зенитных снарядов, произведенных для того, чтобы не допустить немецкие самолеты в городскую черту. Я в это время был возле дома № 35, из которого выскочил бывший нэпман по фамилии Колесников, и радостно начал кричать: « Рублики! Рублики!...», имея в виду, что снаряды не попадали в немецкие самолеты. Даже мне, мальчишке, было ясно, что это заградительный огонь, а этот дядя считал, что это были напрасно выброшенные деньги.

Немецкая армия продолжала свое наступление и, форсировав Днепр, вторглась в пределы Левобережной Украины. 24 октября 1941 года немецкие войска вошли в Харьков.

За несколько дней до этого в городе наступило безвластие. Жители города начали грабить магазины, макаронную фабрику, мельницу, продовольственные склады и предприятия, где было какое-то имущество. Особое внимание населения привлекали винно-водочные заведения. В них выпивохи, добравшись до алкоголя, напивались до такого состояния, что падали, а переступив через них, приходили новые. Это я видел своими глазами на правой стороне, в начале Московского проспекта.

Дома мне было строго наказано ни в коем случае никуда не выходить, а, тем более, не участвовать в этих грабежах. Однако я ходил сначала смотреть, а потом с кем-то из ребят отправился на Журавлевскую улицу, где находилась фармацевтическая фабрика «Здоровье трудящихся». Там оказалось немало людей, которые хватили все, что попадалось под руку. Мы обратили внимание на бинты, пачки ваты и большие черные английские булавки. В результате у меня в марлевом мешке, найденном там же, оказалось немало этого добра. Когда я пришел домой, то получил большой нагоняй от мамы. Отца дома не было, поскольку городской транспорт продолжал работать до самого прихода немцев в Харьков.

С самого начала немецкой оккупации в городе не работал общественный транспорт, не было электричества, не было водопроводной воды, не

работали магазины и предприятия. В домах было холодно. В городе начался голод. Особенно страдали дети и пожилые люди, а также женщины, мужья которых были призваны в армию. В более благоприятном положении оказались те жители Харькова, которые имели огороды, а также те, кто грабил продовольственные магазины, склады, мельницы, макаронную и кондитерскую фабрику «Кофок». Но этого им хватило ненадолго, в дальнейшем выходом из продовольственной проблемы стала так называемая «менка», заключающаяся в том, что горожане стали ходить за продовольствием в села и хутора Харьковской и Полтавской областей, куда приносили одежду, бытовую технику и различные ценные предметы, а в обмен получали зерно и другие продукты питания. Но ходили на «менку» молодые здоровые люди, а старики и люди со слабым здоровьем не могли пойти в села, находившиеся за десятки километров от города. Они за бесценок отдавали чудом сохранившиеся у них золотые монеты, драгоценности и другие ценные вещи, а когда ничего уже не оставалось, пухли от голода и умирали.

Из-за отсутствия водопроводной воды, каждый день необходимо было принести воду из колодца. За водой ходили отец или я. Колодец находился на Журавлевской улице, под горкой, недалеко от так называемого Горбатого моста, то есть на расстоянии около полукилометра от дома. С ведром воды приходилось подниматься на гору высотой несколько десятков метров. У колодца собиралось немало людей, и поэтому туда опускали сразу несколько ведер, а потом тащили наверх.

Некоторые люди были настолько слабыми, что не могли вытянуть ведро из колодца. Другие с огромным трудом поднимались на горку, а иногда и падали.

Проблему освещения решили, начав пользоваться каганцом. В него наливали трансформаторное масло и вставляли фитиль. Трансформаторное масло добыли у умельцев, которые брали его в трансформаторной будке, расположенной недалеко от нашего дома, рядом с институтом металлов.

Для отопления комнаты, в которой мы жили, служил чугунок, который ранее был дополнительным источником тепла. Теперь же на этом чугунке выпекались тонкие лепешки из кукурузы, кочаны которой нам удалось собрать на заброшенном поле на Салтовке. При изготовлении муки и крупы использовалась самодельная мельница, изготовленная из двух жестяных цилиндров, в которых были пробиты небольшие отверстия. При вращении этой мельницы в муку и крупу попадали мельчайшие кусочки жести. Для их удаления использовался магнит, снятый с тарелки репродуктора радио, которое было у нас в комнате.

В это время я, который ранее страдал отсутствием аппетита, испытывал постоянный голод. Мне хотелось что-нибудь поесть, а есть было нечего.

Через несколько дней после вступления немецкой армии в Харьков к нам зашли два солдата. Они молча обошли комнату, а потом один из них увидел на комоде карманные часы отца, протянул руку и после этого часы оказались в кармане его шинели. Затем солдаты молча покинули помещение. Таким было мое первое знакомство с представителями вермахта.

Уже с первого дня после взятия Харькова немецкие солдаты и спецслужбы начали хватать жителей города, а потом совершать казни. Видимо, для устрашения населения города жертву вешали с табличкой на груди с надписью «Я — партизан». В дальнейшем это приняло массовый характер. Первый раз такую казнь я видел в день, когда много людей собралось на углу ул. Сумской и ул. Иванова, у дома Харьковского обкома КП(б)У. Собравшиеся пришли послушать сводку о ходе военных действий, которую передавали на русском языке по радио с немецкой машины по громкоговорителю. Потом радио замолкло. И люди, стоявшие на ул. Иванова, увидели ноги человека, спускавшегося с балкона здания обкома. Они подумали о том, что это человек устраняет какой-то дефект радиопередачи. Однако те, кто стоял на площади и на Сумской улице, подняли крик и стали разбегаться. И тогда мы, стоявшие на ул. Иванова поняли, что это ноги повешенного человека, и тоже стали расходиться. Среди последних был и я. В дальнейшем число повешенных возрастало. Их стали вешать на деревьях. Я лично видел повешенных на ул. Кирова. По рассказам очевидцев это происходило на ул. Свердлова и в других районах города.

Немецкие спецслужбы находились в нескольких местах города. По ул. Сумской дом № 100 находилось гестапо, а на углу Пушкинской и ул. Фрунзе целый квартал с домами и большим внутренним двором занимала служба безопасности СД, которую в Харькове возглавлял Кране Биттер, казнь которого я видел на Благовещенском базаре в 1943 году. Его повесили у входа в крытый рынок за те злодеяния, который он творил в Харькове. На судебный процесс, возбужденный против него и его пособников, приезжал Илья Эренбург. Процесс проходил в оперном театре.

В 1942 году в Харькове был введен комендантский час. Кажется, с 20 часов и до утра. Кого задерживали в это время, тут же расстреливали. Поэтому жители города в это время не выходили из дома.

Зима 1941–42 гг. была очень суровой, поэтому жители Харькова умирали не только от голода, но и от холода в домах, где не было отопления.

Очень жалко выглядели и солдаты немецкой армии в своих серо-зеленых шинелях и пилотках на голове. Чтобы уберечь себя в 40–42 градусный мороз они надевали утепленные наушники. Несколько раз я встречал в городе немецких солдат, у которых из носа висели сосульки.

В декабре 1941 года по городу были развешаны объявления, в которых говорилось: «Всем жидам города Харькова с вещами нужно явиться в район тракторного завода». Не явившимся грозила смертная казнь. Эти люди не знали, что их ждет в районе ХТЗ, предполагая, что их переселяют в гетто. Но в действительности гитлеровцы решили их уничтожить. Хотя в Харькове осталась лишь беднейшая часть еврейского населения и немощные старики и дети. На улицах появились эти несчастные люди с вещами, которые они везли на санях. Это было жуткое зрелище, которое невозможно забыть. Из тысяч этих людей спаслись немногие, из числа тех, кто попал в Дробицкий Яр в районе тракторного завода. Они спаслись, бежав из этого страшного лагеря. Среди них был и любимец детей нашего микрорайона Зиновий Жук. Незадолго до войны он женился на сибирячке, имени которой я не помню. После его ухода в район ХТЗ она поселилась в свободной квартире в доме № 25 по нашей улице, где Зиновия никто не знал. После бегства из Дробицкого Яра он вернулся к жене, и она его прятала до освобождения Харькова в феврале 1943 года.

В период немецкой оккупации в городе оказалось немало коллаборационистов, которые сотрудничали с немцами. Из числа жителей ул. Дарвина на службу в немецкую армию пошел сын, выше упоминавшегося мною Колесникова, по имени Евгений. Это стало нам известно, когда он появился на улице в немецкой униформе весной 1942 года. Другим был жилец дома № 31, известный в Харькове адвокат Семененко, который в 1942 году стал обербургомистром Харькова.

Для мобилизации жителей на срочные работы в городе устраивались облавы. Однажды выйдя из дома, я попал в такую облаву и был схвачен полицией. Всех задержанных отправили на разборку тира, расположенного в восточной части парка, окружавшего Технологический институт. Нас заставили раскапывать насыпи, окружавшие тир, в поисках деревянных конструкций. По окончании работы нас отпустили.

Когда началась компания отправки на работу в Германию, повсюду на стенах домов появились листовки на украинском языке: «Друже! Я тобі допоможу. Я їду на роботу до Німеччини». Однако желающих ехать на работу в Германию оказалось немного. Я знал только одного такого «добровольца». Им был сын наших соседей Шуляковых — Владимир. Подавляющее большинство тех, кто был отправлен в Германию, не хотели туда ехать, но

их отправили принудительно. Так было с Николаем Поярковым, который жил в соседнем доме № 39.

С началом холодов, из-за выбитых при бомбежке воздушной волной окон, жить на ул. Дарвина 41 нам стало невозможно. Всей семьей мы переселились на Богдановский переулок к бабушке и дедушке в их однокомнатную квартиру, где было печное отопление. Там мы прожили несколько месяцев, а потом переселились в квартиру № 69 по ул. Дарвина 16, где были две свободные комнаты. Чтобы не умереть от голода сначала отец в одиночку, а потом и вместе со мной, стали ходить на «менку». Ходить приходилось довольно далеко, в Нововодолажский район Харьковской области. Я запомнил два села в этом районе Деревивку и Кабакивку, где мы, в обмен на вещи и предметы необходимые в повседневной жизни, получали продукты питания в виде зерна, пшена, муки, картофеля, яиц, макухи, подсолнечного масла. Отправляясь в очередной раз в села, мы стали учитывать пожелания людей, с которыми общались во время предыдущего обмена и выполняли их заказы. Для этого продавали на базаре часть продуктов и, на вырученные деньги, покупали заказанные товары. Нашим транспортом в зимнее время были мои сани. Ходили мы по маршруту Новожаново, Карачевка, а затем выходили на железную дорогу и шли до Мерефы, а далее перейдя мост через реку Мжу, направлялись в Новую Водолагу, и, наконец, в Деревивку или Кабакивку. По этому маршруту до Новой Водолаги шло немало людей, а затем направлялись в села и хутора этого района, туда, где совершали обмен. Во время этих походов на «менку» я проходил по дороге мимо Донецкого городища, о существовании которого я тогда не знал. О «менке» горожане сложили несколько песен. В одной из таких песен говорилось: «Ряба Дунька на селі живе, і міняльникам проходу не дає. За пшоно та за конину привізіть мені піянину, дйчеські романси буду грати!». Однажды, когда мы шли с отцом в Кабакивку, на дороге между Ольховаткой и Новой Водолагой, партизаны обстреляли немецких солдат. После этого немцы стали захватывать заложников из числа харьковчан, шедших на «менку». И расстреляли несколько десятков человек. А мы этот участок дороги прошли примерно за час или полтора до этого.

Ранней весной 1942 года на подходе к Деревивке, переходя по льду через какую-то речушку, я провалился в воду. В селе мы быстро нашли какую-то хату, куда нас пустили. Пожилой человек, хозяин хаты, снял с меня одежду и начал растирать соломой. Потом накрыл меня кожухом и положил на лежанку печи. Мою одежду и обувь высушили на печи. Утром я оказался здоровым. Таким образом, народная медицина помогла мне избежать болезни.

Весной 1942 года, когда мы возвращались домой, стремясь успеть до начала комендантского часа, на Заиковской улице я увидел грузовую машину, кузов которой был переполнен каким-то грузом, накрытым брезентом. Когда мы поравнялись с машиной, то я увидел, что грузом машины были трупы людей, умерших от голода. Харьковская городская управа получила поручение от немецких властей во избежание эпидемии очистить квартиры домов города от умерших жителей. Страшную картину можно было увидеть на западном берегу реки Харьков на подходе к Харьковскому мосту. Там в «щелях», вырытых при обороне города, находились сотни трупов людей, умерших от голода. Их туда свозили, заполняя «щели», которые стали братской могилой для многих жителей города во время немецкой оккупации Харькова.

В мае 1942 года началась Барвенковско-Харьковская военная операция, целью которой было освобождение Харькова летом 1942 года. Но советские войска потерпели неудачу.

Во время пребывания на «менке» в Деревивке, которая находилась на возвышенности, хорошо было видно бой развернувшийся у села Охочее, расположенном в нескольких километрах от того места, где находились мы.

Примерно в это же время наши войска продвинулись и на территории к востоку от Харькова. В городе была слышна артиллерийская канонада, доносившаяся из района ХТЗ. А ночью были видны вспышки от разрывов снарядов. Однако, как известно, попытка освободить Харьков в это время закончилась неудачей. Харьков был освобожден от немецко-фашистских захватчиков в феврале 1943 года. В течение февраля — начала марта 1943 года в советскую армию были призваны многие харьковчане, в том числе и мужчины старших возрастов, ранее в армию не прозывавшиеся. Среди них был и мой отец, которому было 42 года. Все они строем покинули город, но армейского обмундирования им не выдали. Они покинули Харьков в гражданской одежде. Я попрощался с отцом, и как стало известно позднее, навсегда.

В конце февраля или в начале марта 1943 года на Сумской улице, недалеко от театра имени Шевченко, чуть выше «Гастронома», произошла драка двух харьковчан, один из которых обвинил другого в сотрудничестве с немцами. Вокруг дерущихся собралась толпа, в которой оказался и я. В этот момент к месту происшествия подъехала машина «Виллис», в которой были два офицера и Н.С. Хрущев в генеральской униформе. Н. С. Хрущев вышел из машины и стал выяснять, в чем дело. Драчуны стали в ответ обвинять друг друга в сотрудничестве с немецкими оккупантами. И тогда Н. С. Хрущев

приказал сопровождавшим его офицерам взять обоих и посадить в машину. Машина отъехала, а толпа разошлась.

Жители города радовались, но не долго. В марте 1943 г., собрав все имеющиеся резервы, в том числе и несколько дивизий СС, немцы вторично заняли Харьков. За день до вступления немцев в город, по городу были развешены листовки за подписью Н.С. Хрущева, в которых говорилось о том, что Красная армия ведет ожесточенные бои с немецко-фашистскими войсками и наступление немцев будет остановлено. Многие мужчины из числа жителей Харькова, готовые покинуть город, остались в Харькове, поверив заявлению Н.С. Хрущева. В восточной части города немцы встретили сопротивление не только Красной армии, но и местных жителей, у которых было оружие. В ответ они начали захватывать заложников и расстреливать. Мой однокурсник по техникуму Евгений Иванов рассказал мне о том, что произошло в доме № 10 по ул. Металлистов, где он проживал. Окружив этот дом, эсесовцы ходили по квартирам и забирали мужчин, проживавших в этом доме. В их числе оказался и пятнадцатилетний Евгений. Их собрали во дворе дома, а потом расстреляли. И только мальчишку, Евгения Иванова, отпустили.

В марте 1943 года эсесовцы заняли почти весь второй этаж дома № 41 по ул. Дарвина, а во дворе разместили артиллерийскую батарею. Оставшихся в доме жителей, включая мальчишек, заставляли пилить и рубить дрова.

Я, в 1943 г. вместе с соседом Николаем из квартиры № 68 нашего дома, работал на спичечной фабрике, которую открыл в гараже нашего двора жилец квартиры № 70 по фамилии Хармадарян. Это позволяло нам с мамой покупать кое-какие продукты. Хлеб я покупал на «толкучке», расположенной на месте рядом с нынешним книжным магазином напротив Дворца труда. Продавцами и покупателями «толкучки» были жители города и немецкие солдаты, которые многое покупали, а продавали только буханки хлеба, который долго не черствел, и солдатскую обувь. Больше всего немецких солдат интересовали золотые монеты достоинством пять и десять рублей. На этой «толкучке» всегда было много людей.

Вторая оккупация Харькова была недолгой, всего несколько месяцев. После двухнедельных ожесточенных боев, в ходе которых город подвергался артиллерийскому обстрелу, немецкие войска покинули город 23 августа 1943 года.

Ликующий народ вышел на улицы, а потом собрался на площади Дзержинского. В этот момент над городом появились немецкие двухфюзеляжные самолеты — разведчики, которые, кажется, назывались «Фокке-Вульф»,

народ их называл «рамами». Они корректировали обстрел немецкой артиллерии, расположенной за городом со стороны Холодной горы. Этот артиллерийский обстрел привел к многочисленным жертвам. На площади и прилегающих улицах города погибло и несколько человек из числа жителей дома по ул. Дарвина 16. Я в этот день болел и поэтому остался дома.

В освобожденном Харькове

После освобождения Харькова в августе 1943 года, я в конце сентября поступил в единственный в то время в Харькове техникум, в котором готовили специалистов для железнодорожного транспорта. Этот техникум находился на улице Большая Гончаровка. Поступил на отделение СЦБ (сигнализация, централизация и блокировка), однако занятия в техникуме несколько месяцев не начинались, и я был направлен на Харьковский вагоноремонтный завод, где работал в кузнечном цехе подручным кузнеца. На этом заводе я получил хлебную и продуктовую карточки. На работу ходил пешком туда и обратно. Завод находился на улице Котлова. Каждый день в обеденный перерыв мы собирались у ворот завода, а потом по гудку, объявлявшем о начале перерыва, выскакивали из заводских ворот и перебежали через улицу, в столовую. Там мы обедали и получали хлебный паек, кажется, восемьсот граммов. Но после обеда и дороги домой от восьмисот граммов оставалось, в лучшем случае, только половина. Проработал я на вагоноремонтном заводе с конца сентября до начала декабря 1943 года включительно.

Уже в сентябре 1943 года мы стали получать солдатские треугольники писем. Их писал мой отец, который в это время воевал на Смоленщине. Он был сапером. Письма были очень оптимистическими и бодрыми. Мы с мамой очень радовались, когда получали эти письма. Однако уже в октябре 1943 года мы получили извещение, в котором говорилось: «Ваш муж, сапер саперного взвода воинской части № 05864, красноармеец Кадеев Иван Васильевич, в бою за социалистическую родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, ранен и умер от ран 6.10.43 года. Похоронен в деревне Селишки, Духовщинского района, Смоленской области. Командир части Зубаиров, Начальник штаба Сидоров». Датируется отправка извещения 10 октября 1943 года. Получив это извещения из райвоенкомата, мы с мамой плакали несколько часов. Извещение давало право на получение пенсии, но мама не стала ее оформлять. Она в это время уже работала на заводе ХЭМЗ изолировщицей и получала небольшую зарплату. Вообще в своей жизни она никогда не умела отстаивать свои права. Это было и тогда, когда

управдом отнял у нас одну комнату в квартире в доме № 16, на что не имел в отношении семьи погибшего на войне, никакого права. Я же тогда был 16-летним мальчишкой.

От своего однокурсника по техникуму Евгения Иванова, который жил на улице Metallistov, в ноябре 1943 года я узнал о том, что при заводе № 75 (теперь завод им. Малышева) открывается машиностроительный техникум. Он сам и я в начале декабря 1943 года подали туда документы на танкостроительное отделение. Через несколько дней я был зачислен учащимся этого техникума. Но занятия в техникуме начались только в январе 1944 года. Три недели до этого мы работали на восстановительных работах помещения техникума, которое было разрушено. Техникум располагался в бывшем детском садике в поселке Артема, и это здание превратилось в здание машиностроительного техникума при заводе № 75.

Занятия в техникуме начались с 1 января 1944 года, но первые годы мы, учащиеся в полном составе, два-три раза в неделю по несколько часов в день работали на восстановительных работах завода № 75. Особенно часто нас использовали в корпусе № 300, в дальнейшем ставшим сборочным цехом тепловозов. То есть уже тогда, в годы войны, думали о выпуске не только танков, но и тепловозов для железнодорожного транспорта.

Работали мы и в цехе № 570, который превратился в термический цех завода. Несколько раз в выходные дни нас посылали разбирать развалины главного корпуса завода ХЭМЗ.

Летом 1944 года в выходные дни мы выезжали на сельскохозяйственные работы в подшефный колхоз, а также работали на восстановлении стадиона «Металлист». В июле 1944 года в течение месяца наша группа работала на прополке и уборке урожая в подшефном заводу колхозе. Руководителем группы был военрук техникума. Приказ на эту командировку, во время каникул, подписал директор техникума. Таким образом, в 1943–1944 годах учебный процесс в техникумах во много дополнялся восстановлением разрушенных заводов и сельскохозяйственными работами из-за нехватки в стране рабочих рук.

Располагался машиностроительный техникум в поселке Артема. Первый год туда было очень сложно добираться. Трамваи тогда ходили только до велозавода, так как мост над железной дорогой был разрушен. От велосипедного завода до техникума приходилось идти пешком. После восстановления моста трамваем можно было доехать до следующей остановки, которая находилась за мостом, а потом пешком идти в поселок Артема.

Директором машиностроительного техникума был Тарлов, а заведующий-

щим учебной частью — Валентин Георгиевич Терлецкий, который много внимания уделял нашему воспитанию. Помню фамилии некоторых преподавателей: математику преподавал Иван Николаевич Литвиновский, физику — Серебрянский, механику — Белановский, черчение — Леонид Иванович Красников, технологию металлов — Бойко, станки — Хохалев. На первом курсе преподавали историю народов СССР, русский язык и литературу, английский язык. Но преподавателей этих дисциплин я не запомнил. Что касается английского языка, то этот язык я предпочел немецкому, который я немного знал на бытовом уровне. Но после оккупации я так возненавидел его, что решил отказаться от дальнейшего изучения и выбрал английский язык. Среди преподавателей более других запомнился Иван Николаевич Литвиновский, учивший нас математике. Он был очень требовательным и справедливым. Если кто-либо не подготовился к занятиям, но сказал ему об этом, на занятиях он этого учащегося не вызывал. Очень много внимания он уделял устному счету, толково и доходчиво излагал самые трудные вопросы своего предмета. За все время своего преподавания он не пропустил ни одного занятия.

Перед началом занятий мы обычно были у входа в техникум, но, увидев Литвиновского, который подходил к техникуму, мы знали, что до начала занятий остается пять минут. И сразу поднимались на второй этаж техникума в аудиторию.

Мне, до войны окончившему только шесть классов, в первом семестре приходилось очень нелегко, так как я не знал математики, преподававшейся в седьмом классе. Приходилось нагонять упущенное и учиться новому. Поэтому в таблице за первый семестр у меня по математике была тройка. Во втором семестре — отлично. Этот табель я обнаружил среди своих документов. Учиться было трудно и потому, что не было учебников. Главным источником наших знаний было посещение всех занятий и выполнение домашних заданий. Преподавателям техникума приходилось постоянно пользоваться доской, на которой изображались иногда довольно сложные схемы и рисунки. Первенство в этих изображениях на доске принадлежало преподавателю Хохалеву, который на доске изображал схемы различных металлорежущих станков.

При техникуме была столовая, где учащиеся могли пообедать, имея на руках хлебную и продовольственную карточки. В здании техникума располагались мастерские и радиоузел. Перед зданием техникума был пустырь, на котором находились мужской и женский туалеты. До начала занятий мы обычно были на этом пустыре, недалеко от входа в техникум. Аудитории

находились на втором этаже. Специализаций в техникуме было несколько: тепловозостроение, дизелестроение и термическая обработка металлов. Тепловозостроение пришло на смену первоначально объявленному танкостроению, которое так привлекло нас, мальчишек, в этот техникум. Курс о тепловозах нам читал Юрий Исаевич Гельфгат, он был и руководителем моего дипломного проекта, посвященного ходовой части тепловоза.

Вероятно, с конца 1944 года я начал регулярно посещать стадион «Металлист», где занимался в гимнастической секции, руководителем которой был кандидат в мастера спорта Евгений Кавазян. Это был очень добрый молодой человек и хороший тренер по гимнастике. Тренировались мы в помещении под западной трибуной стадиона. Деревянный пол этого зала во время войны сорвали и унесли на топливо жители ближайших к стадиону улиц. Поэтому в холодное время года мы во время разминки глотали пыль, а в более теплое время обычно разминались на стадионе.

После нескольких месяцев тренировок на снарядах (турник, брусья, кольца, конь), мы поехали в Ленинград, где проходило первенство профсоюзов страны. Поезд, в котором мы ехали, был так переполнен, что до Белгорода мы ехали в тамбуре, и только там оказались в вагоне. После выступления на этом состязании мне был присвоен третий разряд по спортивной гимнастике. В дальнейшем я продолжал тренироваться по гимнастике, но в случае необходимости меня, по просьбе тренеров по легкой атлетике, выставляли на областных соревнованиях по бегу на дистанцию 1 километр. Соревнования эти проходили на стадионе «Динамо», где я без всяких тренировок показал результат 3 минуты. Во время отсутствия нашей команды по гимнастике, в течение нескольких недель пребывавшей на сборах, куда меня непустили в техникуме, я стал ходить на тренировки по боксу, которые проводил известный в то время тренер Зиборовский. Боксировал я удачно, и Зиборовский обещал меня выставить на «открытом ринге» города. Однако в Харьков возвратились гимнасты, и Кавазян сказал о том, что мне следует начать тренировки по гимнастике, что я и сделал, вернувшись в гимнастический зал. На стадионе «Металлист» существовало несколько волейбольных команд, в одной из которых играл и я. После нескольких выступлений на официальных соревнованиях, мне был присвоен третий разряд по волейболу.

В ночь с 8 на 9 мая 1945 года по радио я услышал сообщение о подписании Акта о капитуляции Германии, и в 1 час 30 выскочил на улицу, а потом отправился на Сумскую к памятнику Шевченко, где уже собралось множество людей. Знакомые и незнакомые люди ликовали и бросались

в объятья друг к другу. Они восклицали одно и то же слово «Победа! Победа!». Чуть выше от памятника, по правой стороне Сумской, на балконе двухэтажного дома образовалась трибуна, с которой с радостными речами выступали люди. Вокруг этой трибуны собралось множество народу, который радостно приветствовал выступавших с этой трибуны. Никогда позднее в своей жизни такой искренней всенародной радости я больше не видел, хотя был в Москве во время космического полета Юрия Гагарина, где люди собрались на Манежной площади, и очень радовались.

Несмотря на бессонную ночь, утром 9 мая я был уже в техникуме. Там у входа в техникум стоял директор Тарлов с жестяной кружкой в руке, а рядом с ним стоял бидон со спиртным. Радостно улыбаясь, он, вопреки канонам педагогики, предлагал всем желающим из числа учащихся выпить «За Победу!». Мы, учащиеся ребята, поодиночке подходили и, приняв из рук директора кружку, выпивали содержимое. После этого мы пошли в столовую техникума, где уже были накрыты столы, и позавтракали. Поскольку в этот день занятий не было, то мы довольно большой кампанией отправились в город, где повсюду было радостное оживление. Люди радовались и поздравляли друг друга с долгожданной Победой.

Машиностроительный техникум и завод № 75

В 1946 году, после сдачи экзаменов за второй семестр, я впервые принял участие во Всесоюзном параде физкультурников, который проходил в Москве на стадионе «Динамо». В билете участника за номером 2281 указано, что я выступал в колонне профсоюзов. Параду предшествовала почти месячная подготовка, которая происходила в Филях под Москвой. Руководил подготовкой очень импозантный и приятный на вид мужчина по фамилии Серый. Ежедневно с микрофоном в руке он подавал команды по выполнению целого комплекса физических упражнений и следил за синхронностью их выполнения. Если нарушалась синхронность, он останавливал выполнение упражнений и заставлял повторять все сначала. Учитывая, что на площадке было несколько тысяч человек, такие повторы были довольно частыми, особенно поначалу. В дальнейшем эти упражнения делались при музыкальном сопровождении. После генеральной репетиции, руководство колонны профсоюзов убедилось, что мы готовы к выступлению. Выступление происходило в День физкультурника на стадионе «Динамо» в Москве. В правительственной ложе сидели И. В. Сталин и члены Политбюро. А вот

в этом ли или в следующем году там был глава компартии Чехословакии К. Готвальд, я сейчас сказать точно не могу. Помню, что он, как и другие, сидевшие в ложе, долго аплодировал после нашего выступления.

Из Харькова, кроме меня, в 1946 году принимал участие в параде Михаил Кемель, с которым мы тренировались у Евгения Кавазяна. В Москве мы подружались с Павлом Ерофицким из Сталинграда и Василием Позняковым из Луганска. Михаил Кемель фанатически накачивал свои мышцы и выглядел как штангист. Однажды в Филях его увидел, известный в то время штангист Григорий Новак, и посоветовал ему заняться штангой, что Михаил и сделал позднее. Его пригласили в Киев, где он получил квартиру и стипендию. Впоследствии Михаил Петрович Кемель стал старшим тренером команды штангистов киевского «Динамо».

В июне 1947 года я стал участником Всесоюзного парада физкультурников в составе делегации Украины. Мне вручили билет за № 3428. Харьков представляли спортсмены-гимнасты разных спортивных обществ, учащиеся физкультурного техникума и несколько физически здоровых ребят в возрасте до 20 лет. Среди последних были мои друзья Федор Моргунов и Юрий Лактионов. Подготовка происходила в Киеве, где нас поселили в военной казарме в Печерском районе города. Каждое утро из этой казармы строем мы отправлялись на Центральный стадион имени Хрущева. Обычно этот строй на мотоцикле «Харлей» сопровождал довольно свирепый мужчина по фамилии Мизяк. Его обязанностью было преследование ребят, которые по тем или иным причинам покидали строй. На стадионе мы разучивали и отработывали упражнения, которые входили в программу нашего выступления в Москве. Тренировались на травяном газоне стадиона. В программу входили кувырки, выступления «троек» (два парня и девушка), различные перестроения и вольные упражнения. Выступление троек состояло в том, что девушка делала стойку, опираясь на бедра рядом стоящих парней. После десятков кувырков на газоне во время тренировок у меня появилась ссадина, и стал побаливать один из позвонков. Эти тренировки длились несколько недель и закончились генеральной репетицией, на которой присутствовали руководители физкультуры и спорта Украины. Перед отъездом в Москву нам выдали майки и трико для выступления, а также куртки с белыми воротниками и брюки в мелкую серую клеточку, в качестве выходных костюмов. О том, какое важное значение придавали участию в Москве делегации физкультурников Украины может свидетельствовать тот факт, что накануне нашего отъезда в столицу нас собрали в зале Верховной Рады. Там с напутствием к де-

легации физкультурников выступил Л. М. Каганович, бывший в то время первым секретарем ЦК КП(б)У.

Ехали в Москву поездом, а там нас строем повели к месту поселения, но, к сожалению, я уже не помню, где мы проживали эти несколько дней, оставшихся до Дня физкультурника. Выступление, как и в 1946 году, происходило на стадионе «Динамо», где в правительственной ложе сидели И. В. Сталин и члены Политбюро ЦК ВКП (б). После выступления нашей делегации выступили физкультурники Белоруссии. По Москве мы ходили только строем, при этом обязательно с песней, как того требовали наши физкультурные руководители.

Мои поездки на соревнования и парады приводили к тому, что в техникуме мне приходилось сдавать экзамены досрочно или после экзаменационной сессии. В феврале 1948 года я защитил дипломный проект и закончил обучение в техникуме. При этом получил диплом Харьковского машиностроительного техникума по специальности «тепловозостроение». Решением государственной комиссии мне была присвоена квалификация техника-механика. В дальнейшем, после месячного отпуска, я был оформлен в отделе кадров завода № 75 на работу в конструкторское бюро тепловозостроения. Руководителем этого бюро был Александр Александрович Кирнавский, а его заместителем — Кушнер. Бюро подразделялось на конструкторские группы: группа кузова, группа ходовой части, группа электроснабжения тепловоза. Существовала в конструкторском бюро и группа конструкторов, которые занимались проектированием шахтовых электровозов. Этой группой руководил Зархи. Основу конструкторского коллектива и его руководства составляли конструкторы и инженеры Коломенского завода из Подмосковья. В Харькове им выделили квартиры в поселке Артема и в других местах поблизости от завода.

Выпускники нашего техникума были первым пополнением этого коллектива. Позднее стали приезжать выпускники Московского высшего технического училища имени Баумана. Меня А. А. Кирнавский направил в группу ходовой части тепловоза, которой руководил Леонид Иванович Головлев. Это был добрый, но ворчливый человек, который первое время моей работы в конструкторской группе вместо того, чтобы указать на мои ошибки и заставить переделать проект или технические условия, молча или с ворчанием сам переделывал мою работу. Особенно часто это бывало с техническими условиями из-за отсутствия у меня опыта их составления. Кроме меня, на работу в конструкторское бюро или в отдел 60 попали мои однокурсники: Юрий Лактионов, Валентин Щербань, Владимир Карамзин, Анатолий Заворин, Иволгин и некоторые другие. Ко времени нашего

прихода в конструкторский отдел началась работа по проектированию новой модели тепловоза, который получил название ТЭ-2. В этой модели основные изменения произошли в форме кузова. Существенные изменения были в ходовой части и в других параметрах тепловоза. При проектировании этих изменений конструкторы советовались с технологами, часто бывали в цехах завода, где общались с производственниками по поводу изменения конструкции этого тепловоза.

Мне было поручено сконструировать скоростемер тепловоза, так как у предыдущей модели тепловоза ТЭ-1 этого прибора не было. После установки скоростемера на тепловоз я выезжал с бригадой машинистов на его испытания, которые происходили на участке железной дороги Харьков-Лозовая, где оказалась прямая линия без поворотов протяженностью в несколько километров.

Руководителем группы ходовой части ТЭ-2 был А. А. Мизонов, имевший большой опыт конструкторской работы. В дальнейшем мне стали поручать чертежные работы, воспроизводившие внешний вид тепловоза. Мне поручали проверку узлов и деталей, выходящих за пределы габарита, поскольку детали, имевшие неподходящие размеры, могли привести к катастрофе тепловоза. Такая проверка крайне необходима при создании новой конструкции тепловоза. При проверке первого варианта топливного бака ТЭ-2 оказалось, что его размеры не вписывались в габарит, а выходили за его пределы. Конструкторам бака пришлось уменьшить размеры этого бака. По моим чертежам общего вида тепловоза в модельном цехе завода была изготовлена модель ТЭ-2 размером 1:10. Это был обязательный вид работы при изготовлении нового вида тепловоза. Мне при изготовлении этой модели пришлось провести много часов в модельном цехе для того, чтобы проконтролировать размеры модели.

Создатели нового тепловоза ТЭ-2 удостоились Сталинской премии, но среди лауреатов не оказалось Мизонова, так как вместо него лауреатом стал один из заместителей министра транспортного машиностроения, который помогал «пробивать» эту премию. Уже тогда я понял, насколько «справедливой» бывает оценка настоящих создателей новой техники в Советском Союзе.

Во время работы в конструкторском бюро тепловозостроения в обеденный перерыв мы обычно играли в волейбол на площадке рядом с помещением нашего отдела № 60. В результате подобралась неплохая волейбольная команда, основной состав которой составляли выпускники техникума. Обычно мы обыгрывали конструкторов старшего возраста.

После окончания рабочего дня, по дороге домой, мы заходили в винные погребки, чтобы выпить стакан вина. И в этой компании были «старшие товарищи». На этом поприще мы им обычно проигрывали. Наконец еще одним развлечением было посещение футбольных матчей на первенство Советского Союза. Чаще всего мы посещали матчи с участием «Металлиста». Одно время эта команда называлась «Авангард». С некоторыми игроками я был знаком, в частности, с Николаем Уграицким, Михаилом Соловьевым. Других неоднократно видел на поле и помню их фамилии (Бутенко, Зуб).

Кажется, в 1949 г. происходило первенство завода по стрельбе из малокалиберной винтовки, в котором я принял участие и занял первое место. После этого в заводской многотиражке «Тепловозник» появилась моя фотография с подписью: «Лучший стрелок завода». А председатель заводского ДОСААФ Похильченко предложил мне поступить в стрелковый клуб ДОСААФ, который находился по Сумской улице в подвале под кинотеатром «Комсомольский». Там находился 25 метровый тир, в котором тренировались стрелки — спортсмены Харькова под руководством тренера Калиниченко. Я последовал совету Федора Михайловича Похильченко и пошел в этот клуб, где после просмотра моих результатов, меня приняли в число членов клуба. Так начались мои тренировки по стрельбе. Через несколько месяцев я стал показывать результаты спортсмена второго разряда по стрельбе из малокалиберной винтовки, а потом и первого разряда. В дальнейшем мне было присвоено звание инструктора по стрельбе, с выдачей соответствующего удостоверения. Кроме тренировок по стрельбе из малокалиберной винтовки мы занимались стрельбой из пистолета, в которой я показывал высокие результаты. С наступлением летнего сезона я несколько раз выезжал вместе с нашей стрелковой командой на стрельбы в Васищево, где находился полигон для стрельбы из боевого оружия, в том числе и с оптическим прицелом. По итогам стрельб на полигоне в Васищево была создана сборная команда Харькова, в которую вошел и я. Эта команда под руководством Калиниченко приняла участие в республиканских соревнованиях в Киеве. На этих соревнованиях мы выступили успешно. Особенно по программе «дуэльная стрельба», в которой мы победили первую команду Киева, благодаря мудрому совету нашего тренера. Стрельба «дуэлька» начиналась с пробежки до огневого рубежа, кажется, в 20 метров, и Калиниченко посоветовал команде бежать не очень быстро, чтобы «не сбить» дыхание при стрельбе по мишеням соперников.

В 1950 г. я получил повышение в должности и стал инженером-механиком, что сопровождалось повышением зарплаты. Еще через несколько

месяцев меня перевели на работу в конструкторское бюро Морозова, занимавшееся конструированием танков. В этом конструкторском бюро существовала атмосфера большой секретности. Рядовые конструкторы работали в общем зале, а руководители групп в отдельных комнатах. Для того, чтобы выяснить тот или иной вопрос, приходилось стучать в дверь комнаты, где находился руководитель группы, но войти туда запрещалось. На стук в дверь, руководитель группы выходил и спрашивал: «В чем дело?» В этом конструкторском бюро я не знал, какую машину я проектирую. Мне только говорили о некоторых параметрах, которые следовало выдержать при конструировании того или иного узла. Таким образом, работать было неинтересно, поэтому говорить о каком либо творчестве не приходилось. В такой обстановке работать конструктором мне стало неинтересно, я решил уйти с работы на заводе №75 и идти учиться в вуз. Но для этого нужно было поступить на подготовительное отделение для поступления в вуз.

Посоветовался с мамой, и она меня поддержала, так как всегда хотела, чтобы я получил высшее образование. И это притом, что в это время я уже получал приличную зарплату, а нужно было переходить на мизерную студенческую стипендию.

После этого я подал заявление и поступил на вечернее отделение подготовительных курсов при Политехническом институте. Там я познакомился с Борисом Мигалем и Владимиром Любарским, последний собирался после курсов поступать в Политехнический институт. Мы же с Борисом Мигалем учились на курсах, но не решили, куда будем поступать учиться дальше.

Исторический факультет ХГУ в 50-е годы

В свободное время мы посещали футбольные матчи на первенство Советского Союза. Несколько раз с нами на футбол ходил старший брат Бориса — Владимир, который в то время заканчивал исторический факультет Харьковского университета. Он всячески агитировал нас поступить на исторический факультет, учеба на котором, по его мнению, очень интересная. В результате этих бесед мы приняли решение поступать на исторический факультет Харьковского университета.

В 1951 году после вступительных экзаменов, среди которых были история, география, иностранный язык и сочинение, мы были зачислены на первый курс исторического факультета и стали посещать там занятия.

Жили мы на улице Дарвина. Борис в доме № 1, а я в доме № 16. И каждое утро мы встречались у дома № 1 и направлялись на исторический факультет,

который тогда находился в здании клиники института профтехзаболеваний на пересечении проспекта Правды и улицы Тринклера. Перед фасадом этого здания был сквер.

Исторический факультет занимал второй этаж и часть первого этажа. В другой части первого этажа находилась военная кафедра университета. Чтобы попасть на факультет, нам нужно было подняться по небольшой наружной лестнице. Здание было кирпичное, без облицовки, и имело довольно мрачный вид.

Обычно на занятия, которые начинались в 8 часов, мы шли по Совнаркомовской улице, затем переходили Сумскую и, далее, шли через сад им. Шевченко. А потом, перейдя площадь Дзержинского, попадали на улицу Тринклера и направлялись через сквер на исторический факультет.

Помещений на факультете было сравнительно немного: деканат, несколько аудиторий, кабинеты четырех кафедр (древней истории и археологии, средних веков, СССР и новой и новейшей истории). Был на факультете небольшой проходной зал, а также фотолаборатория, камеральные комнаты, в которых обрабатывали археологические находки. Почти все эти помещения размещались на втором этаже, и только кафедра новой и новейшей истории была на первом этаже.

Заведующим кафедрой древней истории и археологии был проф. С. А. Семенов-Зусер, но он умер в сентябре 1951 года и исполняющим обязанности заведующего кафедрой стал доц. В. А. Гольденберг.

Кафедрой истории средних веков заведовал проф. Н. М. Пакуль, заведующим кафедрой истории СССР был доц. С. Н. Короливский, а кафедрой новой и новейшей истории заведовал проф. А. П. Ковалевский.

Лаборантом кафедры древней истории и археологии была Галина Сокологуб, лаборантом кафедры истории средних веков — Гайане Пинчирян, лаборантом кафедры истории СССР — Александра Кривошеева, лаборантом кафедры новой и новейшей истории — Раиса Власенко.

На кафедре древней истории и археологии кроме кабинета, в котором хранилась литература, была фотолаборатория, в которой работал Валентин Васильевич Кулешов. В другой комнате хранились археологические материалы, а также стояли несколько витрин археологической экспозиции. Здесь обычно происходили заседания членов кафедры и студенческого археологического кружка.

Занятия у студентов исторического факультета были в первую смену, а во вторую смену в аудиториях занимались студенты факультета иностранных языков.

Деканом исторического факультета был доцент Антон Григорьевич Слюсарский, который читал у нас лекции по истории СССР эпохи феодализма. О деканате Антон Григорьевич говорил: «Деканат — це Люся и я». В то время по штатному расписанию был декан и секретарь факультета. Эту последнюю должность занимала тогда Люся — девушка, которая жила в Мерефе и каждый день на работу приезжала в Харьков. Она имела определенное влияние на декана и это заметили студенты. И когда нужно было решить какой-то мелкий вопрос, то обращались обычно к Люсе. Антон Григорьевич был порядочным и очень добрым человеком. К студентам он относился с симпатией, выделяя перспективных студентов, которые потом становились лаборантами, аспирантами и преподавателями факультета. Он был «посаженным отцом» на свадьбе нашего однокурсника Юрия Шиловцева. Благодаря Антону Григорьевичу, молодожены получили комнату в студенческом общежитии университета по проспекту Ленина 20.

Общие лекции для студентов первого курса, состоявшего из пятидесяти человек, читались в аудитории № 13. Здесь мы с Борисом Мигалем сидели на самом заднем столе возле стены. Как и говорил Владимир Мигаль, агитируя нас, учиться на историческом факультете Харьковского университета было очень интересно. Уже на первом курсе нам читали лекции по таким предметам как основы археологии, история первобытного общества, о которых я раньше понятия не имел. Преподавались древнерусский и латинский языки.

Большое внимание уделялось практическим занятиям по истории СССР, истории Древнего Востока, истории Древней Греции и Рима, к которым приходилось готовиться по первоисточникам, о которых раньше я ничего не знал. При подготовке к этим занятиям постоянно приходилось обращаться в кабинеты кафедр на факультете и ходить в читальный зал Центральной научной библиотеки университета. Особенно я заинтересовался археологией, о которой до университета практически ничего не знал. Уже в октябре 1951 года я отправился на археологические разведки в село Огульцы, Харьковской области, по соседству с которым находился археологический памятник раннего железного века. В разведке участвовало несколько студентов под руководством молодого преподавателя Бориса Андреевича Шрамко. Это было мое первое практическое знакомство с археологией.

На лекции ходил регулярно, хотя не всегда они были интересными. Лучшим лектором на первом курсе был Владимир Александрович Гольденберг, читавший нам историю Древнего Востока и историю Древней Греции

и Рима. Он был руководителем моей курсовой работы, которая носила название «Борьба Октавиана с Антонием». Свободного времени в течение первого года обучения на историческом факультете у меня практически не было, поскольку я очень старался при подготовке к практическим занятиям, коллоквиумам, а также при написании курсовой работы и во время экзаменационной сессии. К тому же во втором семестре я стал посещать заседания научного кружка по археологии, члены которого на заседаниях выступали с научными докладами. Я тоже подготовил доклад «Ремесла Древнего Новгорода», с которым выступил на одном из заседаний кружка. Этот доклад на областном конкурсе студенческих научных работ был отмечен грамотой.

Помню и неприятный эпизод, произошедший со мной во время летней сессии на первом курсе. Во время экзаменов Борис Мигаль в процессе подготовки к экзаменам готовился самостоятельно, но при этом для надежности составлял шпаргалки. Часть этих шпаргалок он оставлял у себя, а другую передавал мне, хотя знал, что я ими не пользуюсь. Так было и на экзамене по истории Древней Греции и Рима, который принимал доцент В. А. Гольденберг. Во время подготовки ответов на вопросы билета я услышал басистый шепот Бориса: «Володя, дай мне шпаргалки». Это услышал и экзаменатор, который воскликнул: «Какие шпаргалки? Вы пользуетесь шпаргалками?», — обратился он ко мне. После этого во время моего ответа на вопросы билета посыпались дополнительные вопросы, не имевшие отношения к тем, которые были в билете. Я стал на них отвечать, но от волнения что-то не смог вспомнить. В результате вместо пятерок, которые были у меня до этого, по античной истории я получил 4 балла. Прошло четыре года, и я при получении диплома увидел лист с оценками, там у меня по истории Греции и Рима значилась оценка 5 баллов. Это было вызвано тем, что сразу после экзамена к Владимиру Александровичу направилась группа моих однокурсников, живших в общежитии по Артема 49, с которыми я готовился к экзамену, в том числе и те, кто получил пятерки. Они сказали Гольденбергу о том, что я лучше их знаю предмет и, видимо, поэтому экзаменатор исправил оценку в ведомости, а в зачетке осталась прежняя.

На втором курсе в 1952–1953 гг. на историческом факультете читались общие курсы: история СССР эпохи капитализма (доцент И. Я. Мирошников), история средних веков (Л. П. Калуцкая), история Украины (доцент И. К. Рыбалка), история средневекового Востока (профессор А. П. Ковалевский), история КПСС (доцент А. Е. Немирова), латинский язык (И. Сидорова), английский язык (З. М. Могилянская). Проводились практические занятия по истории СССР, истории средних веков и истории КПСС. Курсовую работу

я писал по истории средних веков на тему «Социально-политический строй франков по данным Салической правды». Научным руководителем по этой теме был аспирант Анатолий Ильич Митряев.

В сентябре в выходные дни нас несколько раз посылали на уборку урожая в районы области. Обычно приходилось копать картофель, так как у селян для этой работы не хватало рабочих рук.

Из преподавателей исторического факультета на втором курсе особенно запомнился доцент Иван Яковлевич Мирошников, который читал курс история СССР эпохи капитализма. В его лекциях была своеобразная лексика и много выражений, которые обычно вызывали смех у студентов. Эти выражения студенты называли «афоризмами Жан Жака Мирошникова». Они записывались, а потом передавались из рук в руки с соответствующими комментариями. Во время его лекций студенты нашего курса давились от смеха, услышав очередной афоризм. Одни это делали открыто, а другие смеялись, но старались не привлекать внимание лектора.

Во время лекции И. Я. Мирошников внимательно следил за реакцией студентов на его выражения, а потом снижал оценки на экзаменах или не принимал зачета у наиболее смешливых студентов. К сожалению, я эти афоризмы не записывал, не переписывал и те, которые ходили по рукам, поскольку всегда испытывал нехватку времени. По памяти могу воспроизвести только два афоризма Мирошникова: «в 1904 году японцы напали на русские пограничные столбы», «Не для протокола, а для смеха будет сказано, что Николай Палкин [Николай I] приказал, запороть шпицрутенами две тысячи солдат».

В зимнюю сессию И. Я. Мирошников не принял зачет у одной из самых смешливых на нашем курсе студенток, у Яны Сегель и она со слезами на глазах пришла домой. Ее мать, преподаватель в одном из вузов Харькова, стала расспрашивать, в чем дело? Дочь рассказала, что И. Я. Мирошников не поставил ей зачета, поскольку неоднократно видел, как она смеялась во время его лекций.

Через несколько дней в гости к Сегелям приехал из Москвы известный в то время писатель, фамилию, которого я теперь не могу вспомнить. Вполне естественно, что ему рассказали об инциденте происшедшем на зачете, а потом показали тетрадь с афоризмами И. Я. Мирошникова. Подруги Яны принесли свои записи, с которыми ознакомился этот писатель. В результате, через некоторое время, в «Литературной газете» появилась статья, в которой рассказывалось о лекциях доцента И. Я. Мирошникова. Буквально через несколько дней после этой публикации в обком партии был вызван

ректор Харьковского университета И. Н. Буланкин на беседу. Вскоре доцент И. Я. Мирошников, который был секретарем партийного бюро истфака, был уволен из Харьковского университета.

Запомнился экзамен по истории средневекового Востока, этот курс нам читал профессор Андрей Петрович Ковалевский. Иногда на лекции он начинал вспоминать о том, как работал экскурсоводом в Эрмитаже и эпизоды проведения экскурсий с высокопоставленными иностранными гостями. И, таким образом, мы слушали интересные истории из его жизни, но весьма далекие от предмета, читавшегося нам курса лекций, а в библиотеке был лишь один экземпляр учебника Заходера «Истории средневекового Востока». Читали его лишь отдельные студенты, а большинство в руках не держало этого учебника. Таким образом, даже те студенты, которые не пропускали лекций А. П. Ковалевского, не знали полного содержания этого курса. Но студенты народ находчивый и нашли выход из положения, захватив на экзамен учебник Заходера, тем более знали, что Андрей Петрович никогда не ставил двоек на экзамене. Экзамен происходил вечером, не помню, по какой причине. Учебник Заходера передавался друг другу экзаменуящимися, а потом следовали ответы на вопросы, поставленные в билетах. Все шло очень хорошо до того как внезапно погас свет, а экзамен продолжался. Среди тех, кто сдавал экзамен в темноте, оказался и я. К счастью, я успел подготовиться к ответу до отключения света.

На втором курсе я активно участвовал в обработке археологических материалов из раскопок профессора С. А. Семенова-Зусера на Салтовском городище и могильнике, а также памятников раннего железного века, которые получил во время своих исследований Б. А. Шрамко. Материалы хранились на кафедре древней истории и археологии. Занимались мы этим с Евгением Пузаковым, который заканчивал факультет, и Валентином Васильевичем Кулешовым фотографом факультета.

В это же время работал над научным докладом по теме «Славянские гончарные клейма Харьковщины». Эти клейма ставились гончарами на доньшках сосудов. Находки происходили из Донецкого городища расположенного на берегу реки Уды. Часть материалов была в коллекции кафедры, а другие были найдены мною во время археологических разведок на селище, примыкавшем к Донецкому городищу. Эти разведки я проводил весной и осенью 1952 года.

На первых курсах университета много приходилось работать в Центральной научной библиотеке университета в поисках необходимой научной литературы. Именно тогда я впервые почувствовал вкус к настоящей научной

работе, к открытиям нового в науке. Это бывало тогда, когда я находил новые решения в интерпретации изучаемых археологических материалов.

В мае 1953 года на факультете появилась должность заведующего археологическим музеем, и 9 мая я был назначен на эту должность. Работали в то время со мной Е. Пузаков и фотограф В. В. Кулешов. Мы не только обрабатывали новые находки, но и фотографировали их, составляя при этом неготеку этих предметов. В дальнейшем эти материалы были выставлены в экспозиции музея при кафедре. Таким образом, я стал научным сотрудником исторического факультета, будучи студентом второго курса. Антон Григорьевич Слюсарский сделал меня своим помощником при составлении расписания занятий на историческом факультете. Это дело оказалось довольно хлопотным из-за того, что некоторые преподаватели при составлении расписания пытались диктовать свои условия. Особенно часто злоупотребляли этим доценты кафедры истории КПСС Немирова и Протопопов. По их мнению, предмет, который они читали настолько важный, что его следует ставить исключительно на первую пару занятий. Если я этого не делал, то они жаловались на меня декану факультета А. Г. Слюсарскому, но он обычно не обращал внимания на эти жалобы «столпов науки».

Летом 1953 г. я работал в археологических экспедициях, которыми руководил Б. А. Шрамко. Сначала мы проводили раскопки «зольника» скифского времени у села Островеверховка Харьковской области. В составе этой экспедиции были студенты, закончившие первый курс: Леонид Сотник, Валерия Устинова, Эмилия Чалая, фотограф и повар одновременно В. В. Кулешов и я. Перед раскопками «зольника» его площадь мы разбили на метровые квадраты и забили колышки. Во время раскопок каждая находка фиксировалась по квадратам на плане, а так же фиксировалась глубина ее залегания: первый штык, второй штык и т. д. В процессе раскопок ежедневно велась опись всех находок, а Б. А. Шрамко вел дневник, в котором фиксировал находки и делал их зарисовки. Такая методика и фиксация находок применялась на всех раскапываемых нами памятниках Харьковщины.

Ночевали мы на чердаке сарая, принадлежавшего хозяину дома, весьма пожилому человеку, который по его рассказам, в свое время работал на Харьковском паровозостроительном заводе, т. е. на нынешнем заводе им. Малышева. Из бесед с ним выяснилось, что он считал голландские и швейцарские сыры, продававшиеся в то время, привезенными из Голландии и Швейцарии.

Очень колоритно в Островеверховке выглядел В. В. Кулешов, который обнажившись до пояса, вместо ремня надевал патронташ с охотничьими патронами, брал с собой охотничье ружье, а в руках держал фотоаппа-

рат. В таком виде он приходил на раскоп и ходил по селу, где фотографировал всех желающих в обмен на продукты для нашей экспедиции. Утром он готовил завтрак, а потом когда мы уходили на раскоп, ложился спать и поэтому иногда не успевал приготовить обед к нашему приходу. В результате нам приходилось питаться недоваренной едой. Когда ему об этом говорили, Валентин Васильевич обычно отвечал, что мы слабо разбираемся в его блюдах, так как он старается готовить в традициях французской кухни.

Позднее, в 1953 г. археологическая экспедиция Б. А. Шрамко в несколько измененном составе производила раскопки на скифском городище у села Караван недалеко от Люботина. В составе экспедиции были Елена Лекарь, Валерия Устинова, Эмилия Чалая, Леонид Сотник и я. Жили мы в селе и ежедневно ходили на раскопки городища, оставляя дежурного по кухне, и в помощь ему на некоторое время еще кого-нибудь из членов экспедиции. Чаще других готовила обед Е. Лекарь, которая умела готовить. Однажды помощником дежурного по кухне был Б. А. Шрамко, который поручил руководить раскопками мне в его отсутствие. В этот день во время раскопок мы обнаружили очень любопытные находки в виде глиняных моделей зерен злаков, в несколько раз по величине превышавшие натуральные зерна. Мы собрали эти глиняные модели в коробочку, и когда на раскоп пришел Б. А. Шрамко, то показали их ему. Он взял в руки несколько моделей, а потом раздавил их, решив, что мы его «разыгрываем». Мы были возмущены его поведением и открыто высказали свое недовольство, поскольку находки были уникальными. Позднее, он посвятил им специальную публикацию в академическом периодическом издании. Через некоторое время я узнал, чем была вызвана реакция Б. А. Шрамко на эти уникальные находки. Оказывается, что он, будучи студентом, участвовал в раскопках Салтовского могильника. Вместе со студентом Иващенко, работавшим художником в экспедиции, при свете свечи в катакомбе они лепили из воска или парафина невероятные фигурки, а затем под видом новых находок передавали их профессору С. А. Семенову-Зусеру, который «ломал голову», над тем, что это за находки?

Последним объектом археологических исследований в 1953 г. экспедиции, которой руководил Б. А. Шрамко, было поселение Гайдары, куда мы ежедневно ходили на раскоп из биологической станции университета, где располагался палаточный лагерь. Именно тогда в составе экспедиции впервые появилась Елена Черепанова, в дальнейшем ставшая постоянным членом нашей экспедиции. Шеф-поваром и фотографом у нас по-прежнему

был В. В. Кулешов. Здесь он увлекся прогулками на лодке по реке Северский Донец. Экспедиция производила разведки и была кратковременной.

В этом же сезоне по рекомендации Б. А. Шрамко мне пришлось принять участие в работе Московской археологической экспедиции Светланы Александровны Плетневой на средневековом поселении Мохнач. Эта экспедиция состояла из студентов исторического факультета МГУ и одного из аспирантов Института археологии АН СССР. Здесь я познакомился и подружился с Марком Алешковским, который был членом студенческого научного общества кафедры археологии МГУ. Во время бесед с Марком у нас возникла идея провести Всесоюзную студенческую археологическую конференцию на историческом факультете МГУ в Москве с приглашением на нее студентов-археологов не только Москвы, но и Ленинграда, Харькова, Воронежа и других городов Советского Союза. Марк Алешковский решил переговорить по этому поводу с деканом исторического факультета МГУ профессором А. В. Арциховским и результат обещал сообщить мне.

На третьем курсе (1953–1954 учебный год) студенты получили возможность специализироваться по кафедрам, но при условии, что курсовую работу нужно писать по истории СССР. Я выбрал специализацию по кафедре древней истории и археологии. Кроме меня в группе по этой специализации были Борис Зайцев, Борис Борисов, Валерия Жаднова, Мария Воробьева, Ляля Велигина.

Среди общих курсов, которые читались в этом учебном году, были история СССР — доцент С. М. Короливский, новая история Востока — профессор А. П. Ковалевский, новая история — доцент Р. С. Альпер, диалектический материализм — доцент А.И. Ристо, политэкономия — доцент В. А. Ковалёва. Читались и специальные курсы: древнегреческий язык — преподаватель М. С. Лапина (этот предмет ввели по нашей просьбе, с приглашением преподавателя с кафедры классической филологии), нумизматика — старший преподаватель Б. А. Шрамко, методика камеральной музейной работы — Б. А. Шрамко.

Курсовую работу по истории СССР по теме «Древнерусский город Донец» я писал под руководством доцента А. Г. Слюсарского. По истории СССР и новой истории проводились практические занятия, к которым приходилось готовиться по первоисточникам.

Запомнились практические занятия у Романа Савельевича Альпера, который обычно не вызывал, а говорил: «Сейчас хочет выступить товарищ Кадеев». Я в ответ ему говорил: «Я не хочу выступать, но могу». Он согласился на такой вариант, и я выступал с ответами на поставленные вопросы.

На третьем курсе я готовил научный доклад на тему «Славянские гончарные клейма Харьковщины». Среди гончарных клейм я выделил четыре группы: круг и производные от него, фигуры более сложные, геометрические изображения и две группы знаков Рюриковичей в виде двузубцев и тризубцев. Последние две группы гончарных клейм свидетельствуют о том, что на Донецком городище княжеские гончарные мастерские существовали в XI—XII вв. н. э. Этот доклад иллюстрировался таблицами с изображениями гончарных клейм в натуральную величину.

В 1953 г. на кафедру древней истории и археологии пришел новый преподаватель профессор Константин Эдуардович Гриневич, которому тогда было 62 года. До этого он работал в Томском университете и Неженском педагогическом институте. Будучи доктором исторических наук и профессором, он стал заведующим нашей кафедры и сменил на этой должности доцента В. А. Гольденберга. Он был выпускником нашего университета и считал себя учеником В. П. Бузескула. Работал сначала доцентом в Ленинграде и одновременно директором Херсонесского музея, который в 20-х годах был основан на месте монастыря, а потом работал в Москве в Главнауке. В 30-х годах К. Э. Гриневич был репрессирован по доносу о том, что на спиритическом сеансе он якобы «вызывал дух штурмовика Рема». После этого он сначала был выслан в Новосибирск, а потом оказался в Карагандинском лагере, где пробыл несколько лет в заключении. Потеряв зубы от цинги, тяжело больной Константин Эдуардович был реабилитирован в 1939 г., но без права проживания в европейской части Советского Союза. Так он стал сначала доцентом Томского университета, а после защиты в Москве докторской диссертации «Система обороны Херсонеса Таврического» в 1942 г. — профессором этого университета. При первой возможности уехать из Сибири, К. Э. Гриневич переехал в Нальчик, где преподавал в Кабардинском университете, а затем переехал в Нежин и, наконец, вернулся в родной Харьковский университет.

В конце декабря 1953 г. я получил известие из Москвы о том, что Всесоюзная археологическая конференция студентов назначена на март 1954 г. и будет проходить на историческом факультете МГУ. Позднее я получил приглашение принять участие в этой конференции и выступить с докладом «Славянские гончарные клейма Харьковщины».

В Москву мы поехали со студентом четвертого курса Александром Лесковым, который подготовил сообщение о Седьмом Симферопольском кургане, который был раскопан экспедицией под руководством археолога Столяра из Ленинграда. Этот памятник относился к кизил-кобинской культуре бронзового века.

Студенческая конференция проходила 19–21 марта 1954 г. В ней приняли участие студенты-археологи Москвы, Ленинграда, Воронежа, Ташкента, Ижевска и других городов. После конференции нас пригласили в деканат исторического факультета МГУ к Артемию Владимировичу Арциховскому, который поздравил всех с успешными докладами и сказал, что он видит перед собой элиту археологической науки второй половины XX в. При этом он пообещал, что попросит Полевой комитет Института археологии академии наук СССР выдать «Открытые листы» на археологические разведки всем тем студентам, которые ведут самостоятельные исследования. Свое обещание он выполнил, и я в 1954 г. получил «Открытый лист» на археологические разведки. С этим документом я проводил самостоятельные археологические исследования и обнаружил несколько десятков новых археологических памятников эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья по берегам рек Волчьей, Лопани, Уд и Северского Донца. Разведку я провел и на памятниках уже известных науке того времени. [...] Наряду с самостоятельными разведками, об итогах которых я отсылал отчеты в Полевой комитет, я продолжал участвовать в работе летней археологической экспедиции Б. А. Шрамко на городище Караван.

На четвертом курсе (1954–1955 учебный год) мы слушали общие курсы: исторический материализм — доцент Бейгель, политэкономия — доцент В. А. Ковалева, новейшая история — доцент Г. А. Сапожникова, история южных и западных славян — доцент С. И. Сидельников. Читались нам и спецкурсы: греческая эпиграфика — профессор К. Э. Гриневич, методика полевых исследований с основами топографии — доцент Б. А. Шрамко. Факультативно читался спецкурс «Основы научной работы» — профессор А. П. Ковалевский. Запомнилось, что Гита Абрамовна Сапожникова, проводившая практические занятия по новейшей истории, требовала от студентов конспектов трудов классиков марксизма. При отсутствии у студентов таких конспектов, она не допускала их к сдаче зачетов. Студенты нашли выход из положения в том, что делали конспекты двух-трех работ, а потом передавали эти конспекты однокурсникам, получая от них конспекты других работ классиков марксизма. Так создавался коллективный конспект классиков марксизма, который предоставляли доценту Сапожниковой и получали зачет. Курсовую работу на четвертом курсе я писал под руководством профессора А. П. Ковалевского на тему «Великий поход китайской Красной Армии».

В студенческом научном кружке я начал работать над темой «Обработка цветных металлов у племен салтовской культуры». В процессе работы

пришлось использовать результаты спектральных и металлографических анализов разнообразных изделий из этих металлов, определять их химический состав и технологию их изготовления. Первоначально я пользовался результатами анализов, которые мне предоставлял Михаил Скляр один из научных сотрудников Института металлов, расположенного по ул. Дарвина № 20. С ним мы были давно знакомы, и он охотно согласился мне помочь.

В дальнейшем, с разрешения заведующего кафедрой качественного анализа доцента И. У. Мартынченко, я освоил спектральный анализ и стал производить самостоятельные исследования изделий из цветных металлов на химическом факультете Харьковского университета. Это позволило выявить медные, бронзовые и латунные изделия. Особенно важным оказалось выявление латуни среди изделий у племен салтовской культуры, так как в традиционном металловедении считалось, что латунь — это сплав, который появился в новое время. В дальнейшем я познакомился с металловедами кафедры технологии металлов Харьковского автодорожного института Леонардом Александровичем Солнцевым и Леонидом Дмитриевичем Фоминым, которые провели металлографические анализы изделий салтовской культуры, что позволило установить технологию их изготовления. Это сотрудничество с Л. А. Солнцевым и Л. Д. Фоминым продолжалось и позднее, когда я работал над кандидатской диссертацией, посвященной ремеслам Херсонеса Таврического. У нас вышло несколько совместных печатных работ.

На 5 курсе (1955–1956 учебный год) учебные занятия были только в первом семестре. В это время мы слушали общие курсы: «История философии», который читал доцент Слабкий (имени-отчества его не помню, так как студенты обычно его называли «Семен Наум Слабкий»). Другой общий курс назывался «Основы государства и права». Основное внимание я сосредоточил на подготовке дипломной работы «Обработка цветных металлов у племен салтовской культуры». Научным руководителем дипломной работы был доцент Б. А. Шрамко. Эта работа была моим самостоятельным исследованием, с использованием результатов многочисленных анализов (спектральных и металлографических), позволивших выявить химический состав металлов и сплавов, а также технологию их производства. Таким образом, дипломная работа имела научный характер и была первым исследованием такого рода. Рецензию на дипломную работу по просьбе Б. А. Шрамко написал профессор А. П. Ковалевский. Защитив дипломную работу и сдав государственные экзамены, из которых помню только историю КПСС, мне в июне 1956 года был выдан диплом с отличием об окончании

исторического факультета Харьковского государственного университета по специальности история.

После окончания исторического факультета я был оставлен на кафедре древней истории и археологии в качестве научного сотрудника Археологического музея, в котором я работал с мая 1953 года.

Летом 1956 года археологические исследования на Харьковщине проводила экспедиция Института археологии АН Украины, которой руководили Дмитрий Яковлевич Телегин и Дмитрий Тарасович Березовец. В этой экспедиции я руководил отрядом, исследовавшим памятники на Купянщине. Мне были выданы средства, на которые я нанимал рабочих для производства раскопок поселений салтовской культуры. В этом же году я принимал участие в новостроечной археологической экспедиции, проводившей раскопки под руководством Б. А. Шрамко. Эта экспедиция вела охранные исследования в бассейне реки Оскол в районе села Пески-Радьковские. Исследования проводились на территории, которую должно было затопить водохранилище. В составе этой экспедиции был мой однокурсник Борис Зайцев и студенты нескольких курсов исторического факультета Харьковского университета. Главным достижением этой экспедиции были раскопки кургана бронзового века, относившегося к катакомбной культуре.

В свободное время мы ловили раков, великое множество которых было у разрушенного моста через реку Оскол. Там они, спасаясь от быстрого течения реки, собирались у подводной конструкции моста. Почти каждый день удавалось извлечь более сотни раков, которых помещали в специальный сачок. Вечером их варили, и все желающие члены экспедиции получали свою порцию. Лично я участвовал в процессе ловли раков, но не лакомясь ими, так как не любил их сладковатого мяса. Помню, как один из студентов, членов экспедиции, Володя Жорник, впервые попробовав вареного рака, воскликнул: «Вкусна, собака!» Это выражение надолго закрепилось за ним, как и кличка «Пухырь», как он называл волдыри, появившиеся на теле после укусов комаров.

В 1957 году я участвовал в создании новой археологической экспозиции, посвященной 40-летию археологии в Харьковском университете. Эта работа велась под руководством профессора К. Э. Гриневича. Мною был разработан экспозиционный план выставки материалов археологов Харьковского университета за сорок лет (1917–1957 годы), археологическая карта с указанием мест археологических исследований, а затем и путеводитель по выставке, а также календарь исследований харьковских археологов под названием «Археология в ХГУ за 40 лет. Путеводитель по выставке. — Харьков, 1958. — 47 с.».

В 1956 году я участвовал в раскопках на Донецком городище, где экспедиция Б. А. Шрамко проводила раскопки и выявила границы селищ, примыкавших к этому городищу.

В 1956–57 учебном году мне поручили руководить курсовыми работами студентов первого курса по археологии и древней истории.

В феврале 1957 года я стал преподавателем кафедры древней истории и археологии и проводил практические занятия по истории Древней Греции и Рима на стационаре. В июле 1957 года я начал читать лекции на заочном отделении. Это были два лекционных курса: «Основы археологии» и «История первобытного общества». До меня эти лекции на заочном отделении читал Б. А. Шрамко.

Однажды, примерно через пару недель после начала моей работы в аудитории среди студентов-заочников я увидел проректора университета по заочному отделению Максима Федоровича Коломийца, который внимательно слушал мою лекцию. В перерыве он подошел и сказал, что все хорошо, а потом попрощался со мной и пожелал успехов в дальнейшей работе. Эти лекции на заочном отделении я читал в течение 5 лет.

На научном поприще в 60–70-е годы

В 1959–1961 годах я учился в аспирантуре при кафедре древней истории и археологии Харьковского университета. Моим научным руководителем был профессор К. Э. Гриневич. Поэтому темой для диссертации был выбран Херсонес Таврический, исследованием которого занимался в свое время Константин Эдуардович. Но за несколько десятилетий, прошедших после этого, он уже слабо ориентировался в том, какими научными проблемами занимаются исследователи Херсонеса в конце 50-х годов XX века и не смог сформулировать тему для моей диссертации, посвященной Херсонесу Таврическому. Еще одна сложность заключалась в том, что аспирантура, в которую я поступил, была заочной. А мне необходимы были поездки в Севастополь для ознакомления с Херсонесом, Херсонесским музеем и исследованиями, которые там проводили ученые Ленинграда, Свердловска, Симферополя, сотрудники Херсонесского музея. А для этого нужна была не заочная аспирантура, а стационарная. Решить эту проблему в то время могло лишь Министерство высшего образования Украины. В связи с этим я поехал в Киев и там пошел на прием к министру, который принял меня и сказал, что вопрос о переходе в стационарную аспирантуру может быть решен только в конце 1959 года. И действительно, в конце 1959 года

я получил извещение о том, что переведен в стационарную аспирантуру. Таким образом, в полной мере работать в аспирантуре я смог только с этого времени. Теперь я мог ездить в Севастополь, который был в то время «закрытым» городом, получив пропуск в Областном управлении милиции. Это дало возможность познакомиться как с Херсонесом, так и работать в фондах и архиве Херсонесского музея, а летом знакомиться с итогами раскопок на городище и на Гераклеяском полуострове.

Первый раз я поехал в Севастополь зимой 1959 года. В Херсонесском музее меня приняли хорошо, когда узнали, что я аспирант К. Э. Гриневича, так как он был основателем и первым директором Херсонесского музея. Жилье мне отвели в домике, окна которого выходили на север. И поэтому, несмотря на круглосуточное отопление, в помещении было очень холодно. За всю жизнь я никогда так не замерзал, хотя завхоз музея выделил мне несколько одеял. Все руководители Херсонесского музея оказались женщинами: директор — Инна Анатольевна Антонова, зам директора по научной работе — Вера Васильевна Борисова, заведующая отделом фондов — Анна Михайловна Гилевич. Таким образом, в Херсонесском музее существовал матриархат. Мужчинами были завхоз по фамилии Хорьков и старший научный сотрудник Станислав Францевич Стржелецкий, а также реставратор Олег Яковлевич Савеля. Все они были уроженцами Севастополя, тогда как женщины-руководители приехали из Ленинграда и Москвы. Из бесед с сотрудниками музея я выяснил темы их научных работ. Оказалось, что их исследования посвящены истории раннего и эллинистического Херсонеса. В этой области я рассматривался бы как соперник, что могло затруднить мне доступ к материалам этого времени. Поэтому темой своей кандидатской диссертации я выбрал историю Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э. В частности, я занялся исследованием ремесла и промыслов Херсонеса по материалам фондов музея и публикациям, а также отчетов о раскопках, которые велись здесь в течение многих десятилетий. Эту тему с одобрением встретили в Херсонесском музее, что позволило мне пользоваться фондами и экспозицией музея. На кафедре древней истории и археологии Харьковского университета тему диссертации утвердили.

В первой части своей работы я исследовал рыболовный промысел и рыбозасолку, соляной промысел, а затем ремесла, существовавшие в Херсонесе первых веков н. э.: металлургию и металлообработку черных металлов, обработку цветных металлов, керамическое производство, деревообработку и косторезное дело.

При изучении соляного промысла я обследовал в окрестностях Херсонеса и на Гераклеяском полуострове соляные озера, в которых добывали

самосадочную соль. Помимо этого, мною были проведены специальные спектральные и металлографические анализы херсонесских артефактов, что позволило определить химический состав металлов и сплавов. Петрографические анализы позволили установить температурные режимы при производстве керамических изделий местного производства.

Эти анализы производил сотрудник кафедры минералогии Харьковского университета Станислав Иванович Шуменко. Тщательное изучение торцов металлических изделий показало, что в римское время в Херсонесе токарный металлорежущий станок еще отсутствовал, а концентрические окружности на торцах металлических изделий — воспроизведение в отливке окружностей деревянной модели, полученных при обработке изделий токарным резцом. Таким образом, токарный станок существовал, но использовался при обработке дерева, а металлорежущего токарного станка еще не было.

В процессе работы над диссертацией помимо материалов Херсонесского музея мною были использованы коллекции Эрмитажа, предоставленные мне Григорием Дмитриевичем Беловым, а также материалы Государственного исторического музея в Москве, предоставленные мне Натальей Валентиновной Пятышевой.

В 1961 году у меня заканчивался срок пребывания в аспирантуре. И поэтому я решил летом поехать в Херсонес, чтобы уточнить некоторые положения своей диссертации, собрать дополнительные материалы, иллюстрации, а также проконсультироваться со специалистами, в частности с Григорием Дмитриевичем Беловым, проявившим интерес к моей работе. Наконец, мне нужно было более детально ознакомиться с методикой археологических исследований в Херсонесе. Поскольку я намеревался со временем организовать археологическую экспедицию Харьковского университета для раскопок Херсонеса Таврического, а опыта у меня было еще недостаточно. Кроме того, мне предстояло договориться о совместных раскопках с опытным археологом, а таким я считал Г. Д. Белова. До этого в Херсонесе я бывал уже дважды зимой 1959 и летом 1960 годов. Следовательно, в 1961 году я уже не был новичком в Херсонесе и достаточно хорошо ориентировался не только на городище, но и на Гераклеяском полуострове, в фондах музея, архиве, а также в жизни коллектива музея. Я познакомился со всеми сотрудниками от директора, до технических работников. Знали и меня и, по возможности, помогали, за что я был искренне благодарен всем этим людям. Пребывание в Херсонесе было для меня полезным и тем, что сюда часто приезжали археологи, историки, архитекторы, искусствоведы, преподаватели вузов Москвы, Ленинграда, Свердловска, Симферополя и других

городов. Нередко для них устраивались экскурсии, не только по Севастополю, но и по Крыму. Это способствовало установлению научных контактов и ознакомлению с историей, памятниками и природой Крыма.

В 1960 году во время пребывания в Херсонесе я познакомился с раскопками С. Ф. Стржелецкого, проводившего исследования сельскохозяйственной усадьбы III—II вв. до н. э., расположенной на Гераклеяском полуострове (клер № 26). Таким образом, я получил представление о ведении сельского хозяйства в окрестностях Херсонеса Таврического.

О подводных исследованиях в Карантинной бухте членам Ученого совета Херсонесского заповедника, на заседании которого присутствовал и я, рассказал руководитель экспедиции Института археологии АН СССР профессор Владимир Дмитриевич Блаватский.

Несколько дней в июле 1960 года я знакомился с результатами раскопок в северо-западной части Херсонеса. Здесь проводила исследования экспедиция Уральского университета под руководством доцента Евгения Георгиевича Сурова. Экспедиция обнаружила в береговом обрыве вход в погребальный склеп, заложенный мраморной плитой с надписью.

Почти каждый день своего пребывания в Херсонесе, я наблюдал раскопки экспедиции симферопольского археолога Олега Ивановича Домбровского, который удалял средневековую засыпь и постройки нового времени («старая монастырская гостиница»), оказавшиеся над античным театром Херсонеса. Это единственный античный театр, который сохранился в Северном Причерноморье. До его открытия О. И. Домбровским ученые высказывали гипотезу о том, что в Северном Причерноморье стационарного театра не было вообще, а только временные театральные подмости (М. И. Ростовцев, Б. В. Варнеке).

В начале августа 1960 года я ездил в Омегу (Круглую бухту) с целью осмотра соляных озер, из которых жители Херсонеса добывали самосадочную соль. До этой поездки я знал только об озере у Песочной бухты в Херсонесе. Одно из озер оказалось на территории клера № 10 и от Круглой бухты его отделяет узкая пересыпь, а другое озеро к югу от Круглой бухты почти высохло, о нем напоминает лишь красная растительность в этом месте.

Начиная с 3 августа 1960 года, я работал в фондах музея с коллекцией из раскопок Р. Х. Лепера. При этом оказалось, что некоторые материалы из раскопок некрополя 1908 года в музее отсутствуют.

14 августа 1960 года я побывал в башне XVII оборонительной системы Херсонеса, которую обычно называют башней Зенона, где во время ре-

ставрационных работ в кладке внутреннего кольца башни были выявлены надгробные стелы с фронтонами и полихромной росписью. Обнаружены они были с южной стороны внутри башни вместе с обычными каменными блоками. На некоторых из этих надгробий были обнаружены имена. Датируются эти памятники IV в. до н. э. Видимо, опасность со стороны скифов была в I в. н. э. была настолько велика, что власти Херсонеса в целях укрепления обороны города пошли на крайние меры и вместо каменных блоков стали использовать для укрепления башни надгробные стелы, стоявшие в южной части некрополя.

19–21 августа 1960 года я был в Бахчисарае, где знакомился с материалами раскопок Татьяны Николаевны Высотской у села Заветное, а потом осмотрел городище у этого села, где Т. Н. Высотская открыла римскую мастерскую первых веков нашей эры по производству изделий из стекла.

Во время пребывания в Херсонесе летом 1961 года главным образом я работал в экспедиции Г. Д. Белова, которая проводила раскопки XXII квартала на Северном берегу Херсонеса. В составе этой экспедиции были научные сотрудники Эрмитажа С. А. Беляев, Л. И. Гаталина и З. А. Билимович, а в качестве рабочей силы — студенты Белорусского университета под руководством заведующего кафедрой древней историей, доцента Федора Макарьевича Нечая. На раскопе мне было поручено определить емкость керамического пифоса, у которого сохранился венчик, а, следовательно, его можно было восстановить на полную высоту. Участвовал я в нивелировках и обмерах рыбозасолочной цистерны «Л», после того как удалось удалить ее заполнение. Засыпана эта цистерна была в VI в. н. э. размеры цистерны: 5,6 × 3,85 × 4 м. (высота). По приглашению дирекции Херсонесского музея этим летом работала бригада реставраторов Эрмитажа во главе с Павлом Ивановичем Костровым. Она занималась расчисткой и закреплением надгробных стел, архитектурных деталей и живописных изображений из башни Зенона. К этому времени этих памятников оказалось около трехсот. В этой работе участвовали симферопольские художники Козлов и Снежкина, которые делали акварельные копии памятников. С докладом о результатах реставрационных работ на заседании дирекции Херсонесского музея выступил П. И. Костров.

В музее я работал в фондах и в архиве. В фондах я продолжил знакомиться с коллекцией из раскопок Р. Х. Лепера 1913 году, а в архиве просматривал негативы и фотографии для альбома своей диссертации. И. А. Антонова пригласила меня ознакомиться с находками ее раскопок у Западной оборонительной стены Херсонеса и попросила высказать мнение о датировке керамических материалов.

В конце своего пребывания в Херсонесе я беседовал с Г. Д. Беловым относительно совместных раскопок на Северном берегу Херсонеса. Он поддержал эту идею, поскольку у экспедиции Эрмитажа возникали трудности с рабочей силой. Он даже согласился на передачу части найденных материалов из этих раскопок Археологическому музею Харьковского университета.

Закончив работу над текстом диссертации, летом 1963 года я поехал на раскопки в Херсонес, создав археологическую экспедицию из сотрудников и студентов исторического факультета Харьковского университета. Заместителем начальника этой экспедиции был мой однокурсник Борис Петрович Зайцев, который в это время работал заведующим Археологическим музеем Харьковского университета. Среди студентов в составе экспедиции были В. Игнашков, О. Сухобоков, С. Рыжов, А. Свириденко, Г. Палашевская, И. Фроенченко, И. Польшняков. За время пребывания в экспедиции мы получали суточные. Начальник экспедиции 3 рубля, а все остальные члены экспедиции по 1 рублю 50 копеек.

Проводились раскопки этого года на Северном берегу Херсонеса, где Григорий Дмитриевич Белов выделил нам участок в одном из кварталов этого района. Он постоянно наблюдал за ходом наших раскопок, но не вмешивался и лишь иногда давал методические советы мне. Был выбран участок, примыкавший к XIII поперечной улице, где в XIII—XIV веках находился большой дом, состоявший из четырех помещений.

В ходе раскопок выяснилось, что на этом участке постройки существовали и ранее в IX—X веках, а также в V—VI веках нашей эры и еще ранее в III—IV веках и, наконец, даже в эллинистический период — в IV—II веках до н. э.

В связи с тем, что каждая новая постройка на протяжении последующих веков сопровождалась разрушением прежних построек и нивелированием поверхности, наземные остатки наиболее раннего времени почти не сохранились, и представлены каменными кладками, совершенно между собой не связанными. Но даже эти незначительные строительные остатки позволили проследить строительную технику и характер растворов этого времени.

Значительно лучше, чем наземные постройки сохранились различные подземные помещения. На раскопанном в 1963 году участке были обнаружены два прямоугольных подвала, погреб с круглым венцом и кладовая для хранения соленой рыбы с вырубками для пифосов (керамических бочек). К наиболее древним сооружениям на раскопанном участке относились два подвала. Датируются они концом IV—II веками до н. э.

Позднее в северной части участка были сооружены кладовые для хранения соленой рыбы III—IV веков, которая хранилась в пифосах. Один из этих пифосов частично сохранился. Емкость этого пифоса достигала почти 2 кубических метра и вмещала около 15 центнеров соленой рыбы: анчоуса или хамсы. В раскопанной части кладовой были обнаружены еще три вырuba для пифосов, но раскопана кладовая была не полностью. В ней могли храниться сотни центнеров соленой рыбы.

Что-нибудь говорить о назначении и характере наземных построек раннесредневекового времени, которые были обнаружены раскопками 1963 года, не представляется возможным, так как кладки их стен между собой не связаны. Они были разрушены при постройке большого дома XIII—XIV вв. н. э.

Среди находок IV—II вв. до н. э. особенно много было керамических изделий: амфоры, кувшины, миски, блюда, чашки, горшки и черепица. Среди амфор преобладали сосуды местного производства, но найдены и привозные из Синопа и о. Коса. На некоторых амфорных ручках были выбиты клейма с именами мастеров и чиновников. Среди посуды этого времени были обнаружены фрагменты с чернолаковым покрытием и орнаментом. На нескольких сосудах выявлены граффити — процарапанные надписи владельцев этой посуды. Среди черепицы этого времени найдены не только изделия местного производства, но и изделия из Синопа.

В одном из подвалов было найдено небольшое известняковое надгробие с прямоугольным гнездом для мраморной плитки с именем погребенного. Этот памятник с фронтоном в верхней части датируется IV в. до н. э.

В слое были обнаружены несколько бронзовых монет местной чеканки, а также из Диоскуриады (III—II вв. до н. э.).

В позднеантичном слое также преобладали находки керамики, главным образом обломки амфор. На некоторых встречались надписи красной краской с указанием их емкости и граффити в виде отдельных букв и надписей. Найдены были краснолаковые блюда с оттиснутыми на них крестами нескольких вариантов на внутренней поверхности. Обнаружено несколько керамических светильников. Частой находкой были керамические пирамидальные грузила от ткацких станков и рыболовных сетей. Из металлических изделий найдены были рыболовные крючки, ключи, перстни, гвозди. Довольно частой находкой были фрагменты стеклянной посуды (кубки, бальзамарии, детские рожки-гуттосы).

Все бронзовые монеты в этом слое были местной чеканки, а также позднеримские IV века н. э. Определяла монеты из раскопок Любовь Николаевна Белова.

В конце работы на этом участке мы сняли план и сделали несколько продольных и поперечных разрезов, используя нивелир.

После возвращения в Харьков я работал над альбомом к диссертации, в котором были иллюстрации. В специальном приложении к диссертации были результаты спектральных, металлографических и петрографических анализов.

20 декабря 1963 года на заседании специализированного ученого совета по защитах кандидатских диссертаций я защитил свою работу «Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV вв. н. э.». Официальными оппонентами были доктор исторических наук Дмитрий Павлович Каллистов и кандидат исторических наук Григорий Дмитриевич Белов. Оба приехали из Ленинграда. После моего выступления и ответов на вопросы выступили оппоненты, которые положительно оценили диссертацию. Судя по сообщению Николая Кирилловича Колесника, ученого секретаря совета, на защите с отрицательным отзывом собирался выступить мой коллега по кафедре доцент Б. А. Шрамко, но после выступления оппонентов, он воздержался. Члены Совета проголосовали «за» единогласно.

После защиты в ресторане «Харьков» был традиционный банкет, на котором присутствовало множество людей, но, к сожалению, отсутствовал мой научный руководитель Константин Эдуардович Гриневич, так как в городе был сильнейший гололед и он боялся упасть, хотя я и еще несколько ребят вели его под руки. Мой однокурсник Юрий Шиловцев, работавший в Обкоме партии инструктором, вызвал патрульную машину и К. Э. Гриневича отвезли домой.

Еще в сентябре 1961 года по направлению Министерства высшего образования Украины я стал преподавателем кафедры древней истории и археологии Харьковского университета. К этому времени я подготовил и стал читать студентам первого курса лекции по «Истории Древней Греции и Рима» и одновременно проводил практические занятия по этому курсу. По моей инициативе была введена тема практических занятий по истории Древней Греции — «Афинская рабовладельческая демократия», которая охватывает один из важнейших разделов истории Древней Греции — период становления и развития афинского рабовладельческого государства — важнейшего демократического полиса на территории Греции, основные черты и сущность рабовладельческой демократии, ее прогрессивные черты и ограниченность. Основным историческим источником по этой теме является «Афинская полития» Аристотеля. По этой теме практических занятий мною были разработаны план и мето-

дические указания, составлен список литературы. Кроме чтения курса лекций и проведения практических занятий со студентами первого курса исторического факультета Харьковского университета, я руководил курсовыми и дипломными работами.

Летом 1962 года я был руководителем экскурсионно-музейной практики по музеям Ленинграда и его пригородам. В составе этой группы были студенты третьего курса исторического факультета Харьковского университета. В сентябре 1962 года я был переведен на должность старшего преподавателя кафедры древней истории и археологии Харьковского университета. Уже в это время, кроме учебно-методической работы, я занимался научной работой со студентами, регулярно подготавливал тематику для студенческих работ по древней истории и античной археологии. Ориентируясь на эту тематику, студенты готовили научные доклады, с которыми выступали в научном кружке кафедры древней истории и археологии, и на ежегодных студенческих конференциях, которые проходили на историческом факультете в апреле каждого года.

Летом 1964 года я организовал археологическую экспедицию, производившую раскопки в Херсонесе. Эта экспедиция вошла в состав объединенной экспедиции Уральского и Харьковского университетов и Херсонесского заповедника, научным руководителем был старший научный сотрудник Херсонесского заповедника Станислав Францевич Стржелецкий.

Местом для раскопок был выбран портовый район Херсонеса, в котором, по мысли С. Ф. Стржелецкого, должны были сохраниться слои от времени основания Херсонеса и до позднего средневековья, то есть за все время существования города. Мысль была правильной и заманчивой для исследователей Херсонеса, и поэтому нашла отклик не только у меня, но и у археологов Уральского университета. Однако идея С. Ф. Стржелецкого, которую мы поддержали, не учитывала, как мы убедились позднее, того, что уровень грунтовых вод в портовом районе поднимался по мере подъема уровня воды в Карантинной бухте в соответствии с законом «о сообщающихся сосудах». Это мы увидели через несколько лет раскопок, когда оказалось, что слои римского и более раннего времени оказались затопленными в результате подъема уровня воды в море и в Карантинной бухте. Поэтому, во многом уточнив стратиграфию средневековых слоев и их датировку, мы не смогли произвести такие же уточнения при изучении римского и более ранних слоев. Этому помешало подтопление грунтовыми водами этих слоев в портовом районе. Таким образом, к сожалению, намеченный план уточнения хронологии Херсонеса в этом районе оказался выполненным только частично.

В 1964 году наша экспедиция, работавшая в портовом районе Херсонеса, была усилена за счет студентов Уральского университета, где оказался избыток рабочих рук. В составе нашей экспедиции было 13 человек: начальник и 12 младших научных сотрудников — В. И. Кадеев, О. В. Сухобоков, В. Я. Куринько, А. Е. Свириденко, В. И. Игнашков, И. А. Польшняков, С. Г. Рыжов, А. И. Шемет, А. С. Сидельников, О. И. Морозов, Л. В. Лапчинская, Г. А. Палашевская, А. П. Яновская.

Вели раскопки мы на участке, который получил название «Центр квартала», исследуя культурный слой XIII—XIV веков нашей эры, где были выявлены две двухэтажные жилые усадьбы. Во дворе одной из них обнаружен колодец и водоотводный канал, сложенный из каменных плит. В свою очередь, мы выделили несколько человек для экспедиции, которой руководил непосредственно С. Ф. Стржелецкий, производящий раскопки могильника первых веков нашей эры у совхоза «Севастопольский» в долине реки Черной, к югу от Инкермана. Помимо раскопок на участке «Центр квартала», в портовом районе Херсонеса в 1964 году в составе экспедиции Харьковского университета работал отряд аквалангистов, исследовавших Карантинную и Круглую бухты. Аквалангисты Украинского физико-технического института АН УССР и завода ФЭД исследовали оборонительную стену Херсонеса в Карантинной бухте и места кораблекрушений у входа в эту бухту. А также обнаружили несколько целых амфор на дне Круглой бухты. Подробно об этих исследованиях и исследованиях двух последующих лет рассказал один из аквалангистов Юрий Николаевич Ранюк (Ранюк Ю. Н. Загадки подводного Херсонеса. — Харьков, 1996. — 117 с.).

Осенью 1964 года я принимал участие в работе сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований в СССР, которая происходила в Москве, где выступил с докладом о раскопках в портовом районе Херсонеса.

В сентябре 1964 года я был избран по конкурсу на должность доцента кафедры древней истории и археологии Харьковского университета.

Весной 1965 года я ездил в Баку, где проводилась сессия, посвященная итогам археологических и этнографических исследований в СССР. Здесь я выступил с докладом «Подводные исследования в районе Херсонеса 1964 года».

В 1966–1968 годах, кроме общего курса «История Древней Греции и Рима», я начал читать специальный курс лекций «Источниковедение античной истории». Затем подготовил и читал специальные курсы «История античных городов Северного Причерноморья» и «Античная археология».

С появлением на историческом факультете группы студентов из Вьетнама мне пришлось специально для этой группы из шести человек подготовить и читать курс лекций «История древней металлургии». Одновременно с проведением учебной работы я был руководителем студенческого научного кружка кафедры древней истории и археологии. В работе кружка принимало участие до двадцати студентов, выступавших на его заседаниях с научными докладами и участвовавших в ежегодных студенческих научных конференциях.

В аспирантском общежитии Академии Наук СССР по улице Дмитрия Ульянова я встретил вьетнамца Кхоана, который учился в Харьковском университете в составе группы из 6 человек. Он после окончания нашего университета работал преподавателем Ханойского университета и в Москве стал аспирантом. Он сразу узнал меня и пригласил к себе в комнату, где жил один. Мы долго беседовали, а потом он угостил меня ужином, который состоял из блинчиков с мясом. Оказалось, что он привез из Вьетнама множество сухих блинов из рисовой муки, которые перед едой помещались в кипяток, а потом начинялись мясным фаршем. В итоге получались вполне приличные блинчики с мясом. Мы долго сидели и разговаривали в этот вечер, а потом еще несколько раз встречались с Кхоаном в вестибюле общежития, обмениваясь приветствиями. Помню, что в Харькове, перед отъездом вьетнамцев на родину, мы пригласили их в ресторан «Харьков», где угостили обедом. Они были потрясены обилием еды и говорили о том, что во Вьетнаме столько еды хватило бы на несколько дней.

В 1968 году я был утвержден в ученое звание доцента по кафедре «Древняя история» и получил соответствующий аттестат из ВАКа СССР. В этом же году я выступал с докладом о результатах подводных исследований в районе Херсонеса за 1964–1966 года на Океанографической комиссии Академии наук СССР в Москве.

В дальнейшем я исследовал торговлю Херсонеса с населением Таврики и другими античными городами Причерноморья и Восточного Средиземноморья.

Постоянно публиковал наиболее интересные находки раскопок в портовом районе Херсонеса и результаты исследований под водой в 1965–66 годах. Особое внимание у меня вызвали находки средневековых аланских граффити на предметах быта из Херсонеса. О подводных исследованиях 1965 года я рассказал в докладе на пленуме Института археологии Академии наук СССР в 1966 году. Продолжал я и совместную работу с металловедом

Л. А. Солнцевым и Л. Д. Фоминым. Результатом было коллективное исследование, посвященное украшениям первых веков нашей эры из могильника у совхоза «Севастопольский», опубликованное в Вестнике Харьковского университета в 1966 году.

Совместная работа с С. И. Шуменко о результатах петрографических исследований античной керамики из Херсонеса была опубликована в Записках Одесского археологического общества в 1967 году.

Результатом первых итогов исследования торговли была моя брошюра «Торговля Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.», опубликованная в 1969 году. С некоторыми дополнениями история торговли Херсонеса Таврического вошла в состав моей монографии «Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э.» (1970 год).

В 1970 году между Харьковским и Познаньским университетами был заключен договор о сотрудничестве. По условиям этого договора был предусмотрен обмен группами студентов, в соответствии с которым Познаньский университет принимал группу харьковских студентов, а Харьковский университет — студентов из Познани. Во время таких поездок студенты знакомились с университетскими городами и университетами, а затем совершали поездки по стране. Возглавить группу студентов для поездки в Польшу поручили мне. В составе этой группы были студенты 3–4-го курсов в количестве 8 человек: Татьяна Перепелица, Марина Колкнева, Зоя Попандопуло, Иван Сергеев, Ярослав Вовк, Петр Лунев. Николай Поляков, Владимир Новиков. Ехали в Польшу мы поездом через Брест. В Познани нас встретили на вокзале, а потом поселили в общежитии Познаньского университета. Куратором от Познаньского университета был доцент Юзеф Можи, которому помогал доцент Александровский.

Юзеф Можи был секретарем университетской организации ПОРП и поэтому легко и быстро решал все возникавшие вопросы, связанные с нашим пребыванием в городе. После нескольких дней пребывания в Познани мы вместе с Ю. Можи отправились в поездку в северные и западные районы страны. В Познани я обратил внимание на то, что жители города никогда не переходили улицу на красный свет светофора, даже при отсутствии транспорта на улице. Заметил я также и то, что продавец газет в киоске общежития всегда благодарил покупателя. Во время первой поездки по стране мы побывали в Гданьске, Колобжеге и во Вроцлаве. В Колобжеге, где находится университетская база отдыха, мы пробыли несколько дней и хорошо отдохнули. В Гданьске мы видели монументальный памятник, на том месте, где началась вторая мировая война. После возвращения из этой

поездки мы несколько дней отдыхали в окрестностях Познани, видели несколько великолепных загородных домов польской аристократии XIX века. В новую поездку по стране мы отправились с доцентом Александровским на университетском автобусе, которым управлял пан Кочмарек, в молодости бывший автогонщиком. Поэтому ехали мы обычно на высокой скорости, но, случалось, что нас обгонял какой-нибудь автомобиль и в Кочмареке просыпался прежний гонщик и он обычно стремился обогнать «обидчика», и нередко это ему удавалось. Эти гонки происходили на трассах Познань — Варшава и Варшава — Краков, куда мы отправились на это раз. В Варшаве запомнился центр города, Дворец науки и культуры, построенный с помощью Советского Союза. Очень яркие впечатления оставило пребывание в Кракове и его окрестностях с подземными пещерами. Побывали мы и в королевском дворце в Вавеле, где покоится Юзеф Пилсудский, который был президентом и первым маршалом Польши. Здесь мы увидели в буквальном смысле паломничество юных харцеров, считавших своим долгом посетить могилу Пилсудского. Кстати, тогда я еще не знал, что Юзеф Пилсудский учился в Харьковском университете на медицинском факультете (1885–1886 уч. год), но был арестован за участие в студенческих волнениях и отсидел в карцере университета. Особое впечатление на нас произвело посещение нацистского концлагеря в Освенциме. Кстати, когда мы подъезжали к концлагерю, у нашего автобуса отвалилось переднее правое колесо. Все обошлось только потому, что Кочмарек уже притормаживал. Осмотр концлагеря с его проволочными ограждениями, камерами смертников произвел на всех нас такое жуткое впечатление, что после посещения этой «фабрики смерти» до конца дня никто не мог произнести ни слова.

Ежегодные раскопки, начиная с 1964 по 1971 год в портовом районе Херсонеса, требовавшие ежегодных отчетов, публикации наиболее интересных результатов, связанных с работой экспедиции, организационные моменты в течение этих лет не позволяли мне взяться за работу над докторской диссертацией по истории Херсонеса Таврического первых веков нашей эры. И только в конце этого периода я начал готовиться к этой большой и необходимой работе.

В июне 1972 года с целью полного сосредоточения работы над докторской диссертацией я был переведен на должность старшего научного сотрудника кафедры древней истории и археологии Харьковского университета. Однако оказалось, что это вызвало определенные трудности. [...] Рассчитывать на защиту докторской диссертации на заседании Ученого совета по защитах исторического факультета ХГУ не приходилось. Нужно было думать

о защите докторской диссертации в другом городе, и я решил обратиться в античный сектор Института археологии АН СССР, где неоднократно выступал с докладами на научных конференциях и пленумах, посвященных итогам археологических исследований. Во время пребывания в Москве я переговорил с Николаем Ивановичем Сокольским, который тогда был заведующим сектором античной археологии. И он, посоветовавшись с коллегами, сказал мне, что сектор античной археологии примет меня в докторантуру и назначит научного консультанта, при условии, что я на некоторое время перееду в Москву и буду регулярно докладывать о результатах своей работы над диссертацией.

К моменту моего перехода на должность старшего научного сотрудника, кроме выше упомянутых работ по истории торговли Херсонеса, у меня были опубликованы еще две работы по истории торговли Херсонеса в Вестнике Харьковского университета и в сборнике «Питання історії народів СРСР» (1970). Были также изданы статьи о составе Херсонесского совета в Вестнике древней истории (1971, № 3) и о государственном строе Херсонеса в первых веках н. э. в «Українському історичному журналі» (1971, № 9). Одновременно я работал над темой об этническом составе населения Херсонеса и над вопросом о римских вольноотпущенниках Херсонеса.

В 1972 году я участвовал в работе республиканской Археологической конференции, проходившей в Одессе, где выступил с докладом. Осенью 1972 года получил сообщение о том, что моим научным консультантом в античном секторе Института археологии АН СССР утвержден Владимир Дмитриевич Блаватский. Я решил ехать в Москву, где рассчитывал пожить несколько месяцев и основательно поработать в библиотеке имени Ленина и Фундаментальной библиотеке общественных наук, проконсультироваться с В. Д. Блаватским, выступить с докладами по теме докторской диссертации на заседании сектора античной археологии.

Возник серьезный вопрос с местом жительства в столице. Оказавшись в Москве, я побывал в Институте археологии у секретаря совета по защите Волкова. Встретился с В. Д. Блаватским, с которым у нас состоялся разговор об окончательной формулировке темы диссертации. Предложенную мною тему «Херсонес Таврический в I — III вв. н. э.» Владимир Дмитриевич предложил назвать «Херсонес Таврический в период симмахии с Боспором и оккупации Римом». О моем местожительстве он обещал переговорить с В. И. Кузициным, который был председателем профкома МГУ и мог меня устроить в общежитие Московского университета. Первые два дня меня поселили в захудалую гостиницу неподалеку от Института археологии,

в которой приходилось несколько раз за ночь просыпаться из-за лязга проходившего рядом с гостиницей трамвая. В. И. Кузицин помощи не оказал, и пришлось искать самому место проживания в Москве.

Совершенно случайно на улице Дмитрия Ульянова я встретил бывшего студента исторического факультета Харьковского университета родом из Осетии — Казбека Тайсаева, который узнал о возникшей у меня проблеме с жильем и обещал помочь. Буквально через несколько часов он принес мне ордер на поселение в общежитии для аспирантов Академии Наук СССР, которое находилось на ул. Дмитрия Ульянова, между Ленинским проспектом и Профсоюзной улицей. В сопровождении Казбека, с ордером на руках я пошел в общежитие. Комендант, согласно ордеру, поместил меня в комнату на четвертом или пятом этаже, точно не помню, и выдал пропуск, так как вход в общежитие был по пропускам и посторонних туда не пропускали. У входа в вестибюле сидела женщина средних лет, довольно свирепого вида и требовала предъявления пропуска. Говорили, что эта дама бывшая надзирательница тюрьмы.

Комната, в которой я оказался, была рассчитана на трех человек. Там я встретил двух обитателей. Одного звали Борисом, он приехал из Ташкента, а другого — Самвел. Он приехал из Еревана. Мы быстро познакомились и зажили каждый своей жизнью. В соседней комнате на этаже жило несколько осетинов, которые до позднего вечера очень активно веселились, поэтому через несколько дней понадобилась помощь Казбека Тайсаева, и ребята стали вести себя спокойнее. Собственно мешали спать они мне и Борису, Самвел, как правило, ночью отсутствовал, а придя утром, сразу ложился спать. Ночи он проводил с продавщицами универмага «Москва».

Мы с Борисом обычно днем работали в библиотеках. Там мы завтракали и обедали. Возвращались в общежитие к вечеру, когда Самвел уже уходил на всю ночь.

В Институте археологии АН СССР, расположенном на ул. Дмитрия Ульянова № 19, рядом с метро «Профсоюзная», были установлены присутственные дни, когда научные сотрудники сектора античной археологии собирались в институте на заседания, слушали и обсуждали научные отчеты или подготовленные к печати статьи и монографии. В эти дни я приходил в Институт археологии и участвовал в работе сектора, которым заведовал Н.И. Сокольский. После его смерти эту должность заняла Ирина Тимофеевна Кругликова. В составе сектора работали Мария Михайловна Кобылина, Владимир Дмитриевич Блаватский, Надежда Анисимовна Онайко, Дмитрий Борисович Шелов, Борис Георгиевич Петерс, Галина Александровна Цветаева. Меня

в этом коллективе приняли хорошо. Назначение В. Д. Блаватского моим научным консультантом было встречено с пониманием, хотя он, будучи пенсионного возраста, работал, кажется, на полставки. Ранее он руководил этим коллективом и продолжал пользоваться большим уважением. Почти все сотрудники античного сектора были его учениками. [...]

Я продолжал работать над текстом диссертации и готовить к печати статьи, выступать на заседаниях сектора античников, отчитываясь о проделанной работе.

Довольно часто я бывал дома у Владимира Дмитриевича и Татьяны Васильевны Блаватских. Единственным условием моего прихода был предварительный звонок по телефону. Жили они на ул. Дмитрия Ульянова дом № 4 и, чтобы попасть к ним, мне нужно было перейти улицу из общежития, в котором я обитал. Татьяна Васильевна была очень хлебосольной женщиной и всегда угощала меня ужином. У Блаватских была уникальная библиотека, состоявшая не только из приобретенных книг, но и множества иностранной литературы с дарственными надписями, то есть такой литературы, которой в библиотеках Москвы не было. Поэтому я иногда пользовался этой литературой, особенно на английском языке.

В библиотеке имени Ленина я регулярно заказывал книги по международному абонементу. После нескольких месяцев пребывания в Москве, я съездил домой и привез портативную пишущую машинку. Я сам печатал тексты будущей диссертации, статей и научных докладов. После неоднократных обсуждений был окончательно разработан план моей докторской диссертации «Херсонес Таврический в период симмахии с Боспором и оккупации Римом в I в. до н. э. — III в. н. э.». Текст диссертации содержал исторический очерк I в. до н. э. — III в. н. э., а также разделы о сельском хозяйстве, ремеслах и промыслах, торговле, политическом и социальном строе Херсонеса, этническом составе населения и приложение. Текст диссертации дополнял альбом иллюстраций, который я подготовил после возвращения из Москвы. В Москве я пробыл чуть более года и, вернувшись в Харьков, завершил работу над текстом и иллюстрациями, которые вошли в альбом. Подготовить качественные иллюстрации мне помог фотограф Вадим Васильевич Степаненко. В этот альбом вошли фотографии из архива Херсонесского заповедника, в частности, планы клеров Гераклеийского полуострова, фото различных находок первых веков нашей эры из Херсонеса.

После завершения работы над докторской диссертацией, моя работа обсуждалась на заседании сектора института археологии АН СССР и была рекомендована к защите. Я написал автореферат, в названии которого по

рекомендации И.Т. Кругликовой, ставшей в то время заведующей сектором, было внесено сокращение. В автореферате работа называлась «Херсонес Таврический в I в. до н. э. — III в. н. э.»

Оппонентами на защиту сектор предложил В. Д. Блаватского, В. В. Кропоткина. Третьим оппонентом, по совету Аллы Ильиничны Романчук, я попросил выступить доктора исторических наук, профессора Алексея Михайловича Ременникова и он дал на это свое согласие.

После публикации и рассылки моего автореферата, защита в ученом совете Института археологии АН СССР состоялась 23 мая 1975 года, но из-за панихиды в актовом зале по умершему антропологу Левину, не в 12 часов, как было объявлено, а в 15 часов. Все это время за мной ходил Александр Михайлович Лесков и, видимо, стараясь поднять мое настроение, рассказывал о том, как на предыдущем заседании совета «завалили» защиту его диссертации.

В Москву я приехал за день до защиты. Отыскал порекомендованную мне в Харькове гостиницу, а поселившись, встречался с оппонентами, чтобы выслушать их замечания. Из их ответов я понял, что никаких серьезных замечаний у них не было. Однако во время защиты несколько необоснованных замечаний по поводу моей работы сделал Владислав Всеволодович Кропоткин и мне после его выступления пришлось выступить и доказать его неправоту. Среди членов совета возникло оживление, слышалось несколько реплик не в пользу В. В. Кропоткина. Как потом оказалось, подобное выступление было в стиле этого ученого оппонента. Работу он читал в последний момент, а потом делал «скороспелые» замечания.

Несколько членов совета во время защиты подходили к столу президиума и знакомились с текстом и альбомом диссертации. Результаты голосования оказались положительными и, таким образом, я защитил докторскую диссертацию.

Традиционного банкета после защиты не было, так как за несколько месяцев до этого был введен строжайший запрет на подобные мероприятия и меня предупредили об этом. Поэтому после защиты мы с И. Т. Кругликовой пошли к ней домой. По дороге к университетскому корпусу, где она жила, мы встретили Георгия Николаевича Попова и его жену Людмилу. Они были первыми харьковчанами, которые поздравили меня с защитой.

В 1975 году я участвовал в научной конференции, посвященной 150-летию Одесского археологического музея, где выступил с докладом, но на какую тему я не помню.

В следующем 1976 году я принял участие в XIV международной конференции античников социалистических стран в Ереване, где выступил с докладом «Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах

Северного Причерноморья». На этой конференции я познакомился с известным античником из Болгарии Велизаром Велковым и его коллегами. Они пригласили меня приехать в Болгарию на научную конференцию «Эйрене», которую намеревались провести в 1978 году в Несебре и Софии.

Диплом доктора исторических наук я получил в ноябре 1976 года. И в этом же году участвовал в XVII конференции Института археологии АН УССР, которая проходила в Ужгороде. Там я познакомился с нездоровой атмосферой среди археологов этого института.

Начиная с сентября 1977 года я стал исполняющим обязанности заведующего кафедрой древней истории и археологии Харьковского университета. [...] Я стал заведовать кафедрой, хотя не очень стремился к этому, так как не любил административной работы. Да и работать на кафедре мне было нелегко, учитывая противодействие некоторых сотрудников кафедры.

Но это были только цветочки, ягодки созрели позднее, когда ректор Иван Евгеньевич Тарапов после нескольких недель бесед со мной, уговорил меня согласиться стать деканом исторического факультета Харьковского университета. Я долго отказывался от этого предложения, так как, повторяю, никогда не любил административной работы. До этого у ректора И. Е. Тарапова сложились очень напряженные отношения с деканом исторического факультета С. И. Сидельниковым. Об этом знали и в университете, и на факультете. Не сложились отношения у ректора и с И. К. Рыбалкой, который до прихода И. Е. Тарапова был проректором университета. Когда С. И. Сидельников серьезно заболел, встал вопрос о выборах нового декана исторического факультета. Обязанности декана в это время исполнял заместитель декана Юрий Иосифович Журавский. Профессор С. И. Сидельников предлагал кандидатуру Б. К. Мигалья, а ректор И. Е. Тарапов — мою кандидатуру. Верх одержал ректор и на голосование в совете факультета была выдвинута кандидатура В. И. Кадеева. При обсуждении кандидатуры были «за» и «против» меня. Против высказался декан С. И. Сидельников и И. К. Рыбалка. В итоге произошедшего голосования я не получил необходимого количества голосов. После этого доцент Ю. Г. Литвиненко воскликнул: «Что вы натворили?» Мне было очень тяжело и неприятно, так как среди голосовавших против меня были два моих однокурсника — Б. К. Мигаль и В. И. Булах.

Через некоторое время после этого голосования ректор И. Е. Тарапов настоял на проведении повторных выборов и опять выдвинул мою кандидатуру на должность декана исторического факультета. В это время я был избран на должность заведующего вновь образованной кафедры истории древнего мира и средних веков. Новое голосование по выборам декана исторического

факультета состоялось в апреле 1978 года. На этом голосовании я был избран деканом и приступил к работе на этой должности. Заместителем декана по учебной работе стал Михаил Захарович Бердута, работавший на кафедре истории Украины, а заместителем декана по научной работе — мой однокурсник Борис Петрович Зайцев, преподававший на кафедре историографии, источниковедения и археологии. Заведующим кафедрой истории СССР был доктор исторических наук Александр Емельянович Кучер, кафедрой истории Украины заведовал профессор Иван Климентьевич Рыбалка, заведующим кафедры историографии, источниковедения и археологии, образовавшейся в марте 1978 года, был Исая Львович Шерман. Кафедрой новой и новейшей истории заведовал доцент Николай Павлович Подлесный, но в 1979 году он перешел на работу в Харьковский государственный институт физической культуры, где возглавил кафедру. С 1979 года заведующим кафедрой новой и новейшей истории стал профессор Георгий Николаевич Попов, заведующим новой кафедры, получившей название кафедра истории древнего мира и средних веков, с марта 1978 года стал я.

При факультете был археологический музей, который в это время был переведен в здание Музея природы на улице Тринклера. Заведовал этим музеем Анатолий Константинович Дегтярь. Преподавателями кафедры истории древнего мира и средних веков были: Валерия Александровна Латышева, Валерий Федорович Мещеряков, Любовь Павловна Калуцкая, Юрий Алексеевич Голубкин, Генрих Венецианович Фризман, Анатолий Ильич Митряев. Кадровый состав преподавателей кафедры по истории средних веков был укомплектован преподавателями с большим стажем, имевших ученые степени, поэтому пришлось обратить особое внимание на повышение квалификации молодых преподавателей истории древнего мира. Выполнить эту задачу удалось за несколько последующих лет. Буквально за три года (1980–1982) под моим руководством защитили кандидатские диссертации: Валерий Федорович Мещеряков, Сергей Борисович Сорочан и Иван Павлович Сергеев. Причем, из-за отсутствия в Харьковском университете совета по защитах диссертаций по всемирной истории, Валерий Федорович Мещеряков и Сергей Борисович Сорочан свои кандидатские диссертации защитили в Москве. В результате среди преподавателей истории древнего мира и средних веков не было таких, которые не имели ученой степени кандидата наук. В связи с вакансией на должность старшего лаборанта кафедры была приглашена выпускница заочного отделения исторического факультета Любовь Павловна Сальтевская, работавшая до этого в АХЧ Харьковского университета.

В 1978 году в составе делегации Харьковского университета, в которую входили: профессор Георгий Николаевич Попов и я, по приглашению кмета села Дриново Игната Игнатов мы побывали в Болгарии. Страна отмечала 140-ю годовщину со дня рождения Марина Дринова, профессора Харьковского университета и первого министра народного образования Болгарии после освобождения от османского ига, в честь которого и было названо село. Во время этой поездки мы почувствовали искреннюю симпатию и радушие не только со стороны руководящих работников Общества болгаро-советский дружбы, кмета села Дриново, но и простых крестьян, особенно пожилых людей, помнивших о вкладе России в освобождение Болгарии. Во время нашего пребывания в селе Дриново кмет Игнат Игнатов предоставил нам с Г. Н. Поповым комнату в своем семейном двухэтажном доме, где он проживал со своими родителями. Кстати, очень симпатичными людьми. Вечерами мы собирались за общим столом и беседовали. Игнат свободно говорил по-русски, а Георгий Николаевич, участник освобождения Болгарии, говорил по-болгарски. Это позволяло поддерживать общий разговор за столом. В Дриново мы присутствовали на двух торжественных собраниях, посвященных юбилею Марина Дринова. Присутствовавшие на этих собраниях были приятно удивлены, когда с ответным словом Георгий Николаевич выступил на болгарском языке, и встретили это выступление аплодисментами. Днем мы обычно были окружены жителями села, которые подходили к нам, чтобы поприветствовать и поговорить. В центре села находится барельеф, поставленный Марину Дринову, и, когда мы подошли к этому монументу, нас немедленно окружили местные жители.

Побывали мы во время этой поездки и в нескольких городах северо-восточной Болгарии, в частности, мы посетили Попово, Тырговиште, Разрад. Там мы были в сопровождении члена общества болгарско-советской дружбы Иванова. По моей просьбе мы ездили осматривать средневековые памятники: Преслав и Плиску. Таким образом, поездка в Болгарию 1978 года была кратковременной, но очень интересной и насыщенной. Она позволила ближе познакомиться с жизнью простых людей в Болгарии и некоторыми историческими памятниками. За 10 лет до этой поездки, в 1968 году я был в туристской поездке по Болгарии, много узнал и увидел, но, к сожалению, это был взгляд на страну и ее людей из окна туристического автобуса.

В конце 1978 года удалось добиться создания специализированного Совета по защите кандидатских диссертаций по всеобщей истории на историческом факультете Харьковского университета, который несколько

лет отсутствовал, и с восстановлением этого Совета я стал председателем совета по защите диссертаций. Одновременно с этим я был членом специализированного Совета Харьковского университета по защите докторских диссертаций по истории СССР и Украины. С 1978 по 1995 год я входил в состав Совета по защите докторских диссертаций Института археологии Академии наук Украины и почти ежемесячно ездил в Киев на заседания этого совета. Одновременно с этим, до 1987 года я был членом координационного совета «Археологические исследования на территории Украинской ССР» при Институте археологии АН УССР. Начиная с 1979 года, в течение шести лет я был ответственным редактором «Вестника Харьковского университета. История».

В 1979 году мне было присвоено ученое звание профессора по кафедре истории древнего мира и средних веков с вручением соответствующего аттестата. В этом же году за заслуги в области высшего образования СССР Министерство высшего и среднего образования СССР наградило меня нагрудным знаком «За отличные успехи в работе». В течение 1979–1988 годов я был членом секции истории научно-технического совета Министерства высшего образования СССР и периодически ездил в Москву на заседания.

В 1979 году по приглашению болгарских археологов я участвовал в работе международного симпозиума «Античная балканская керамика» в городе Велико Тырново, где выступил с докладом о технологии производства керамики в Херсонесе Таврическом. Вместе с другими участниками симпозиума посетил комплекс производства керамики в селе Бутово. На этом симпозиуме я познакомился с мастером изготовления гончарных изделий из села Опошня Полтавской области, который был участником этого симпозиума. После возвращения в Харьков, я ездил в Опошню, где осматривал местную гончарную мастерскую. В подарок от мастера из Опошни я получил огромное поливное блюдо, которое потом передал в Археологический музей Харьковского университета.

Приближалась 175-я годовщина основания Харьковского университета, и у меня возникла идея отметить эту дату проведением Всесоюзной научной конференции. Идея была поддержана не только историками, но и филологами-классиками филологического факультета Харьковского университета. Был создан Оргкомитет по проведению этой конференции, в него вошли: Валерия Александровна Латышева, Валерий Федорович Мещеряков, и филологи: Наталья Григорьевна Корж, Фрида Иосифовна Луцкая и Милица Сергеевна Лапина. Председателем Оргкомитета был ректор университета И. Е. Тарапов, а я заместителем председателя Оргкомитета, а фактически —

его руководителем. О проведении конференции с указанием даты и просьбой присылать тезисы докладов мы сообщили в университеты России, Украины, Молдовы, Грузии и в Институт археологии АН СССР. Называлась конференция «Проблемы древней истории и классической филологии». Намечено было проведение этой Всесоюзной научной конференции на 6–8 февраля 1980 года. К моменту открытия конференции были изданы тезисы докладов и пригласительные билеты для каждого участника конференции. Ответственными редакторами этих тезисов были: В. И. Кадеев и О. А. Миронов.

Участников конференции из Москвы встречал я, и к моменту прихода поезда приехал на вокзал на университетском автобусе. Москвичи были очень довольны, особенно пожилые, а среди них были Владимир Дмитриевич и Татьяна Васильевна Блаватские. Из Московского университета приехал заведующий кафедрой истории древнего мира Василий Иванович Кузишин. Сектор античной археологии Института АН СССР представляли: Геннадий Андреевич Кошеленко, Дмитрий Борисович Шелов, Надежда Анисимова Онайко. Кроме москвичей были ученые из Ленинграда, Горького, Белгорода, Воронежа, Ростова, Саратова и других городов. Из Киева на эту конференцию приехал известный филолог-классик А. А. Белецкий, отец которого А. И. Белецкий был в свое время профессором Харьковского университета, а также Сергей Дмитриевич Крыжицкий, Анна Станиславовна Русяева, Валентина Владимировна Крапивина. Были представители Севастополя и Симферополя, Керчи, Львова, Ужгорода, Донецка, Полтавы и Одессы.

Пленарное заседание проводилось в актовом зале университета, а секции работали в аудиториях исторического и филологического факультетов. Я выступал с докладом «Развитие истории древнего мира в Харьковском университете за 175 лет» на пленарном заседании конференции в актовом зале в день открытия этой конференции. Позднее, когда вспоминали эту конференцию, ее участники-историки оценивали только положительно.

В 1981 году вышла в свет вторая моя монография, которая называлась «Херсонес Таврический в первых веках нашей эры». К этому времени у меня было опубликовано уже свыше семидесяти научных работ. В монографии были изложены: история, социальный и политический строй, этнический состав населения Херсонеса Таврического в первых веках нашей эры. Монография была положительно оценена специалистами по истории античности.

Первым откликнулся на эту работу заведующий античным сектором Института археологии АН УССР С. Д. Крыжицкий, опубликовавший в Вестнике древней истории за 1983 год обзор исследований «Античность в УССР в 1972–1982 гг.».

Рецензия на эту монографию в «Украинском историческом журнале» (1986, № 3), написанная В. Ф. Мещеряковым и В. М. Зубарем, высоко оценивала указанное исследование.

В октябре 1981 года я был приглашен в Болгарию, где проходил стажировку на кафедре археологии Софийского университета. Это позволило мне познакомиться с учебным процессом на историческом факультете в целом и кафедрой археологии, которой руководил доцент Людмил Гетов, исполнявший в это время обязанности заместителя декана исторического факультета по учебной работе. Во время этой стажировки я познакомился с работой коллектива кафедры археологии, с археологическими памятниками Софии и совершил несколько поездок по стране с целью ознакомления с памятниками римского времени провинций Фракия и Мёзия. Это позволило получить представление о характере материальной культуры в этом регионе и сравнительные материалы для изучения Херсонеса Таврического. Интересовали меня археологические музеи Болгарии, построение их экспозиций, их положительные стороны и недостатки. Первые несколько дней я жил в гостинице, а потом получил место в общежитии университета на Дрвенице, где у меня была комната. Кроме деловых встреч и знакомств с археологическими памятниками Софии, я побывал в библиотеке Института археологии, где познакомился с литературой и периодикой этой библиотеки. В поездках по стране меня сопровождал Петер Горбанов, сотрудник кафедры археологии, окончивший Венский университет и работавший лаборантом на кафедре археологии. Это был очень эрудированный, но скромный и добрый человек, которого знали и уважали студенты и выпускники Софийского университета. Называли они его «шеф» и во время наших поездок по стране всегда старались прийти на помощь. С П. Горбановым я побывали Кюстендиле, Пауталии, Никополесе ад Иструм, Пловдиве, Старой Загоре, Варне и других городах, где велись археологические исследования. Встретился и познакомился со многими болгарскими археологами. Встречался и с теми археологами, с которыми был уже знаком.

30 октября 1981 года перед отъездом из Болгарии я был принят ректором Софийского университета профессором Илчо Демитровым. По окончании беседы он передал мне письменное приглашение прочитать курс лекций по античной археологии на историческом факультете Софийского университета. Я это приглашение с благодарностью принял, но ректор Харьковского университета профессор И. Е. Тарапов отказался отпустить меня в Болгарию для чтения этих лекций, намечавшихся на 1982 год. Однако в Болгарии я побывал позднее еще несколько раз и подробно описал эти поездки в своей работе «Болгарские

дневники», изданной в Харькове в 2000 году. Там же опубликованы и подробные записи о поездках 1981 года.

Моими помощниками в экспедиции 80-х годов были преподаватели кафедры древней истории и археологии, защитившие под моим руководством кандидатские диссертации Валерий Федорович Мещеряков и Сергей Борисович Сорочан. На раскопе у каждого из них был свой участок. [...]

Таким образом, свыше 50 лет своей жизни я отдал преподавательской работе на историческом факультете национального Харьковского университета имени В. Н. Каразина. За это время я подготовил несколько тысяч студентов-историков, написал свыше 200 научных работ и подготовил 12 кандидатов наук по истории древнего мира и средних веков. Более 30 лет руководил кафедрой исторического факультета и около 5 лет был деканом исторического факультета. Свыше 20 лет руководил археологической экспедицией, производившей археологические раскопки в Херсонесе Таврическом. За эти годы в этой экспедиции работали несколько сот студентов и научных сотрудников исторического факультета Харьковского университета.

18. XI — 2012 г.

Список научных трудов В. И. Кадеева

1. *Славянские гончарные клейма на Харьковщине*//Итоговая студ. науч. конф.: Тез. докл. — Х., 1954. — С. 45–47.
2. *К истории обработки цветных металлов у племен салтовской культуры* // Итоговая студ. конф.: Тез. докл. — Х., 1956.
3. *Археология в ХГУ за 40 лет: Путеводитель по выставке.* — Х., 1956. — 47 с.: ил. Економіка античного Херсонеса в радянській історіографії //Уч. зап. Харк. ун-ту. — 1961. — Т. 117: Тр. іст. фак. — Т. 8. — С. 19–33.
4. *Соляний промисел в пізньоантичному Херсонесі (I—IV ст. н. е.)* //Археологія. — 1961. — Т. 13. — С. 89–94.
5. *Производство изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе* //Тез. науч. конф. аспирантов каф. обществ. наук Харьк. ун-та. — Х., 1962. — С. 122–124.
6. *Риболовний промисел в Херсонесі в перших віках н. е.*//Уч. зап. Харк. ун-ту. — 1962. — Т. 124: Тр. іст. фак. — Т. 9. — С. 59–79.
7. *Ремесла и промыслы Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.: Дис. ... канд. ист. наук.* — Х., 1963. — 362 с.: 14 л. табл. — (Харьк. гос. ун-т).
8. *То же.* автореф. — Х., 1963. — 16 с.
9. *Некоторые результаты спектрального исследования цветных металлов из позднеантичного Херсонеса*//СХМ. — 1963. — Вып. 3 — С. 32–44.
10. *О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе*//СА. — 1963. — № 1. — С. 43–48. (Соавторы Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.)
11. *Раскопки в Херсонесе Таврическом*//Красное знамя. — 1963. — 17 ноября.
12. *Реф.: Соляной промысел в позднеантичном Херсонесе*//Bibliotheca classica orientalis. — Berlin, 1963. — Н. 6. — S. 337 (на немецком языке).
13. *Нові нумізматичні надходження Археологічного музею Харківського державного університету*//Наук.-інф. бюл. Архів. управління УРСР. — 1964. — № 3. — С. 110–111. (Соавтор Зайцев Б. П.)

14. *Реф.: О технологии изготовления некоторых изделий из цветных металлов в позднеантичном Херсонесе*//Biblioteca classica orientalis. Н. 3. — Berlin, 1964. — С. 179 (на немецком языке). (Соавторы Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.)
15. *Подводные исследования в районе Херсонеса 1964 г.*//Материалы сессии, посвящ. итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР: Тез. докл. — Баку, 1965. — С. 106–107.
16. *Новое открытие в Херсонесе*//Красное знамя. — 1964. — 22 сент.
17. *Аланские надписи: новые находки харьковских археологов*//Красное знамя. — 1965. — 26 июня.
18. *В поисках затонувших кораблей: [Подводные археол. исследования у берегов Херсонеса]*//Красное знамя. — 1965. — 10 окт.
19. *Подводные археологические исследования в районе Херсонеса 1964–1965 гг.*//Пленум Ин-та археологии (АН СССР) 1966 года: Тез. докл. — М., 1966. — С. 11–12.
20. *75-річчя К. Е. Гриневича*//УІЖ. — 1966. — № 9. — С. 136–137.
21. *Технологія виготовлення «бронзових прикрас» з могильника II–IV ст. н. е. біля радгоспу «Севастопольський»*//ВХУ. — 1966. — № 17: Іст. сер. — Вип. 1. — С. 99–105. (Соавторы Солнцев Л. А., Фомин Л. Д.)
22. *Новые открытия под водой: [О подводных исслед. у берегов Херсонеса археолог. экспедиции Харьк. ун-та]*//Красное знамя. — 1966. — 13 окт.
23. *Херсонес раскрывает тайны*//Красное знамя. — 1966. — 20 дек.
24. *К 75-летию К. Э. Гриневича*//СА. — 1967. — № 4. — С. 187–189: портр.
25. *Некоторые результаты петрографических исследований античной керамики из Херсонеса*//ЗООА. — 1967. — Т. 2 (35). — С. 271–276: ил. (Соавтор Шуменко С. И.)
26. *Подводные исследования у берегов Херсонеса*//АО 1966 года. — М., 1967. — С. 257–258. (Соавтор Вишневский В. И.)
27. *Український краєзнавець і археолог В. О. Бабенко*//УІЖ. — 1967. — № 12. — С. 104.
28. *Археологія на дні моря*//Знання та праця. — 1968. — № 5. — С. 25–26: фото.
29. *Нові джерела для вивчення етнічного складу середньовічного Херсонесу*//Архіви України. — 1968. — № 1. — С. 42–44: іл.
30. *О времени появления токарного металлорежущего станка в Херсонесе*//Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. — Л., 1968. — С. 149–153: ил.
31. *Поиски древних кораблей*//Спортсмен-подводник. — 1968. — Вып. 19. — С. 52–58: ил.

32. *Средневековые граффити из Херсонеса*//СА. — 1968. — № 2. — С. 288–290.
33. *Сокровища древнего города: [Об исследовании Херсонеса Таврического]* //Красное знамя. — 1968. — 28 янв.
34. *Торговля Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.* — Х., 1969. — 46 с.
35. *Импортные светильники I—IV вв. н. э. из Херсонеса*//СА. — 1969. — № 3. — С. 159–170.
36. *Исследования в портовой части Херсонеса*//АО 1968 года. — М., 1969. — С. 286–287: ил.
37. *Косторізне виробництво у пізноантичному Херсонесі I—IV ст. н. е.* //Археологія. — 1969. — Т. 22. — С. 236–240.
38. *Подводные археологические исследования в районе Херсонеса в 1964–1965 гг.*//Морские подводные исследования. — М., 1969. — С. 342–353.
39. *Находки археологов: [Исследования Херсонеса]*//Красное знамя. — 1969. — 16 янв.
40. *Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.* — Х., 1970. — 164 с.: ил.
41. *Про торгівлю Херсонеса з населенням Південно-Західного Криму I—IV ст. н. е.* //Питання історії народів СРСР. — 1970. — Вип. 9. — С. 151–155.
42. *Про торгівлю Херсонеса з Середземномор'ям у I—IV ст. н. е.*//ВХУ. — 1970. — № 45: Іст. сер. — Вип. 4. — С. 62–68.
43. *Раскопки в портовом районе Херсонеса*//АО 1969 года. — М., 1970. — С. 282–283. (Соавторы Даниленко В. Н., Романчук А. И.)
44. *Штурм далекого минулого: [Дослідження Херсонеса Таврійського]* //Веч. Харків. — 1970. — 27 берез.
45. *К вопросу о составе херсонесского совета в первых веках н. э.*//ВДИ. — 1971. — № 3. — С. 127–130.
46. *Костянтин Едуардович Гріневич: 1891–1970. [Некролог]*//Археологія. — 1971. — № 3. — С. 104.
47. *Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е.*//УІЖ. — 1971. — № 9. — С. 23–31.
48. *Раскопки в портовом районе Херсонеса*//Археологические исследования на Украине в 1968 году. Вып. 3. — К., 1971. — С. 253–256. (Соавтор Даниленко В. Н.)
49. *Раскопки в Херсонесе*//АО 1970 года. — М., 1971. — С. 268–269: ил.
50. *Сводный отчет о раскопках в Херсонесе объединенной экспедиции в 1963–1964 гг.*//АДСВ. — Свердловск, 1971. — Сб. 7. — С. 7–61. — (Уч. зап. Урал. ун-та; № 112: Сер. ист.: Вып. 22). (Соавторы Даниленко В. Н., Токарева Р. Н., Суков Е. Г., Колесникова Л. Г.)

51. *Средневековые амфоры Херсонеса*//АДСВ. — Свердловск, 1971. — Сб. 7. — С. 81–101. — (Уч. зап. Урал. ун-та; № 112: Сер. ист.: Вып. 22). (Соавторы Антонова И. А., Даниленко В. Н., Ивашута Л. П., Романчук А. И.)
52. *Новое открытие в Херсонесе*//Красное знамя. — 1971. — 21 янв.
53. *О скорченных погребениях Херсонесского некрополя*//Тез. докл. на секциях ИА АН СССР, посвящ. итогам полевых исследований 1971 года. — М., 1972. — С. 101–102.
54. *Раскопки в портовом районе Херсонеса*//АО 1971 года. — М., 1972. — С. 373–374. (Соавтор Романчук А. И.)
55. *Раскопки в портовом районе Херсонеса в 1970–1971 гг.*//Тези пленарних і секційних доповідей XV наук. конф. Ін-ту археології. — Одеса, 1972. — С. 237–239.
56. *Нова рибозасолювальна цистерна у Херсонесі*//Археологія. — 1973. — Вип. 12. — С. 76–80: іл. (Соавтор Рыжов С. Г.)
57. *Об этнической принадлежности скорченных погребений херсонесского некрополя*//ВДИ. — 1973. — № 4. — С. 108–116.
58. *Раскопки в «центре участка» [портового района Херсонеса]*//АДСВ. — Свердловск, 1973. — Сб. 9. — С. 13–27.
59. *Деревоперерабатывающее производство Херсонеса в I–IV вв. н. э.*//Херсонес Таврический: Ремесло и культура. — К., 1974. — С. 34–39: ил.
60. *До питання про римських вільновідпущеників у Херсонесі в перших століттях н. е.*//ВХУ. — 1974. — № 4: Історія. — Вип. 8. — С. 83–88.
61. *Об этнической принадлежности носителей имени ΣΚΥΘΑΣ в Херсонесе Таврическом*//СА. — 1974. — № 3. — С. 56–63.
62. *Херсонес Таврический в I в. до н. э.*: Дис. ... д-ра ист. наук. — М., 1975. — 510 с.: ил. — (ИА АН СССР).
63. *То же.* Автореф. дис... д-ра ист. наук. — М., 1975. — 40 с.
64. *Херсонес раскрывает тайны: Экспедиции харьковчан*//Красное знамя. — 1975. — 19 окт.
65. *Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья*//XIV Междунар. конф. античников соц. стран: Тез. докл. Ереван, 1976, 18–23 мая. — Ереван, 1976. — С. 171–172.
66. *До питання про вільновідпущеників з грецькими іменами в Херсонесі Таврійському*//ВХУ. — 1976. — № 145: Іст. сер. — С. 98–102.
67. *К вопросу о «царствовании» Девы в Херсонесе*//КСИА АН СССР. — 1976. — Вып. 145. — С. 9–13.
68. *Раскопки в портовом районе Херсонеса*//АО 1975 года. — М., 1976. — С. 380–381: фото. (Соавтор Романчук А. И.)

69. *О рабстве* в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э.//История и культура античного мира. — М., 1977. — С. 57–61.
70. *Малоазійські написи з Херсонеса*//ВХУ. — 1978. — № 167: Історія. — Вип. 10. — С. 93–96.
71. *Статус Херсонеса Таврического во время римской оккупации* (II—III в. н. э.)//XV Conférence internationale d'études classiques des Pays socialistes «Eirene»: Res. des Communications. — Sofia, 1978. — С. 34–35.
72. *Вольноотпущенники и их потомки в античных государствах Северного Причерноморья*//Проблемы античной истории и культуры. — Ереван, 1979. — С. 359–365.
73. *Херсонес, Боспор и Рим в I в. до н. э.*//ВДИ. — 1979. — № 2. — С. 55–76.
74. *Развитие истории древнего мира в Харьковском университете за 175 лет* //Проблемы античной истории и классической филологии: Тез. докл. — Х., 1980. — С. 16–17.
75. *Ред.: Тез. докл.* Всесоюзн. науч. конф. «Проблемы античной истории и классической филологии», 6–8 февр. 1980 г. — Х., 1980. — 206 с.
76. *Історичний факультет: учора, сьогодні, завтра*//Харк. ун-т. — 1980. — 2 лют. (Соавтор Лантух В.)
77. *Якщо хочеш вивчати історію*//Харк. ун-т. — 1980. — 18 берез.
78. *Херсонес Таврический в первых веках нашей эры.* — Х., 1981. — 143 с.
79. *Некоторые вопросы истории земледелия античного Херсонеса*//ВХУ. — 1981. — № 214: Іст. сер. — С. 90–95.
80. *Правовое и социальное положение граждан Херсонеса*//Авторско-читательская конф. журн. «ВДИ»: Тез. докл. — М., 1981. — С. 39–40.
81. *З глибини віків: [Дослідження Херсонеса Таврійського]*//Вечірній Харків. — 1981. — 8 верес.
82. *Раскопки в Херсонесе*//Красное знамя. — 1981. — 6 сент.
83. *Винайдені скарби*//Україна. — 1982. — № 1. — С. 22–23: іл. (Соавтор Зубарь В. М.)
84. *Золотой медальон Тихе: [Новые находки на территории Херсонеса]* //Правда Украины. — 1982. — 11 нояб. (Соавтор Зубарь В. М.)
85. *Нові відкриття в Херсонесі*//Харк. ун-т. — 1982. — 16 лют.: фото.
86. *Раскопки в Херсонесе*//Красное знамя. — 1982. — 9 окт.: фото.
87. *Якщо хочеш стати істориком*//Харк. ун-т. — 1982. — 23 берез.
88. *В. П. Бузескул как историк*//ВХУ. — 1983. — № 238: Іст. сер. — С. 48–52.
89. *Пам'ятки стародавнього міста: [Херсонес Таврійський]*//Україна. — 1983. — 25. — С. 22: іл. (Соавтор Зубарь В. М.)

90. *Раскопки в портовом районе Херсонеса*//АО 1981 года. — М., 1983. — С. 264–265: фото.
91. *Ред.: История и культура досоциалистических формаций.* — Х., 1983. — 126 с. — (ВХУ; № 238).
92. *Армянские лучники на службе Митридата Евпатора*//Второй Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке: Тез. докл. — Ереван, 1984. — С. 12–13. (Соавтор *Виноградов Ю. Г.*)
93. *Историческая наука в Харьковском университете (1933–1983)*//ВХУ. — 1984. — № 266: Ист. сер. — С. 110–119. (Соавтор *Журавский Ю. И.*)
94. *Раскопки в портовом районе Херсонеса*//АО 1982 года. — М., 1984. — С. 263–265: фото.
95. *Ред.: Социалистическое и коммунистическое строительство в СССР и странах социалистического содружества.* — Х., 1984. — 120 с. — (ВХУ; № 266).
96. *Египетские и сирийские светильники первых веков н. э. из Херсонеса* //ВХУ. — 1985. — № 268: Ист. сер. — С. 95–100: рис. (Соавтор *Сорочан С. Б.*)
97. *Новый надгробный памятник II в. н. э. из Херсонеса*//КСИА АН СССР. — 1985. — Вып. 182. — С. 66–69.
98. *Раскопки в портовом районе Херсонеса (1981–1984 гг.)* //Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в IX пятилетке»: Тез. докл. — Баку, 1985. — С. 159–160.
99. *Раскопки в районе Херсонеса*//АО 1983 года. — М., 1985. — С. 279–280: рис.
100. *Римские гарнизоны Ольвии и Херсонеса в I—III вв. н. э.*//Проблемы исследования Ольвии: Тез. докл. и сообщ. семинара. — Парутино, 1985. — С. 33. (Соавтор *Дьячков С. В.*)
101. *Находки археологов*//Красное знамя. — 1985. — 10 марта: фото.
102. *Правовое и социальное положение граждан античного Херсонеса* //Проблемы античной культуры. — М., 1986. — С. 155–160.
103. *Раскопки в Херсонесе*//АО 1984 г. — М., 1986. — С. 239–240.
104. *Изучение древней истории в ХГУ за годы советской власти*//ВХУ. — 1987. — № 302: Ист. сер. — С. 108–116.
105. *О культурных связях Херсонеса с Мезией и Фракией в первых веках н. э.* //ВХУ. — 1988. — № 316: Ист. сер. — С. 61–66.
106. *Северное Причерноморье и Фракия в I—IV вв.: проблема контактов* //Дриновские чтения: Тез. Докл. — Х., 1988. — С. 60–61.
107. *О дошкольном воспитании детей в античном Херсонесе*//Проблемы античной культуры; Тез. докл. — Симферополь, 1988. — Ч. 3. — С. 245–246.

108. *Проблема римского влияния на Херсонес первых веков н. э.*//Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888–1988 гг.: Тез. докл. — Севастополь, 1988. — С. 54–55.
109. *Вклад русской науки в развитие болгарской археологии в последней четв. XIX—нач. XX вв.*//Великий Октябрь и зарубежные славянские страны. — Минск, 1988. — С. 250.
110. *Античные источники в серии «Древнейшие источники по истории народов СССР»* //История СССР. — 1988. — № 5. — С. 185–188. (Соавтор Шмалько А. В.)
111. *Экономические связи античных городов Причерноморья в I в. до н. э.—V в. н. э.* — Х., 1989. — 134 с. (Соавтор Сорочан С. Б.)
112. *Північне Причорномор'я і Західний Понт: проблема контактів* //Археологія. — 1989. — № 4. — С. 91–102. (Соавтор Сорочан С. Б.)
113. *Школьное образование и воспитание в Херсонесе в первых веках н. э.* //ВХУ. — 1989. — № 343: Іст. сер. — С. 55–61.
114. *Балканистика в ХГУ (1805–1917)*//Sixième congrés International d'études du Sud-Est Européen. — Sofia, 1989. — P. 86–87. (Соавтор Страшнюк С. Ю.)
115. *О культуре римских императоров в античных государствах Северного Причерноморья*//Проблеми історії та археології давнього населення Української РСР: Тез. докл. — К., 1989. — С. 88.
116. *О ветеранах римской армии в Нижней Мезии и Фракии в первых веках н. э.* //Античный мир и археология. — 1990. — Вып. 7. — С. 77–86. (Соавтор Мартемьянов А. П.)
117. *Древняя история и античная археология в Харьковском университете (1805–1990)*//ВХУ. — 1991. — № 357: Історія. — С. 50–69. (Соавторы Латышева В. А., Мещеряков В. Ф., Сергеев И. П.)
118. *Костянтин Едуардович Гріневич*//Археологія. — 1991. — № 4. — С. 119–129.
119. *Балканистика в Харьковском университете (1805–1917)*//Études Valcaniques — 1991. — № 3. — P. 38–51. (Соавтор Страшнюк С. Ю.)
120. *История и культура Фракии и Мезии античной эпохи в советской литературе* //Болгаристика в системе общественных наук. Опыт, уроки, перспективы. — Х., 1991. — С. 20–21. (Соавтор Мартемьянов А. П.)
121. *Краткий очерк научной и педагогической деятельности К. Э. Гриневича* //К. Э. Гриневич — профессор Харьковского университета. Библиографический указатель. — Х., 1991. — С. 3–7.
122. *К вопросу о культуре римских императоров в Херсонесе*//ВХУ. — 1992. — № 362: Історія. — Вып. 25. — С. 86–90.

123. *К. Э. Гриневич как ученый*//ВХУ. — 1992. — № 362: Історія. — Вып. 25. — С. 129–134.
124. *О медицине в античном Херсонесе*//История и археология Слободской Украины: Тез. докл. — Х., 1992. — С. 120–121.
125. *Новые находки римских монет на Харьковщине*//История и археология Слободской Украины: Тез. докл. — Х., 1992. — С. 31–32. (Соавтор Зайцев Б. П.)
126. *История древнего мира в Харьковском университете*//История древнего мира в Харьковском университете. Библиографический указатель. — Х., 1992. — С. 3–6.
127. *О римском влиянии на материальную культуру Херсонеса в I—III в. н. э.* //ВХУ. — 1993. — № 374: Історія. — Вып. 27. — С. 16–24.
128. *Древняя Греция в трудах ученых Харьковского университета (1805–1920)*//Україна — Греція: історія та сучасність: Тези міжнар. конф. — К., 1993. — С. 60–61. (Соавтор Ручинская О. А.)
129. *О медицине в Херсонесе Таврическом*//Древности–1994. — Х., 1994. — С. 63–69.
130. *Ред.: Болгарский ежегодник. Т. 1.* — Х., 1994. — 287 с.: ил.
131. *От главного редактора*//Болгарский ежегодник. Т. 1. — Х., 1994. — С. 3–4.
132. *Ред.: Древности–1994. Харьковский историко-археологический ежегодник.* — Х., 1994. — 204 с.: ил.
133. *От главного редактора*//Древности 1994. — Х., 1994. — С. 2–3.
134. *Благоговения и косметика в античных городах Западного и Северного Понта: источниковедческий аспект*//III Дриновские чтения: Тез. докл. — Х., 1994. — С. 18–19.
135. *О календаре Херсонеса Таврического*//ВХНУ. — 1994. — № 385: Історія. — Вып. 28. — С. 31–38.
136. *Фракийцы в Северном Причерноморье в первых веках н. э.* //ВХНУ. — 1994. — № 385: Історія. — Вып. 28. — С. 39–48. (Соавтор Дьячков С. В.)
137. *О парфюмерии и косметике в античном Херсонесе*//Проблемы археологии, древней и средневековой истории Украины: Тез. докл. — Х., 1995. — С. 62–64.
138. *О парфюмерии и косметике в античном Херсонесе*//Древности–1995. — Х., 1995. — С. 98–110.
139. *Ред.: Древности–1995. Харьковский историко-археологический ежегодник.* — Х., 1995. — 198 с.: ил.

140. *Еще раз* об этнической принадлежности скорченных захоронений в раннем некрополе Херсонеса Таврического//Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. — Симферополь, 1995. — С. 32–37.
141. *Херсонес* Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). — Х., 1996. — 208 с.
142. *Ред.: Болгарский* ежегодник. — Т. 2. — Х.; София, 1996. — 431 с.
143. *Ветераны* римской армии в Нижней Мёзии и Фракии в первых веках н. э. //Анали. — 1996. — Бр. 1–4. — С. 75–89. (Соавтор *Мартемьянов А. П.*)
144. *Воспитание* и обучение граждан в Херсонесе Таврическом в первых веках н. э.//Х. Сб. — 1996. — Вып. 7. — С. 93–99.
145. *Профессор* Харьковского университета Е. Г. Кагаров//Проблемы истории и археологии Украины: Тез. докл. — Х., 1997. — С. 41–42.
146. *Украинский* археолог, этнограф и краевед В. А. Бабенко//Древности–1996. — Х., 1997. — С. 144–146.
147. *Ред.: Древности–1996.* Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1997. — 174 с.
148. *Евгений* Георгиевич Кагаров — профессор Харьковского университета. Биобиблиография. — Х., 1997. — 32 с.
149. *Владислав* Петрович Бузескул — профессор Харьковского университета. Биобиблиография. — Х., 1998. — 42 с.
150. *Кафедра* истории древнего мира и средних веков Харьковского государственного университета. К 20-летию. — Х., 1998. — 95 с.
151. *Ветераните* от римската армия в Долна Мизия и Тракия през първите векове на новата ера//Военноисторически сборник. — 1998. — Кн. 1. — С. 7–17. (Соавтор *Мартемьянов А. П.*)
152. *Ред.: Древности 1997–1998.* Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1999. — 230 с.
153. *Профессор* Харьковского университета Евгений Георгиевич Кагаров //Древности 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 1999. — С. 182–186.
154. *Болгарские* дневники. — Х., 2000. — 152 с.
155. *История* и археология Причерноморья. Статьи разных лет. — Х., 2000. — 390 с.
156. *Памяти* А. И. Митряева//Категоріальний апарат історичної науки. Харківський історіографічний збірник. — 2000. — Вип. 4. — С. 111–113.
157. *Памяти* В. Ф. Мещерякова (11. I. 1947—11. VII. 2002) //ВХНУ. — 2002. — № 566. — Історія. — Вип. 34. — С. 356–357.

158. Харківський університет у 1919–1920 роках//Університети. Наука і просвітченє. — 2003. — № 1. — С. 8–15. (*Співавтор Наумов С. О.*)
159. А. С. Федоровский как археолог//Вісник ХНУ. — 2003. — № 594. — Історія. — Вип. 35. — С. 252–261.
160. Кафедра історії древнього мира і середніх віків Харківського національного університету ім. В. Н. Каразіна. К 25-лєтїю оснoванія. — Х., 2003. — 135 с.
161. *Владислав* Петрович Бузескул. К 145-лєтїю со дня рoдження//Університети. Наука і просвітченє. — 2003. — № 3. — С. 68–77.
162. *В. П. Бузескул* и «История Афинской демократии»//Идеал свободы и равноправия. История Афинской демократии. — Х., 2004. — С. 469–479.
163. *Кафедра* історії древнього мира і середніх віків//Історичний факультет: від покоління до покоління. — Х., 2004. — С. 10–19.
164. *Видатний* історик і історіограф. Бузескул Владислав Петрович //Реабілітовані історією. Харківська область. — К.; Х., 2005.
165. *Харківський* університет наприкінці ХІХ столїття — 1920 рік//Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років. — Х., 2004. — С 218–300. (*У співавторстві.*)
166. *Ред.: Древности 2004.* Харківський історико-археологічний єжегодник. — Х., 2004. — 319 с.
167. *Передмова*//Вихованці Харківського університету. — Х., 2004. — С. 6.
168. *Алчевський* Григорій Олексійович//Там само. — С. 14.
169. *Алчевський* Іван Олексійович//Там само. — С. 14–15.
170. *Барабашов* Микола Павлович//Там само. — С. 20–21.
171. *Бичко* Валентин Васильович//Там само. — С. 26.
172. *Бузескул* Владислав Петрович//Там само. — С. 35–36.
173. *Водяницький* Володимир Олексійович//Там само. — С. 44.
174. *Воробйов* Володимир Петрович//Там само. — С. 46–47.
175. *Гулак-Артемовський* Петро Петрович//Там само. — С. 58–59.
176. *Данилевський* Василь Якович//Там само. — С. 60.
177. *Добровольський* Володимир Анатолійович//Там само. — С. 63.
178. *Дунаєвський* Ісак Осипович//Там само. — С. 66–69.
179. *Забіла* Наталя Львівна//Там само. — С. 71–72.
180. *Кеппен* Петро Іванович//Там само. — С. 86.
181. *Кіпріанов* Андрій Іванович//Там само. — С. 87.
182. *Ковалєвський* Максим Максимович//Там само. — С. 90–92.
183. *Копиленко* Олександр Іванович//Там само. — С. 97–98.
184. *Кульчицький* Микола Костянтинович//Там само. — С. 107–109.

185. *Кульчицький* Михайло Валентинович//Там само. — С 109–110.
186. *Кучер* Василь Степанович//Там само. — С. 113.
187. *Мечников* Ілля Ілліч//Там само. — С 131–133.
188. *Мещеряков* Валерій Федорович//Там само. — С 133–134.
189. *Палетмінський* Сергій Володимирович//Там само. — С. 149.
190. *Перепеляк* Іван Михайлович//Там само. — С 150.
191. *Піріг* Руслан Якович//Там само. — С.151–152.
192. *Піلسудський* Юзеф Клемент//Там само. — С 152–154.
193. *Полянський* Радій Федорович//Там само. — С 156–157.
194. *Потебня* Олександр Опанасович//Там само. — С 159–160.
195. *Савченко* Володимир Захарович//Там само. — С 165.
196. *Сенченко* Іван Юхимович//Там само. — С 169–170.
197. *Сказбуш* Микола Йосипович//Там само. — С 174.
198. *Собко* Вадим Миколайович//Там само. — С 178.
199. *Сосюра* Володимир Миколайович//Там само. — С 181–182.
200. *Стеклов* Володимир Андрійович//Там само. — С 186.
201. *Струве* Отто Людвигович//Там само. — С. 188–189.
202. *Сухомлінов* Михайло Іванович//Там само. — С. 192–193.
203. *Турчанинов* Микола Степанович//Там само. — С. 196–197.
204. *Фесенков* Василь Григорович//Там само. — С. 207.
205. *Халанський* Михайло Георгієвич//Там само. — С. 212.
206. *Шестопапов* Віктор Петрович//Там само. — С. 220– 221.
207. *Шовкопляс* Юрій Юрійович//Там само. — С. 223.
208. *Владислав* Петрович Бузескул//Зневажена Кліо. — К., 2005. — С. 75–91.
209. *Ред.: Древности* 2005. Харьковський історико-археологічний ежегодник. —Х., 2005. — 388 с.
210. *История* Древней Греции и Рима. Курс лекцій. — Х., 2006. — 327 с.
211. *ЦНБ в моей жизни*//Березюк Н. М., Левченко И. Г., Чигринова Р. П. Библиотека Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина за 200 лет. — Х., 2006. —С. 243–244.
212. *Памяти* Валерия Федоровича Мещерякова//Валерий Федорович Мещеряков: человек, ученый, гражданин. — Х., 2007. — С. 160–164.
213. *Владимир* Петрович Бузескул. К 150-летию со дня рождения. — Х.: ХНУ имени В. Н. Каразина, 2008. — 60 с.
214. *Почесні члени* Харківського університету. Біографічний довідник. — Х., 2008. — 311. (*У співавторстві*)
215. *Харківський* університет ХІХ — початку ХХ ст. у спогадах професорів та вихованців. — Х.: ХНУ, 2008. — Т. 1. — 540 с. (*У співавторстві*)

216. *Ред.: Древности 2006–2008.* Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2008. — 304 с.
217. *Ред.: Древности 2009.* Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2009. — 328 с.
218. *Харківський університет ХІХ — початку ХХ ст. у спогадах його професорів та вихованців: у 2 т. Т. 2 / уклад. Б. П. Зайцев, В. Ю. Іващенко, В. І. Кадеєв [та ін.]; наук. ред. С. І. Посохов.* — Х.: САГА, 2010. — 550 с.
219. *Ред.: Древности 2010.* Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2010. — 396 с.
220. *Памяти Бориса Кирилловича Мигалья //Борис Кирилович Мигаль : спогади, документа, матеріали / укл. : В. М. Власенко, О. М. Головки, С. С. Евсеев, М. С. Лисенко ; відп. ред. : проф. С. І. Посохов.* — Х. : ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2012. — С. 30–33.
221. *Херсонесский дневник 1961 года / Древности 2012.* Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х., 2012. — С. 291–296.

Литература о В. И. Кадееве

1. Федоров-Давыдов Г. А. Студенческая археологическая конференция // Вопросы истории. — 1955. — № 7. С. 179: о В. И. Кадееве.
2. Строков Л. У Херсонесі Таврійському [Фото В. І. Кадеєва та інших] // Прапор. — 1964. — № 8. С. 103–104: об експедиції В. І. Кадеєва.
3. Очерки истории комсомольской организации Харьковского университета. — Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1969. С. 83: о В. И. Кадееве.
4. Називаємо кращих: [Фото доц. В. І. Кадеєва та інших] // Харківський університет. — 1969. — 17 черв.
5. Николенко Л. Древний город Херсонес // Красное знамя. — 1970. — 10 марта. — Рец. на кн.: Кадеев В. И. Очерки истории экономики Херсонеса в I—IV веках н. э. — Х.: Изд-во Харьк. ун-та, 1970. — 164 с.
6. Щеглов А. Н. Вопросы античной археологии в изданиях Харьковского университета // СА. — 1972. — № 1. — С. 298–300. С. 298–299: о работах В. И. Кадеева.
7. Краткие аннотации работ В. И. Кадеева // Byzantinoslavica. — 1970. — Т. 31. — № 1. — С. 134; № 2. — С. 331; 1971. — Т. 32. — № 2. — С. 388; 1972. — Т. 33. — № 2. — С. 312, 316; 1973. — Т. 34. — № 2. — С. 304; 1974. — Т. 35. — № 2. — С. 305.
8. Кругликова И. Т. Проблемы античной археологии // Краткие сообщения Ин-та археологии АН СССР. — 1978. — Вып. 156. — С. 3–11. С. 8: о науч. деятельности В. И. Кадеева.
9. Heinen H. Neue sowjetische Veröffentlichungen zur antiken Sklaverei // Historia. Wiesbaden. — 1979. — Bd. 28. — Heft 1. — S. 125–128. С. 128: о работах В. И. Кадеева.
10. Харьковский государственный университет, 1805–1980: Ист. очерк. — Харьков: Вища шк., 1980. С. 101, 136: о В. И. Кадееве.
11. Шиловецова В. С. Изучение древней истории в Харьковском государственном университете им. А. М. Горького в 1950–1970 гг. // ВДИ. — 1982. — № 1. — С. 213–217.
12. Крыжицкий С. Д. Античность в УССР в 1972–1982 гг. // ВДИ. — 1983. — № 2. — С. 81–94. С. 90–93: о работах В. И. Кадеева.

13. *Археология СССР. Античные государства Северного Причерноморья.* — М.: Наука, 1984. — 392 с. С. 24, 25, 48, 51, 52, 159, 160, 162–165, 167–170, 172–173, 182: о работах В. И. Кадеева.
14. *Кадеев В. И., Журавский Ю. И.* Историческая наука в Харьковском университете (1933–1983)//Вестн. Харьк. ун-та. — 1984. — № 266. — С. 110–119. С. 116, 117: о трудах В. И. Кадеева.
15. *Мещеряков В. Ф.* Яка вона, «Російська Помпея»?//Веч. Харків. — 1982. — 16 берез.
16. *Кузищин В. И., Гвоздева И. А., Горбатовская М. И.* [Рец.] Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Х.: Вища шк., 1981. — 143 с. //Вестн. древн. истории. — 1983. — № 3. — С. 159–164.
17. *Николов Д.* [Рец.] Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Х.: Вища шк., 1981. — 143 с. //Археология. — София. — 1983. — Кн. 3. — С. 73–75.
18. *Мещеряков В. Ф.* [Рец.] Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Х.: Вища шк., 1981. — 143 с. //Сов. археология. — 1984. — № 3. — С. 248–257.
19. *Зубар В. М., Мещеряков В. Ф.* [Рец.] Кадеев В. И. Херсонес Таврический в первых веках нашей эры. — Х.: Вища шк., 1981. — 143 с. //Укр. іст. журн. — 1986. — № 3. — С. 152–153.
20. *Владимир Иванович Кадеев* — профессор Харьковского университета: Библиогр. указ./Сост. В. Д. Прокопова. — Х., 1987. — 15 с.
21. *Böttger V.* [Рец.]/Klio. — 1991. — Bd. 73, 1. — S. 332–338. — Рец. на кн.: Kadejev V. I., Soročan S. B. *Ekonomičeskie svjazi antičnyh gorodov Severnogo Pričernomorja v I v. do n. e.—V v. n. e.* — Charkov, 1989. — 134 s., 38 Abb.
22. *Митряев А. И., Голубкин Ю. А., Лиман С. И.* Медиевистика в Харьковском университете//Вестн. Харьк. ун-та. — 1991. — № 357. — С. 81.
23. *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Мигаль Б. К.* Исторический факультет Харьковского университета. Очерк истории//Вестн. Харьк. ун-та. — № 357. — С. 20, 21, 22.
24. *Зайцев Б. П., Латышева В. А.* Археологический музей Харьковского университета//Вестн. Харьк. ун-та. — 1992. — № 362. — История. Вып. 25. — С. 108–109.
25. *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Куделко С. М.* Материалы к библиографическому словарю преподавателей исторического факультета Харьковского государственного университета (советский период)//Вестн. Харьк. ун-та. — 1992. — № 363. — С. 173–174.

26. *Преподаватели исторического факультета Харьковского госуниверситета (1933–1991). Материалы к библиографическому словарю / Состав. Б. П. Зайцев, С. М. Куделко, С. И. Посохов. — Х., — С. 16, 49.*
27. *Журавский Ю. И., Зайцев Б. П., Куделко С. М., Посохов С. И. Материалы к биобиблиографическому словарю преподавателей исторического факультета Харьковского государственного университета (1933–1992) // Вестн. Харьк. ун-та. — 1993. — № 374. — С. 124.*
28. *Ранюк Ю. Н. Загадки подводного Херсонеса. — Х.: Око, 1996. — 112 с., ил.*
29. *Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского университета. К 20-летию. — Х., 1998. — С. 13–21.*
30. *Мезенцева Г. Дослідники археології України. — Чернігів: Сіверянська думка, 1997. — С. 78–79, рис. 36.*
31. *Михеев В. К. Развитие исторической науки и образования в Харьковском университете: итоги и перспективы // Харківський історіографічний збірник. — 1997. — Вип. 2. — С. 31–33.*
32. *Тарапов И. Е. Харьковский университет. Страницы истории. — Харьков: Фолио, 1997. — С. 11, 18, 64, 67, 182, 244.*
33. *Рибалка І. Така наша доля. Сторінки життя мого покоління. — Харків: Основа, 1999. — С. 163–164, 174–175, 181, 196.*
34. *Дьячков С. В. Реалии повседневной жизни античного Херсонеса. Рец.: Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I–III вв. н. э.). — Х.: АО «Бизнес Информ», 1996 // Древности — 1997–1998. Харьковский историко-археологический ежегодник. — Х.: АО «Бизнес Информ», 1999. — С. 199–205.*
35. *Українські історики ХХ століття. Біобібліографічний довідник. Вип. 2. Ч. 1. — К.; Львів, 2003. — С. 126.*
36. *Кафедра истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина. К 25-летию основания. — Х.: НМЦ «МД», 2003. — С. 17–27.*
37. *Ручинская О. А. [Рец.] // Проблемы истории, филологии, культуры. — М.; Магнитогорск, 2004. — С. 642–644. — Рец. на кн.: Кадеев В. И. Болгарские дневники. — Х.: Медиа-групп, 2000. — 152 с.*
38. *Ручинская О. А. Историческая наука и повседневная жизнь Болгарии глазами харьковского ученого // Болгарский ежегодник. — К., 2004. — Вип. 5. — С. 217–220.*
39. *Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна за 200 років / В. С. Бакіров, В. М. Духопельников, Б. П. Зайцев та ін. — Х.: Фолио, 2004. — С. 445, 475, 522, 558, 646–648: о В. И. Кадееве.*

40. *К 80-летию* Владимира Ивановича Кадеева // Вестник древней истории. — 2007. — № 3. — С. 227–228.
41. *Laurea*. К 80-летию профессора Владимира Ивановича Кадеева. (Сб. науч. трудов). — Х.: Константа, 2007. — 264 с.
42. *Владимиру* Ивановичу Кадееву — 80 лет // Древности 2006–2008. — Х., 2008. — С. 282–284.
43. *Масленников А.А., Дьячков С.В., Мартемьянов А.П.* К 80-летию Владимира Ивановича Кадеева // Российская археология. — 2008. — № 2. — С. 180–182.
44. *Зубарь В. М.* Летопись археологических исследований Херсонеса — Херсона и его округа (1914–2005 гг.). — Т. I. — Т. II // МАИЭТ. — Supplementum. — Вып. 6 — Симферополь, 2009. — С. 144–148, 201, 212–213, 215–217: *о В. И. Кадееве*.
45. *Владимир* Иванович Кадеев — исследователь Херсонеса: Классическая археология Украины / Под ред. С. Дьячкова. — Х.: Раритеты Украины, 2012. — 24 с.
46. *Кадеев* Володимир Іванович // Історики Харківського університету / Відп. ред. С. І. Посохов. — Х.: ХНУ імені В. Н. Каразіна, 2013. — С. 104–107.

ВОСПОМИНАНИЯ О В. И. КАДЕЕВЕ

С. В. Дьячков

В. И. Кадеев: файлы памяти

Из жизни ушел человек — один из немногих, кто во многом определял направление и содержание моего жизненного пути. Большое видится на расстоянии. Быть может, пройдет время, память соберет разорванные ныне впечатления и воспоминания в общую картину, но пока это лишь слабо связанные между собой разрозненные файлы.

Преподаватель. В своей преподавательской жизни я не встречал более дисциплинированного лектора. Владимир Иванович никогда не опаздывал, никогда не заканчивал лекцию раньше звонка, никогда не отбирал у студентов время перерыва. Как и во всем остальном, он был требователен к себе и окружающим. Читал негромко, но в аудитории стояла полная тишина, поэтому всем было хорошо слышно. Он никогда не форсировал голос, не драматизировал изложение, не допускал логических нестыковок. Лекции были глубокими и содержательными, при этом излагались академично, стройно, сухо. В ходе лекции Владимир Иванович не импровизировал, он даже шутил в тех местах изложения, когда это было методически оправдано. Добросовестный конспект таких лекций автоматически превращался в краткий учебник, по которому было очень удобно готовиться к экзамену. Мой конспект кадеевского курса «Истории Древней Греции и Рима» пользовался популярностью и, в конечном итоге, друзья, знакомые и знакомые знакомых затерли его до дыр.

Не помню случая, и никогда не слышал, чтобы В. И. Кадеев кого-либо «валил» на экзамене. Он, как обычно, был сух, требователен и деловит. Экзамен продолжался долго. Оценка выставлялась исключительно за показанные в ходе ответов знания. С теми, кто пытался списать, Владимир Иванович расправлялся решительно и безжалостно, — пересдать потом было очень непросто. Обычно на курсе была дюжина студентов, получавших «неуд» у Владимира Ивановича. Некоторые из них покидали истфак. Тех, кто в академической группе получил заветное «отл.» можно было пересчитать по пальцам одной руки.

Совсем иначе происходило чтение учебных курсов для небольшого круга студентов, специализирующихся на кафедре. Владимир Иванович создавал камерную, доверительную обстановку, был мягче, демократичнее, много шутил, позволял себе интереснейшие «лирические отступления», делился жизненным опытом и т. п. Было очевидно, что от преподавания и общения со студентами он получает огромное удовольствие. Владимир Иванович всегда был новатором, всегда был «в теме». На кафедральных занятиях он часто применял различные виды наглядности (книги, альбомы, иллюстрации, археологические артефакты). Он часто демонстрировал слайды, в том числе и лично изготовленные. Коллекция слайдов В. И. Кадеева вызывала зависть и восхищение у коллег и студентов. Именно во время кафедральных занятий у многих из нас менялось отношение к Владимиру Ивановичу, — робость и настороженность уступали место уважению и, порой, восхищению профессиональными и человеческими качествами заведующего кафедрой и декана.

Декан. Под давлением ректората В. И. Кадеев был избран деканом исторического факультета, но только со второй попытки. Сложившаяся конфликтная ситуация отражала непростую обстановку в отношениях между различными группировками профессорско-преподавательского коллектива истфака. Это чувствовали студенты, а отголоски противостояния были «слышны» даже слушателям рабфака, где я учился в 1977–78 гг. В те времена многие особенности отношений между преподавателями мне были непонятны, а теперь, в третьем тысячелетии, уже неинтересны. По всей видимости, В. И. Кадееву не могли простить отсутствие «гибкости» в принципиальных вопросах жизни факультета. Возможно, что это обстоятельство было одной из причин кадеевской жесткости и сухости в руководстве факультетом.

Одна из осей противостояния, — «Кадеев — Шрамко» — была видна невооруженным глазом. Для нас, первокурсников, Владимир Иванович провел специальную консультацию перед сдачей экзамена по истории первобытного общества. Это был первый экзамен, который мы сдавали в своей студенческой жизни, и сразу — профессору Б. А. Шрамко. Он был прекрасным специалистом и преподавателем. Лекции Б. А. Шрамко входят, безусловно, в «золотой фонд» истфака. Однако Б. А. Шрамко исповедовал и применял в то время непривычный порядок проведения экзамена. Авторитетнейший ученый и профессор работал один на один («глаза в глаза») с «зеленым» студентом на протяжении всего экзамена. Академическая группа заканчивали сдавать экзамен поздно вечером. Списать было невозможно. Ужас, который испытывали некоторые студенты, трудно описать. Декану В. И. Кадееву приходилось

успокаивать и настраивать студентов «на Шрамко». Впрочем, наш экзамен прошел без эксцессов и каждый получил по заслугам.

В годы руководства факультетом В. И. Кадеев значительно поднял престиж и результативность работы студенческого научного общества. Например, активисты СНО в это время получили право пользоваться научным абонементом в ЦНБ и работать в читальном зале № 4 (для преподавателей). Он добивался выдачи отличившимся студентам направлений для работы в научных библиотеках и фондах Москвы, Ленинграда и Киева (что вызывало удивление у местных работников). Более того, активистам СНО выдавали командировочные удостоверения и соответствующее денежное довольствие.

На мой взгляд, жесткость В. И. Кадеева как декана, порой, преувеличивают, путая ее с требовательностью, которая была так ему присуща. Кстати, декан В. И. Кадеев за время работы на этой должности (1978–1982) не отчислил из состава факультета ни одного студента, хотя некоторые того вполне заслуживали.

Научный руководитель. Попастъ в аспирантуру к В. И. Кадееву считалось большой жизненной удачей, поскольку он всегда обеспечивал стопроцентный результат — своевременную защиту диссертации. Научное руководство работой аспиранта В. И. Кадеев осуществлял весьма ответственно и скрупулезно. Составлялся годовой план работы, намечались сроки сдачи экзаменов, подготовки публикаций, обсуждения глав диссертации и т. п. Выполнение плана жестко контролировалось, и, в случае срыва, аспирант получал от руководителя отменный нагоняй. Владимир Иванович не допускал халтуры. Экзамены по специальности комиссия принимала очень требовательно, оценки выставляли принципиально.

Особо хотел бы отметить работу над рукописями аспирантских сочинений. Тексты он внимательно вычитывал «от корки до корки». «Поля» и «подвалы» произведения сопровождал комментариями, многочисленными вопросительными знаками, исправлял грамматические ошибки и стилистические погрешности. Оценка аспирантского опуса осуществлялась в письменной и устной форме. Затем каждая глава и работа в целом обстоятельно обсуждались на заседаниях кафедры. Поэтому диссертационная работа, выполненная под руководством В. И. Кадеева, всегда отличалась высоким научным уровнем и на защите получала достойную оценку. Авторитет проф. В. И. Кадеева позволял привлекать к защите диссертаций уважаемых и признанных в научном мире оппонентов: В. И. Кузищин, Т. В. Блаватская, И. Т. Кругликова и др. Научный руководитель обеспечивал своевременную публикацию статей аспирантов в солидных научных изданиях, что в советские

времена осуществить было крайне непросто. Владимир Иванович всячески поощрял своих учеников и сотрудников кафедры к участию в работе научных конференций и добивался оплаты командировочных расходов. Мне особенно запомнились кафедральные выезды на «Сергеевские чтения» в Москву.

Необходимо, очевидно, отметить, что в отношениях с аспирантами Владимир Иванович всегда «держал дистанцию». Эти отношения оставались преимущественно деловыми. За четыре года моей заочной аспирантуры он лишь один раз обратился ко мне с личной просьбой помочь во время переезда их семьи на новую квартиру. Впрочем, «сухой» и «жесткий» В. И. Кадеев искренне поддержал меня в момент личной семейной утраты.

В. И. Кадеев относился к тому числу научных руководителей, которые оставались наставниками на всю жизнь. Уже после защиты диссертации и перехода на работу в университет наши отношения стали более доверительными. Мы вместе ездили в командировки в Херсонес, участвовали в работе научных конференций в Москве и Симферополе. В качестве отдыха он предпочитал продолжительные пешие прогулки, и я составлял ему компанию. Эти прогулки вдоль моря или по набережной Салгира, по московским или харьковским улочкам были заполнены интересным и содержательным общением, которое вряд ли сотрется в моей памяти.

В экспедиции. Первый раз я попал в Херсонесскую экспедицию только после третьего курса в 1981 г., хотя в раскопках археологических памятников в Харьковской области уже принимал участие. Поначалу я работал под руководством В. М. Зубаря на раскопках склепов Западного некрополя. Но после приезда в Херсонес В. И. Кадеева, меня сразу перевели на раскопки в Портовый район. Начальник экспедиции поручил присматривать за мной В. Ф. Мещерякову, и я быстро сделал полевую «карьеру»: тачка — лопата — кирка. Более того, Владимир Иванович рекомендовал вести дневник раскопок на участке продольной улицы, а Валерий Федорович «проверял» его. По настоянию научного руководителя после обеда я ходил работать в фонды музея и библиотеку, где быстро засыпал.

На раскопе Владимир Иванович всегда появлялся первым, еще до восхода солнца. Он встречал членов экспедиции, проводил инструктаж, давал указания, воспитывал редких опоздавших, а с наступлением жары уходил работать в свой полевой кабинет. На раскопе он четко выдерживал требования техники безопасности: всегда имел головной убор, был в сандалиях (кроссовках), брюках и легкой рубашке. Когда я, будучи уже руководителем участка, во время работы снял футболку, Владимир Иванович потребовал одеться, поскольку руководитель раскопок, по его

мнению, должен отличаться от простых, обнаженных до плавок землекопов. Этого правила я придерживаюсь до сих пор.

В полевых условиях проф. В. И. Кадеев спокойно относился к бытовым неурядицам и вел спартанский образ жизни. Чем занимался В. И. Кадеев в «нерабочее время» оставалось для нас загадкой. Мы ни разу не видели его на пляже или где-либо на территории заповедника с бутылкой пива или стаканом вина. Позднее, когда я приехал на раскопки уже аспирантом, оказалось, что секрет открывался просто: В. И. работал (библиотека, фонды, архивы, кабинет)!

В. И. Кадеев мало интересовался бытовыми условиями, в которых проживали студенты, поскольку этими вопросами занимался, как правило, кто либо из заместителей начальника экспедиции. Непревзойденным до сего дня достижением В. И. Кадеева была оплата труда на раскопе. От руководства музея ему удавалось добиться выплаты студентам жалования землекопа (из расчета 1 рубль 50 коп. в день). По тем временам это были большие деньги, на которые действительно можно было прокормиться.

Организатор ХИАО. Будучи консерватором по натуре, Владимир Иванович всегда старался освоить и применять все новое, что казалось ему полезным и нужным для работы. Он одним из первых на факультете понял достоинства компьютера, был горячим сторонником компьютеризации учебной и научной работы. На своем компьютере он работал до тех пор, пока позволяло зрение.

В начале 90-х годов украинская наука и высшее образование переживали весьма тяжелые времена. Нищета и безысходность угнетали. В. И. Кадеев предложил создать общественную организацию, которая бы не зависела от казенного финансирования и могла развиваться на энтузиазме и помощи спонсоров. Эта предложение изрядно критиковали. Например, проф. В. К. Михеев считал, что научные общества изжили себя еще в XIX в. Тем не менее, идея создания Харьковского историко-археологического общества при активной поддержке В. Ф. Мещерякова была реализована 1 марта 1995 г. в ходе учредительной научной конференции. Более десяти лет В. И. Кадеев был бессменным сопредседателем ХИАО, обязанности главного редактора ежегодника «Древности» он выполнял до 2010 г. Во многом благодаря его усилиям и авторитету, харьковские научные историко-археологические конференции проводились регулярно и получили статус международных. Журнал «Древности» признан в государственных структурах, научных и общественных кругах Украины и за ее пределами.

Владимиру Ивановичу удалось собрать коллектив единомышленников, который вплоть до сего дня продолжает бескорыстно отдавать свои силы, время и способности служению общему делу.

В 2000 г. меня назначили директором университетского лицея. Административно-хозяйственные и бюрократические хлопоты отнимали много времени, нервов и сил. Возможность общения с учителем сократилась до формальных заседаний кафедры, правления общества и других мероприятий. После выхода В. И. Кадеева на пенсию наши встречи стали еще более редкими и непродолжительными. Казалось, что вот-вот придет время, появится возможность рассказать, обсудить, навестать. Очень горько теперь жалею об этом...

Е. А. Молев

Владимир Иванович Кадеев в моей жизни

Судьба свела меня с Владимиром Ивановичем в 1979 г., когда я, после защиты кандидатской диссертации, был приглашен на работу на только открывшийся в Белгородском пединституте исторический факультет. К тому времени я уже знал о Владимире Ивановиче от коллег и был знаком с некоторыми из сотрудников его кафедры в Харьковском университете, прежде всего, с Валерией Александровной Латышевой. В Белгородском пединституте, как выяснилось в первые же дни моего пребывания в Белгороде, не было практически ничего для нормальной организации учебного процесса: ни научной, ни методической литературы, ни наглядных пособий. Не оказалось ничего этого и в областной библиотеке. Вот тут-то я и вспомнил, что рядом с Белгородом есть старинный классический университет, где точно есть все. И направился в Харьков.

На мое счастье я в первый же приезд встретился и познакомился с Владимиром Ивановичем, который, узнав, что я археолог, принял меня запросто, без всяких церемоний. И как только я сказал ему о своих бедах, он тут же стал доставать книги, в том числе и кафедральные издания, которые были на кафедре в нескольких экземплярах, методические рекомендации. Он дал несколько советов, как лучше читать лекции, какие темы лучше вынести на семинарские занятия, как использовать имеющиеся у меня фрагменты античной керамики и т. д. Я был не просто обрадован, я был буквально счастлив, что встретил к себе, почти незнакомому для Владимира Ивановича человеку, столь доброе отношение. С тех пор и в течение всех 14 лет моей работы в Белгороде я регулярно бывал на кафедре, познакомился со всеми ее сотрудниками, принимал участие в конференциях, сборниках статей, консультировал студентов, когда возникала такая необходимость, получал отзывы на работы моих учеников.

Когда дошло дело до ведения спецкурсов, Владимир Иванович посоветовал мне взять тему «История античных городов и племен Северного

Причерноморья», мотивируя это тем, что я этот материал достаточно хорошо знаю и смогу привести студентами примеры, в том числе и из собственной практики. А когда было подготовлено по этой теме первое мое учебное пособие, он взялся его отредактировать, и сделал столько ценных замечаний, как в научном плане, так и по методике, что я еще полгода дорабатывал и перерабатывал свой текст, снова и снова согласовывая его с Владимиром Ивановичем.

Когда у нас в институте была открыта кафедра всеобщей истории, а я был избран ее заведующим, Владимир Иванович поделился со мной опытом руководства кафедрой, строго-настроено предупредив, что кафедра — главная ячейка учебного и научного процесса, а потому здесь особенно важен характер межличностных отношений в коллективе. Он подсказал мне, как я должен вести себя по отношению к коллегам, как избежать конфликтных ситуаций в коллективе, как ставить задачи и добиваться их исполнения и многое другое. И не раз в трудных случаях, когда я не мог сам найти решения проблемы, я обращался за советом к Владимиру Ивановичу, и всегда оказывалось, что не было лучшего решения, чем то, которое предлагал мне он.

После моего отъезда в Нижний Новгород наши контакты стали реже, но они никогда не прерывались. Я по-прежнему принимал участие в конференциях, организуемых кафедрой Владимира Ивановича, оппонировал диссертации его учеников (и уже учеников его учеников), писал статьи в сборники. Наши встречи всегда были радостны и полезны для меня. Я не раз обращался к Владимиру Ивановичу по тому или иному вопросу и всегда получал доброжелательный и умный совет.

Я и сейчас, когда, казалось бы, сам стал достаточно опытным преподавателем и руководителем, вспоминаю его советы и мысленно представляю, что бы посоветовал в этом конкретном случае Владимир Иванович. А это значит, для меня он жив и останется живым до тех пор, пока жив я сам и живы мои ученики, которым я передаю свои знания, полученные от моих учителей, среди которых важную роль в становлении меня как преподавателя и заведующего кафедрой сыграл Владимир Иванович Кадеев.

Стела Монева

*Профессор Владимир Иванович Кадеев —
мой учитель и наставник
в истории древнего мира*

Ушел из жизни профессор Владимир Иванович Кадеев — видный историк, археолог, прекрасный преподаватель. Казалось бы, нами, историками, это должно восприниматься как печальный, но, увы, неизбежный исход жизненного цикла. Однако весть о его кончине и сейчас кажется мне нереальной — так привычно было долгие годы ощущать его всегда доброжелательную поддержку, знать, что могу в любое время послать Владимиру Ивановичу письмо с вопросами или просьбой, традиционные наши мартенички или поздравления с Новым годом. Сейчас же, как это ни грустно, остается только осознать, что мы должны смириться с той пустотой, которая образуется всегда, когда нас покидает по-настоящему уважаемый и близкий человек.

Обычно в таких случаях принято говорить о заслугах человека, но, думаю, об этом лучше скажут коллеги, которые многие годы работали вместе с профессором Кадеевым. Мне же вспоминаются прежде всего наши с Владимиром Ивановичем встречи.

Мне посчастливилось общаться с глубокоуважаемым профессором Кадеевым долгие годы. Первые такие встречи состоялись на его лекциях в студенческой аудитории в далекие 1973–1974 гг., когда я поступила учиться на исторический факультет Харьковского государственного университета. С благодарностью могу сказать, что в студенческие годы у меня была возможность слушать многих чудесных харьковских лекторов, но немногих из них я помню так ярко, как профессора Кадеева. Как преподаватель он обладал редкими качествами. Это был *Учитель* в самом высоком смысле этого слова. Владимир Иванович был чужд каких бы то ни было авторитарных доктрин, он стремился обучать нас в духе доверия к человеку, его силам и разуму. В то же время, его собственное поведение, одновременно

и строгое и доброжелательное, всегда внушало мне уважение. Совершенно особая манера одеваться и вести себя выделяли его среди остальных преподавателей. Владимир Иванович был всегда внимательным, доброжелательным и при этом нередко «официальным», сдержанным. В нем сочетались непоколебимое чувство собственного достоинства и настоящий академизм — таким я воспринимала профессора Кадеева и в студенческие, и во все последующие годы.

Всю полноту наших взаимоотношений и моей признательности Владимиру Ивановичу выразить, наверное, невозможно, но на одном моменте хотелось бы остановиться особо. Как-то, приехав в очередной раз в Харьков, я поделилась в разговоре своими впечатлениями о монографии проф. В. П. Бузескула «История афинской демократии» и рассказала, что связанная с классическими Афинами проблематика все более и более увлекает меня. Владимира Ивановича это очень заинтересовало, он долго и обстоятельно расспрашивал меня о дальнейших планах, уже тогда помог многими ценными советами, что, по сути, и определило основное направление всей моей дальнейшей научной работы. Так и получилось, что именно одобрение профессора Кадеева оказалось для меня тогда важнейшим стимулом при выборе ключевой тематики будущих исследований.

Прошло время и, благодаря Договору о научном сотрудничестве между нашими двумя университетами, я поступила в заочную докторантуру на кафедру истории древнего мира и средних веков Харьковского университета. Тема кандидатской диссертации была, конечно же, посвящена классическим Афинам, а научным руководителем стал проф. Владимир Иванович Кадеев. Так Владимир Иванович оказался не только моим *Учителем* и *Преподавателем*, но и *Руководителем* в написании докторского труда. Во время наших творческих встреч и разговоров профессор Кадеев делал конструктивные замечания, в нескольких словах умел указать верное направление дальнейшей работы. Его настойчивая выскательность, отличное чутье исторического анализа, синтеза, его научный стиль были для меня той опорой, благодаря которой я чувствовала себя уверенной до самого успешного окончания докторантуры.

Спустя десять лет монография проф. В. П. Бузескула по инициативе Владимира Ивановича была переиздана (*Идеал свободы и равноправия. История Афинской демократии*. Харьков, 2004), и он, помня о моем увлечении, позаботился, чтобы я при первом же удобном случае получила эту книгу. Более того, Владимир Иванович предоставил мне возможность посетить дом и сад, где жил и работал проф. Бузескул, что стало для меня

очень приятным событием, о котором я с удовольствием вспоминаю до сих пор. Вот так Владимир Иванович поддерживал и поощрял своих учеников, заботился о них. Не раз на своем научном и академическом пути во время обсуждений результатов моей научной работы мне приходилось услышать, что я принадлежу к «школе профессора Кадеева», и это отмечалось как «знак качества» этой школы, хорошо известной и в научных кругах Болгарии.

Нельзя не упомянуть, что профессор Кадеев много раз бывал в моей солнечной Болгарии, которая ему очень нравилась. С огромным профессиональным интересом он посещал раскопки античных городов: Сердики, Филиппополя, Диоклетианополя, Августы Траяна, Пауталии, Одессоса, Рациарии, Бононии, Нове, Никополя на Истре и др. У Владимира Ивановича были прекрасные отношения со многими болгарскими историками и археологами. Он очень дорожил этими связями с болгарскими учеными, в том числе и с коллегами из Великотырновского университета. Во время последнего посещения Болгарии в 1990 г. профессор Кадеев побывал в нашем Университете. Состоялись многие профессиональные разговоры, встречи с коллегами, работа в библиотеках, частные визиты, и все это время, в какой бы обстановке он не оказывался, Владимир Иванович проявлял свое изысканное, сдержанное поведение, свой неизменный академизм, которым я всегда так восхищалась.

Сейчас же нам остается утешать себя тем, что за свою долгую жизнь Владимир Иванович Кадеев сумел сделать очень многое — «*Verba volant, scripta manet*».

И в завершение я позволю себе написать: «Спи спокойно своим вечным сном, мой дорогой Учитель!»

З. Х. Попандоуло

Вспоминая Владимира Ивановича Кадеева

1967/1968 учебный год, первый курс, второе полугодие, в аудиторию входит стройный, строго одетый мужчина. Представляется — «Кадеев Владимир Иванович, буду читать курс истории древней Греции и Рима». Негромкий голос с ироничными интонациями, иногда язвительный, когда аудитория на неожиданный вопрос по пройденному материалу замирала, и студенты прятали глаза. Таким он мне и запомнился.

Так уж получилось, что мне не довелось работать в археологической экспедиции с Владимиром Ивановичем Кадеевым. Я числилась во второй группе, которая должна была ехать на раскопки салтовского могильника на Северском Донце. Мои попытки уговорить В. К. Михеева отпустить меня в Херсонес не увенчались успехом. Хотя некоторые из моих сокурсников успешно обменивались экспедициями. Потом я увлеклась историей Скифии и каждый сезон выезжала с Б. А. Шрамко на Бельское городище.

Весной 1970 года по соглашению между Харьковским и Познаньским университетами должен был состояться обмен студентами исторического факультета для ознакомления с учебным процессом в обоих вузах. Была сформирована группа из восьми студентов, костяк которой, пять студентов, составил наш, тогда еще третий курс. Руководителем был назначен Владимир Иванович Кадеев. Он и поручил мне собрать и подготовить все документы на поездку, а также утрясти с преподавателями дни досрочной сдачи экзаменов. И когда накануне отъезда группы я пошла за документами в ОВИР, вдруг выяснилось, что мне разрешение не выдано. Мотивировалось это тем, что в моем паспорте стоял штамп «продлен», а нужно было получить новый документ. Вины моей в этом не было, поскольку, когда он был сдан на обмен, мне сказали, что новых бланков нет, и вполне законно его продлили на год. Для меня это стало шоком. Столько усилий и... Владимир Иванович посмотрев на мое растерянное лицо, сказал, что все можно успеть сделать. Были подключены студенты-зочники, работавшие

в паспортном столе, в аэропорту, в обкоме комсомола, в милиции. И для меня произошло чудо. За один день я получила новый паспорт, разрешение на выезд, и на самолете догнала группу в Киеве. Сама поездка в Польшу оставила неизгладимые впечатления. В группе было только два археолога, и мы в Познани посещали все места археологических раскопок. Запомнилась мне и вечеринка выпускников кафедры археологии, на которую нас пригласили. За столом сидели 10 молодых польских археологов, два преподавателя и мы с Владимиром Ивановичем. На столе стояла целая батарея из бутылок водки и два блюда с маленькими бутербродами-канапе. Кадеев наклонился ко мне и спросил: «И это вся закуска?» И тут один из студентов, обращаясь к нам, сказал, что среди славянских народов умением пить и не пьянеть славятся поляки. Это был фактически вызов в наш адрес. Владимир Иванович вежливо улыбнулся и сказал, что они еще не знают, как умеют пить русские и украинцы. А поскольку коллега (то есть, я) еще студентка и к тому же «кавказского происхождения», то водку не употребляет. Мне поставили бокал для воды, куда я периодически, незаметно сливала водку из стопки Владимира Ивановича, и беззастенчиво таскала с блюд бутербродики для него. В итоге, в конце вечеринки, мы единственные чинно поднялись и ушли восвояси.

Удивительно, но именно Владимир Иванович принял участие и в моей последующей судьбе. После окончания университета, я по направлению должна была поехать работать в школу в г. Купянск. Но по приезду выяснилось, что я им не нужна, дескать, они заявку на историка не подавали. Я вернулась в университет и первый человек, который мне встретился, оказался В. И. Кадеев. Он спросил меня, где я буду работать, и, узнав, что в моих услугах по месту распределения не нуждаются, сказал, что что-нибудь придумает, и велел прийти на следующий день. Какова была моя радость, когда он сообщил, что в университете открывается новый музей, и мы идем на встречу с его директором В. И. Астаховой, которая согласна взять меня в сотрудники. Но через день, расстроенная Валентина Илларионовна сообщила Владимиру Ивановичу, что не может меня взять на работу, поскольку я не член партии. После этого В. И. Кадеев повел меня на прием к проректору, которому объяснил ситуацию, случившуюся со мной. Проректор, посмотрев какие-то бумаги, предложил мне поехать в Изюм. Когда мы вышли от него, Владимир Иванович произнес удивившую меня фразу: «Какие мы с вами Зоя, дураки! Не надо было спешить. Нужно было взять в Купянске открепительный талон и спокойно искать работу в Харькове».

Каждый мой приезд в Харьков, то ли на встречу с однокурсниками, то ли на конференцию, не обходился без встречи с Владимиром Ивановичем. Он всегда живо интересовался моими планами, статьями, раскопками. Последний раз мы увиделись осенью 2012 г. на открытии очередной конференции ХИАО, а через некоторое время пришло печальное сообщение о его кончине.

Уходят наши учителя, их остается все меньше. И с ними уходит целая эпоха, связанная с нашими лучшими студенческими годами, с нашей жизнью. Светлая память о Владимире Ивановиче Кадееве навсегда останется в моем сердце.

С. И. Посохов

*Кredo жизни проф. Кадеева:
«я требователен к другим, ну а к себе тем более...»*

Фразу, которая вынесена в название, я услышал от В. И. Кадеева в своем кабинете уж не помню по какому поводу. Но уже в ней — кredo его жизни.

С Владимиром Ивановичем я познакомился, когда учился на 1-м курсе. Да, именно так, познакомился. Это было весной 1982 г. Конечно, декана мы увидели и услышали еще в сентябре 1981 г., но знакомство состоялось позже. Дело в том, что как раз в начале моего студенчества начали проводить так называемые аттестации (то, что сегодня именуют «модулями»), т. е. к определенному сроку преподаватель должен был выставить «этапные» оценки, либо обозначить «0», что означало наличие проблем и последующее разбирательство. Дабы избежать такового, практиковались «отработки» не только пропущенных семинаров, но и лекций. В апреле 1982 г. я угодил в больницу с воспалением аппендицита и, в силу не очень удачной операции и последующего лечения, пробыл там дольше обычного. Не знаю, как так получилось, но лежал я в больнице с книгой в руках «История Древнего Рима». Черная обложка и мой интерес к книге даже привлекли внимание врача, и он попросил ее у меня (потом я вынужден был несколько раз ездить к нему, чтобы забрать эту библиотечную книгу, которую врач, очевидно, уже посчитал своей). Но дело не в этом. Вернувшись в университет, я стал ходить к В. И. Кадееву, чтобы сдать пропущенные лекции. Не могу сказать, что это были какие-то особенные беседы, но, очевидно, Владимир Иванович заметил меня. Отношение было ровным, но периодически я наблюдал на его лице улыбку, которая выражала удовлетворение. Может быть именно тогда у меня сформировалось совершенно иное (по сравнению с моими однокурсниками) отношение к Кадееву. Его страшно боялись. Именно боялись. Я помню, как жившие в общежитии, решая свои житейские проблемы, ждали, когда В. И. выйдет из кабинета декана, чтобы забежать к доброжелательному и веселому зам. декана М. З. Бердуге. А вот мне этот панический страх перед Кадеевым был непонятен. Начиная свою лекцию

В. И. очень тихо, и уже через минуту все замолкало, все с трепетом смотрели на него. У меня, повторяю, не возникло такого ощущения. На экзамене я был в первой пятерке отвечающих. Дело в том, что на первом-втором курсах студенты боялись идти первыми и ждали «вестей с фронта», чтобы понимать, как можно вести себя (есть ли возможность списать, пользоваться шпаргалками, подсказками). Позже, освоившись и посчитав, что первым всегда ставят пятерки, даже возникла конкуренция в среде желающих попасть в первую пятерку (дабы ослабить такого рода конкурентную борьбу, я стал приходить к концу экзамена). Тогда на экзамене по истории древнего мира я единственный в группе получил пятерку и до сих пор горжусь этим. Хотя, как сейчас, помню свою грубую ошибку: Аквитанию назвал «Аквидакией». И вновь на экзамене я увидел доброе и благожелательное отношение к себе. Я не уверен, что сам В. И. потом меня выделял среди других студентов, но называю это «первым знакомством».

«Второе знакомство» произошло во время выборов декана в декабре 1997 г. и несколько позже. Хотя на факультет я пришел в качестве преподавателя в 1990 г. и был достаточно активен, чтобы быть замеченным, но личных встреч и разговоров с В. И. Кадеевым на этом этапе я не припомню. Возможно, мои выступления на Ученом совете о двухступенчатой системе или потом в качестве зам. декана по учебной работе (с 1995 г.) и были как-то отмечены В. И., но об этом я не знаю. Тем более странной была для меня поддержка на выборах со стороны Владимира Ивановича. Теперь я могу предположить, что свою роль в этом сыграли Б. К. Мигаль и Б. П. Зайцев. Я считал и считаю себя учеником Ю. И. Журавского, неоднократно говорил и писал об этом после его смерти, а Юрий Иосифович был несомненным авторитетом и другом для названных моих коллег. Учитывая дружеские отношения Мигалья, Зайцева и Кадеева, которые были однокурсниками, логично предположить, что они обсуждали между собой ситуацию, которая сложилась на факультете. К слову, с Б. П. Зайцевым у меня на то время уже было несколько совместных публикаций и вообще мы общались достаточно тесно. Так вот, уже после моего избрания, Владимир Иванович приходил ко мне в кабинет, и мы имели долгие разговоры о проблемах и перспективах развития факультета. Это было очень важно для меня, я ощущал серьезную поддержку реальной силы. Но, наряду с этим, я имел возможность обсуждать стратегические цели и ход тактических действий. Могу сказать, что это был разговор единомышленников. Более того, это был равноправный разговор. В. И. никогда не давал указаний, не занимался менторством. Это было заинтересованное обсуждение действительно актуальных тем. Помню,

например, как убеждал меня В. И. заняться компьютеризацией и стажировками. Я и сам понимал важность таких направлений деятельности, но услышать об этом из уст старшего коллеги, да и еще и такого авторитетного, значит добавить энергии для воплощения задуманного. Удивительно, но меня и сегодня не покидает ощущение того, что у нас с Владимиром Ивановичем продолжался разговор в стиле апрельских встреч 1982 г.: доброжелательно, иногда с улыбкой, но по-деловому. В то же время, следует заметить, что речь идет о частных разговорах. В «публичном пространстве» (а чаще на заседании Ученого совета) наши мнения могли и расходиться. Помню как мы спорили о порядке написания студентами курсовых работ (В. И. отстаивал старый принцип написания поочередно по кафедрам, а я — право свободного выбора кафедры). Но, что важно отметить, спор не перерастал в конфликт. Я переживал о случившемся и поначалу полагал, что теперь наши отношения испортятся, однако позже понял, что тут нет прямой зависимости. На следующий день после «тяжелого разговора» наше общение продолжалось как обычно, но без комментирования прошедшего. Впрочем, были и свои «кордоны». Так, например, я в полной мере осознавал решимость Кадеева отстаивать интересы своей кафедры по любому поводу. Вообще, у Владимира Ивановича было обостренное чувство «своего». Замечу — не собственности, а границ ответственности. То, что определялось им как «своя территория», он готов был отстаивать любой ценой. Мне кажется, что в этом случае он готов был даже пожертвовать справедливостью, хотя стремление во всем поступать справедливо (как он себе, конечно, видел эту справедливость в том или ином случае) было одним из очевидных его качеств. Причем в этом случае он мог позволить себе и резкость тона, и категоричность. Но никто не сможет упрекнуть Кадеева в том, что он не был патриотом факультета. Более того, в значительной степени именно он поддержал и развил традицию внимательного отношения к факультетскому наследству. И сегодня я смотрю на «бойцовские качества» проф. Кадеева как на хорошее наследство, доставшееся всем нам.

Как мне видится теперь, В. И. не очень любил «полутонов», а стремился на любой вопрос дать ясный и односложный ответ. Его четкая логика и стремление «навести резкость» придавали его суждениям несколько суховатый оттенок, что позволяло некоторым коллегам критиковать «кадеевский стиль». Тем не менее, о Кадееве продолжают вспоминать и будут вспоминать еще очень долго. И это не случайно. Он был личностью. Конечно, прежде всего, упоминают его требовательность. Именно она сформировала его образ. Безусловно, каждая медаль имеет свою обратную сторону.

Кто-то считал и считает себя обиженным Кадеевым, кто-то даже говорит о его предвзятости. Но никто не скажет, что Кадеев пресмыкался перед сильными мира сего, что его можно было каким-то образом подкупить, что он был нечестен. Следует признать, что именно этот стиль не позволял вокруг него и рядом с ним «ловить рыбку в мутной воде». Скажу честно, был в моей жизни момент, когда я подумал: именно потому, что Кадеев был деканом, я в свое время стал студентом...

Важно отметить, что Владимир Иванович не стоял как застывший монумент, но старался соответствовать требованиям жизни. Будучи в преклонном возрасте, он с интересом начал осваивать компьютер, радовался тому, что у него появился мобильный телефон. Но он стремился не отставать и в науке. Помню, как на кандидатском экзамене по археологии он со знанием дела рассказал незадачливому соискателю о современных естественнонаучных методах в археологии. И еще эпизод. На праздновании 75-летнего юбилея он легко подошел к бильярдному столу и выиграл партию!

В. И. Кадеев с ясным пониманием задач и своих возможностей относился к «своему делу». Когда стал плохо слышать, он сам отказался читать общий курс по истории Древней Греции и Рима, хотя можно только представить сколько усилий стоило ему такое решение. Известно, что в период «разбирательства дела Кадеева» в начале 1980-х, когда приехала высокая комиссия, он отказался прийти на ее заседание, поскольку в это время по расписанию у него была лекция. Опоздать, тем более без достаточно уважительной причины пропустить лекцию или «перепоручить» чтение ее кому-то, для него было немыслимо. Он постоянно требовал увеличить количество часов, выделяемое на эту дисциплину. Но когда слух ухудшился, он пришел и сказал, что «не хочет быть посмешищем в глазах студентов», поскольку в большой аудитории не слышит реплик и вопросов. Однако он с увлечением взялся читать спецкурс «античная археология» для небольшой группы студентов-археологов. Несмотря на мои опасения, что кадеевская требовательность «разгромит» специальность, этого не произошло. Студенты, конечно «опасаясь», все ходили к нему на лекции, но конфликтов не было, как и отчислений из-за задолженностей по данному спецкурсу. Оставив заведование кафедрой, а затем и университет, Владимир Иванович очень переживал о судьбе кафедры, факультета, университета. Кафедру он вообще считал своим детищем, но все же не позволял себе вмешиваться в ход дел, будучи «за штатом». Конечно, он не оставался безучастным, он ждал звонка от коллег и с жадностью расспрашивал о происходящем, огорчался, услышав о неудачах или проблемах. Я помню его фразу: «Я всегда

с радостью шел на работу». Он сказал ее так, что стало понятно, передо мною человек, который нашел свой путь и может об этом сказать всем. Для него университет, археология, преподавание были теми смыслами, которые когда-то формировали понятие «университетское служение». К слову, В. И. Кадеев несколько лет руководил научно-исследовательской темой по истории Харьковского университета и его заинтересованное отношение демонстрировало эту связь времен. Действительно, в значительной мере сам Владимир Иванович, своею деятельностью и своими принципами, поддерживал университетскую традицию, став в один ряд с теми учеными, которые собственно и олицетворяют собою университет.

Новый прилив творческих сил стал наблюдаться у В. И. Кадеева, когда он принял решение написать свои воспоминания. Следует сказать, что я неоднократно предлагал ему написать мемуары, но каждый раз он отказывался. И вот однажды я узнал, что «процесс пошел». Зрение не позволяло работать за компьютером, но на помощь пришел диктофон. В конце жизни Владимиру Ивановичу хотелось поделиться своими воспоминаниями, он подводил итог... Несколько раз с А. П. Мартемьяновым я заходил к нему в гости и по ходу разговора понимал, какая часть жизни теперь «находится в работе». Владимир Иванович успел завершить свои воспоминания буквально за несколько дней до смерти. В этом было что-то поистине «кадеевское» — все доводить до конца...

О. А. Ручинская

**Владимир Иванович Кадеев:
памяти Учителя**

25 ноября 2012 г. на 86 году завершил свой жизненный путь профессор Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина Владимир Иванович Кадеев (8.06.1927–25.11.2012). Сказать, что это был выдающийся историк, археолог, антиковед, означает не сказать ничего. И чем дальше уходит в прошлое день его кончины, тем больше ощущается масштаб потери. Для меня лично это особенно тяжело, поскольку Владимир Иванович был поистине моим Отцом в науке.

Владимир Иванович Кадеев принадлежал к такому типу историков, у которых возникающие в результате исследования картины прошлого были связанными внутренним единством. Он весьма чтит факты, прошедшие через критическое рассмотрение, точнее, не отдельные факты, а, скорее, систему фактов, объединенных вокруг определенного вопроса или проблемы. Он был ученым высшего порядка, и за его внешней строгостью, а, порой, даже жесткостью, был четко виден непрерывный поток творческой работы исследователя. Исследователя, который постоянно делал собственные внутренние открытия и был навсегда захвачен бесконечным процессом постижения человеческой истории, увиденной через призму античного Северного Причерноморья. Владимир Иванович бесконечно оттачивал и проверял собственные знания, изучая античные источники, археологические реалии, уточняя лингвистические данные и, детально анализируя колоссальное количество научных исследований.

Ему были характерны огромная сила воли, сила характера. Владимир Иванович был Учителем с большой буквы. Как здесь не вспомнить древнекитайское изречение о том, что слабые ученики пользуются авторитетом учителя, средние — надеются на его доброту, а сильные растут еще более сильными под влиянием воли учителя. Владимир Иванович подготовил целую плеяду учеников. Наверное, мало кто из них может сказать, что

В. И. Кадеев был добр к ним. Однако это придало им жизненную стойкость, дало толчок творческому потенциалу и умению противостоять сложным жизненным коллизиям, в том числе, и в научном мире. Я вспоминаю рассказ профессора В. И. Кадеева о том, что после защиты его докторской диссертации основоположник античной истории в СССР профессор Владимир Дмитриевич Блаватский предлагал Владимиру Ивановичу остаться в Москве, но он отказался. И аргументировал свой отказ тем, что в сугубо научных институтах очень сложные взаимоотношения между коллегами, а в вузах преподаватели имеют возможность общаться еще и со студентами и, таким образом, выражать свой творческий потенциал.

Мое знакомство с профессором Владимиром Ивановичем Кадеевым произошло в 1987 г., когда я поступила на первый курс истфака ХГУ имени А. М. Горького. Практически сразу стало понятно, что это не просто выдающийся ученый, Педагог с большой буквы, но именно тот человек, который может многому научить в жизни, например, особому отношению к книгам, умению ставить правильные жизненные цели и достигать их, строить семейные отношения, четко придерживаться определенных моральных ценностей. Я и сейчас часто сопоставляю, как бы отнесся к определенной ситуации Владимир Иванович. Будучи его аспиранткой, а затем, начав свою педагогическую деятельность на кафедре, я имел возможность говорить с ним о современной науке и жизни в целом. Однако даже при самом задушевном общении он не раскрывался до конца. Мне повезло говорить с ним о многих вещах личного характера лишь перед его 80-летним юбилеем, в период подготовки статьи в честь трех знаменитых истфаковцев, одногодках — Борисе Кирилловиче Мигале, Владимире Ивановиче Кадееве и Борисе Петровиче Зайцеве.

Владимир Иванович открылся для меня с другой стороны, не как ученый, авторитет и идеал, а как чрезвычайно интересный человек с богатым внутренним миром и очень интересной судьбой. Меня поразило, как он умел преодолевать трудности, которых было немало в его судьбе. Для него всегда очень важное значение имела семья. Владимир Иванович рассказывал, какое колоссальное влияние оказала на формирование его личности мама — Зоя Самойловна. Она имела лишь начальное образование, но была от природы очень мудрым человеком, с трепетным отношением к знаниям. Мама хотела, чтобы он учился, прививала аккуратность. В более позднее время полностью приняла его уход с хорошо оплачиваемой работы в конструкторском бюро завода им. В. А. Малышева и поступление на исторический факультет Харьковского университета. Она всегда поощряла его стремление получить высшее образование.

Со своей женой — Эмилией Михайловной Владимир Иванович познакомился в археологической экспедиции Б. А. Шрамко в селе Караван в 1953 г. Эмилия Михайловна была на курс младше и по возрасту на 5 лет моложе своего будущего мужа. Однако у них были общие интересы и со временем они хорошо узнали друг друга. Владимир Иванович рассказывал, как он ночами провожал ее на Журавлевку, стараясь не разбудить родителей, но бабушка всегда поджидала их и очень ругалась. Меня поразило, с какой искренностью, теплотой и любовью говорил Владимир Иванович о своей супруге, которой к моменту нашего интервью уже не было в живых. Эмилия Михайловна по словам Владимира Ивановича, была человеком решительным, старательным, влюбленным в свою профессию, во многом максималисткой. Она была остра на язык, отказывала своим ухажерам. И даже во время свадьбы с Владимиром Ивановичем фотограф сказал, что они вместе долго не проживут. Но судьба распорядилась иначе. В 1954 г. они поженились и с разницей в три года в семье появились две дочери, которые всегда были в сердце и мыслях Владимира Ивановича. Вместе с супругой они прожили 41 год, с 1954 по 1995 гг., вплоть до смерти Эмилией Михайловны.

Владимир Иванович очень трепетно относился к работе преподавателя университета. Он подчеркивал, что педагог — это образец для студентов во всем, в научной деятельности, во внешности, в личной жизни. Сам он всегда был подтянутым, стройным, очень аккуратно одетым. Интересно, что в молодости Владимир Иванович активно занимался спортом. В техникуме посещал секцию спортивной гимнастики, ездил в Ленинград на соревнования. Два раза — в 1946 и 1947 гг. был участником физкультурного парада в Москве. В 1949 г. закончил занятия гимнастикой и увлекся стрельбой из малокалиберного и боевого оружия. Был инструктором стрелкового спорта и лучшим стрелком завода им. В. А. Малышева.

Владимир Иванович высоко ценил такое понятие как дружба. Он сумел пронести практически через всю жизнь дружбу со своими однокурсниками Борисом Кирилловичем Мигалем и Борисом Петровичем Зайцевым. На похоронах Владимира Ивановича присутствовал друг его детства, с которым он постоянно поддерживал отношения. Вообще Владимир Иванович очень ценил и глубоко чувствовал честных, искренних, трудолюбивых и глубоко преданных своему делу людей, каким был и он сам. Исторические исследования были для него источником радости. Он был человеком воли и не позволял событиям управлять собою. В сложное советское время он никогда не занимался доношением, хотя сам часто от этого страдал, в основном из-за своей принципиальности.

Я всегда считала, что по нему можно сверять свои собственные поступки, проверять, что — хорошо, а что — плохо. Во многом, как мне кажется, его представления о жизни с точностью соответствовали канонам классического эллинского искусства — все линии отточены, выверены. Он ожидал подобного отношения к жизни и от других людей, коллег, студентов. Он ставил «высокую планку» как для себя, так и для окружающих. Те же, кто не дотягивали до нее, нещадно ругали Владимира Ивановича, называли его чрезмерно требовательным, несправедливым. Зато многие поколения талантливых студентов степень своей компетентности отражали, полученными на экзамене В. И. Кадеева пятерками.

Жизнь, отданная познанию, по словам Аристотеля, это идеальная форма человеческого существования, и это жизнь моего Учителя — Владимира Ивановича Кадеева.

И. П. Сергеев

С благодарностью и грустью

Все, что в моей жизни было связано с В. И. Кадеевым, я вспоминаю с чувствами благодарности и грусти. С грустью потому, что это прошло и не вернется, с благодарностью, поскольку в моей судьбе Владимир Иванович сыграл очень большую положительную роль.

Впервые наши «линии судьбы» пересеклись в 1968 г., когда я был первокурсником истфака. Тогда, как и сейчас, курс истории Древней Греции и Древнего Рима, читавшийся Владимиром Ивановичем, студенты первого курса слушали во втором семестре. Однако Кадеев предстал перед нашим курсом еще в первом семестре. Я хорошо помню, что именно он очень обстоятельно объяснил всему нашему курсу, что такое курсовая работа и как ее нужно писать. Возможно, он заменял кого-то из преподавателей, читавших нам лекции в первом семестре, или специально информировал нас о курсовой работе по поручению деканата. Владимир Иванович сразу же произвел на меня глубокое впечатление. На фоне лекторов, которых мы к тому времени уже слушали, он выглядел весьма молодым, стройным (при невысоком росте), весьма убедительно обосновал нам важность курсовой работы и растолковал, как ее писать.

Для себя я выбрал одну из тем курсовых работ, которые были предложены Владимиром Ивановичем, — о реформаторской деятельности римского царя Сервия Туллия. Весной я вовремя представил курсовую работу. На мой взгляд, защищался я не плохо, но получил «4».

Во втором семестре мы слушали лекции Владимира Ивановича. Честно признаюсь, что как лектор большого впечатления на меня он не произвел. На фоне, например, лекций Б. А. Шрамко, его лекции казались слишком сухими. Возможно, здесь сказывался характер Владимира Ивановича или же его стремление изложить в лекциях как можно большую часть очень обширного учебного материала по курсу истории Древней Греции и Древнего Рима.

На экзамене, который я сдавал Владимиру Ивановичу в летнюю сессию, мне повезло — одним из вопросов доставшегося мне экзаменационного

билета был вопрос о реформах Сервия Туллия. Помню, он улыбнулся в связи с этим обстоятельством и не стал меня спрашивать по этому вопросу. За экзамен я получил «5», как и за остальные экзамены сессии. Но поскольку по курсовой работе у меня было «4», повышенную стипендию я не получил. В те времена разница между обычной стипендией и повышенной составляла 8 рублей. При моих стесненных материальных обстоятельствах это была немаленькая сумма. Поэтому то, что Владимир Иванович, не счит возможным поставить мне «5» за курсовую работу, меня весьма огорчало.

В процессе дальнейшего обучения мое тесное общение с Владимиром Ивановичем возобновилось весной 1970 г., в конце моего пребывания на втором курсе. В этом году между университетами городов-побратимов Харькова и Познани была достигнута договоренность о том, что группы их студентов будут знакомиться с достопримечательностями Украины и Польши. От нашего факультета в Польшу в июне должна была поехать группа студентов (ок. 10 чел.) под руководством В. И. Кадеева. Члены группы должны были досрочно сдать экзамены летней сессии и определенную сумму денег для покупки билетов до Познани и обратно. Я в состав этой группы попал не сразу. Изначально от нашего курса в нее должны были включить сначала Иваха (как старосту группы), потом Карпова (как комсомольского активиста). Но выяснилось, что их нельзя было выпускать за пределы СССР: Ивах перед поступлением в университет служил в ракетных войсках, а Карпов — работал на засекреченном заводе имени Малышева. Мою кандидатуру утвердили, видимо, потому, что я, хотя и не занимал комсомольских должностей, был профоргом группы.

Поскольку вопрос о моем зачислении в группу был решен не сразу, времени для сдачи экзаменов летней сессии у меня было очень мало. Сдавать экзамены нужно было чуть ли не через день. По-настоящему подготовиться к экзаменам было не реально. Можно было надеяться только на то, что экзаменаторы «войдут в положение» и поставят положительную оценку не за знания. И здесь мне очень помог Владимир Иванович: он уговорил своих коллег-преподавателей отнестись ко мне снисходительно.

Сложности возникли и в вопросе покупки билетов. Нужной суммы денег у меня не было, не могли дать их мне и мои родители. Тогда Владимир Иванович сумел договориться с бухгалтерией о том, чтобы мне наперед выплатили стипендию за летние месяцы.

В Польше мы провели целый месяц, исколесили всю страну, набрались массу впечатлений. Со всеми студентами группы Владимир Иванович сразу установил хорошие отношения, конфликтных ситуаций фактически не было.

Мне он несколько покровительствовал, поскольку я в группе был самым молодым, писал у него курсовую работу. Возможно, ему симпатизировало то, что я в качестве дорожного чтива взял с собой только что купленный двухтомник сочинений Корнелия Тацита.

Когда мы возвращались из Польши домой, Владимир Иванович предложил мне поехать с ним на раскопки в Херсонес. Но я отказался: для меня это была роскошь, я еще весной наметил заработать денег в стройотряде.

Стретьего курса я специализировался на кафедре, доцентом которой был Кадеев, а заведующим — Шрамко. Однако тесных контактов с Владимиром Ивановичем на третьем и четвертом курсам у меня не было. Сейчас студенты, специализирующиеся на определенной кафедре, пишут дипломную работу фактически, начиная с третьего курса. Во времена моего студенчества обычно тему дипломной работы мы получали уже на пятом курсе. Например, я на втором курсе писал курсовую работу о походе Батья в Западную Европу, на третьем — о разгроме войск Красной Армии в районе Триполья («Трипольская трагедия»), на четвертом — о Сараевском убийстве. Поэтому в плане написания исследовательской работы в прямой контакт с Кадеевым я вступил уже на пятом курсе, выбрав в качестве темы дипломной работы 3-ю войну Рима с Митридатом Евпатором.

На кафедре и тогда был студенческий научный кружок, но я не участвовал в его работе. Большинство звучавших на заседаниях кружка докладов было посвящено археологическим культурам, а мне они не были интересны.

Руководителем моей дипломной работы Владимир Иванович был недолго: осенью 1972 г. он ушел в докторантуру и передал меня, как дипломника, В. С. Шиловцевой.

Когда в конце моего пребывания на пятом курсе встал вопрос о распределении на работу, я осознал, что никогда не мечтал быть школьным учителем. Как-то я завел разговор с В. С. Шиловцевой о возможности поступления в аспирантуру. Она сказала, что студент я неплохой и мог бы быть хорошим аспирантом, но моим научным руководителем мог бы быть Кадеев, а он сейчас в Москве. Пришлось мне распределяться в Мартовскую среднюю школу Чугуевского района.

Работая в школе, я очень быстро понял, что учительство — это не мое. Поэтому где-то в мае 1974 г. я встретился в университете с Владимиром Ивановичем, чтобы выяснить возможность заниматься наукой под его руководством. Он меня не забыл, дал принципиальное согласие на научное сотрудничество и поставил передо мной задачу выбора темы кандидатской диссертации. Я попросил его взять меня на раскопки

в Херсонес. Он предложил мне участвовать в экспедиции светлой памяти В. А. Латышевой. Я согласился.

Наверное, то, что «с подачи» Владимира Ивановича я оказался на раскопках в «Маслинах», было его стратегической ошибкой. В 1975 г. он взял меня в Херсонес, но в дальнейшем я от участия в херсонесских раскопках отказывался. Владимир Иванович не раз высказывал удивление тем, что я не увлекся Херсонесом. Объяснялось же это тем, что при всей масштабности Херсонеса как памятника античности условия проведения раскопок в нем были намного менее привлекательными, чем в «Маслинах». Херсонес — это длительные переходы в столовую с типичным общественным питанием, раскаленный асфальт, толпы людей, грязное море. «Маслины» же — это простая, но здоровая, приготовленная для себя дежурными по кухне пища, чистый воздух, безлюдный пляж и чистое море, прекрасные рассветы и закаты, активный отдых после раскопок (футбол, волейбол, шахматы, домино, купание в море и рыбная ловля, разговоры и песни в степи у костра).

Когда в 1978 г. Владимир Иванович создал кафедру под ее нынешним названием и возглавил ее, он нашел возможность для того, чтобы приобщить меня к ее работе. Сначала я был почасовиком, а с 1 января 1979 г. (в моей трудовой книжке так и записано, что это произошло именно 1 января, т. е. в праздничный день) — штатным преподавателем кафедры истории древнего мира и средних веков. Я с самого начала отчетливо понимал, что своим попаданием в состав кафедры я обязан, прежде всего, тому обстоятельству, что С. Б. Сорочан, находившийся в более тесном контакте с Кадеевым, будучи молодым специалистом, не мог уволиться со школы, в которой он тогда работал, и занять должность преподавателя кафедры.

В это время Владимир Иванович занимал должность декана факультета, что тоже сыграло свою роль в деле оформления меня в штат кафедры. Когда я, получив предложение стать членом кафедры, уволился с должности старшего лаборанта кафедры философии и научного коммунизма Харьковского авиационного института, прибыл в отдел кадров университета для оформления на должность преподавателя кафедры Кадеева, мне пришлось столкнуться там со многим памятным В. С. Чернышом. Этот чиновник-педант заявил мне, что зря поспешил уволиться с прежнего места работы, поскольку в штате истфака сейчас свободных должностей нет. Когда я совершенно обескураженный сообщил эту новость Владимиру Ивановичу, он очень резко отреагировал на нее и сказал, что не в компетенции Черныша решать данный кадровый вопрос. Видимо, в ректорате вопрос о ставке преподавателя кафедры был заранее согласован, в итоге я все-таки оказался в штате кафедры.

На факультете с первых дней моего пребывания на нем коллеги-преподаватели воспринимали меня как «человека Кадеева», опасались вести со мной откровенные разговоры о факультетских делах. Я считал для себя важным не дать повода коллегам для подозрений меня в карьеризме и подхалимаже. По этой причине я не стремился как можно чаще общаться с Владимиром Ивановичем, вести какие-то доверительные беседы. Однако я с готовностью откликался на те поручения, которые он давал мне как заведующий кафедрой или декан: участвовал в работе приемной комиссии; в 1979 г. руководил археологической практикой в Песочине; в 1980 г., будучи в отпуске, участвовал в раскопках в Херсонской области, чтобы облегчить руководство практикой В. Ф. Мещерякову; когда Владимир Иванович находился на стажировке в Москве, а обязанности декана выполнял Ю. В. Буйнов, я согласился быть и. о. замдекана.

Во все время работы на кафедре под его началом я не был любимым учеником Владимира Ивановича. Намного теснее были его отношения с В. Ф. Мещеряковым или С. Б. Сорочаном. Иногда меня раздражали его мелкие придирки по поводу стиля моих научных статей, которые я давал ему для ознакомления, формулировок вопросов экзаменационных билетов, которые он утверждал как заведующий кафедрой. Иногда мне казалось, что он недостаточно защищает интересы кафедры и отдельных ее членов от давления администрации факультета или университета. Однако все это никак не ослабляло того чувства глубокой благодарности ему за все, что он сделал для меня, за то, что именно благодаря ему я работаю на родном факультете и имею возможность заниматься любимым делом. Чувство это не исчезнет, пока я жив.

С. Б. Сорочан

Вместе по жизни

Начиная эти воспоминания о Владимире Ивановиче Кадееве, я поймал себя на мысли, что почти вся моя прошедшая 60-летняя жизнь, за исключением ее первых 17-и лет, оказалась связана с ним, прошла рядом с ним. Необыкновенно трудно писать о человеке, который был не только твоим самым главным Учителем, наставником во всем, но и другом, с отцовской теплотой относившимся к тебе.

Судьба свела нас в Севастополе, в Херсонесе, куда в июле 1970 г. В. И. приехал с экспедицией на раскопки в портовом районе городища, где с 1963 г. шли большие совместные работы. Я, севастополец, только окончил школу, не поступил ни в Севастопольский приборостроительный институт, ни в высшее военное училище имени П. С. Нахимова (мечта моего отца-подполковника) и заявил родителям, что теперь буду выбирать дорогу сам. Дорога эта для меня, влюбленного в историю, была одна — Херсонесский музей, куда в качестве землекопа и лаборанта меня приняла моя первая наставница, тогдашний директор музея, незабвенная Инна Анатольевна Антонова, великолепный знаток Херсонеса и редкостный эрудит. Она, в прошлом выпускница Ленинградского университета, советовала мне на следующий год попытаться поступить на истфак ее родного университета, но решила познакомить меня с В. И., заявив: «Это ученый, который может научить». Так на раскопе в портовом районе Херсонеса, рядом с только что открытым пифосом, который увлеченно расчищали харьковчане-практиканты, состоялась встреча, определившая всю мою последующую жизнь. Помню, что В. И. особенно заинтересовали мои скромные литературные опыты (я пытался писать фантастические рассказы и даже отважился отправлять их в редакции журналов, таких как «Техника — молодежи»). Он отметил, что для историка очень важно уметь писать, имеет свой стиль, уметь четко и ясно, без нагромождений донести свою мысль до читателя. Второе, о чем он предупредил меня, это о том, что я собираюсь выбрать

один из самых трудных «амплуа» в истории — стать античником и археологом, которое, к тому же, не столь «хлебно», как иные дороги, к примеру, политически перспективная история КПСС, но доверять надо только своему сердцу, и, если уж встал на избранный путь, идти по нему до конца, не вихляя и не бросаясь из стороны в сторону. Ну, а в довершение посоветовал поступать в более близкий к родному дому, к Севастополю, Харьковский университет, чему я и последовал летом следующего года, не подозревая, что после этого уже никогда не покину Харьков.

В. И. к тому времени защитил кандидатскую диссертацию, издал быстро разошедшуюся монографию «Очерки истории экономики Херсонеса Таврического в I—IV веках н. э.» и работал над докторской диссертацией, посвященной Херсонесу Таврическому в первых веках н. э. Разумеется, темой моих первых курсовых не мог не стать Херсонес того же времени и эпохи средневековья и учитель надежно вел меня по этому пути. Как реликвия у меня до сих пор храниться написанная его рукой записка — указание как составлять структуру введения к курсовой. Он вообще любил делать такие приписки и на полях сделанного и отданного ему на рецензию, никогда не соблазнялся объемами написанного студентом и запросто мог отметить в конце годичного труда: «Гора родила мышь». Уверен, никто не вычитывал так тщательно подготовленные штудии как мой учитель. Буква за буквой, строка за строкой, с многочисленными правками и подчеркиваниями, отчеркиваниями, пометками, восклицательными и вопросительными знаками на полях. Но главными критериями для него всегда оставались не формальная сторона, наукообразность, «антуражность», а истинная глубина исторического анализа, выяснения причинных связей и выводы, обязательно отличающиеся новизной. Причем в качестве исследовательской темы, апробация которой проходила по линии студенческого научного общества и студенческих научных конференций, для меня стали херсонесские светильники I в. до н. э. — VI в. н. э., которыми В. И. стал глубоко заниматься едва ли не первым в отечественном антиковедении. У него уже были по этой теме несколько фундаментальных статей, и я увлеченно присоединился к этой работе, тем более, что в самом Херсонесском музее стараниями В. И. была создана группа сотрудников (завфонадами Т. И. Костромичева, А. В. Шевченко, Л. Р. Писарева), которые готовили полный каталог всех херсонесских светильников числом около пяти тысяч единиц хранения, и я вошел в состав этой группы. Уже первые мои выступления с научными докладами по этой тематике, в том числе на Всесоюзной археологической студенческой конференции 1972 г. в Москве, были встречены с особым

вниманием и заслуга в этом была, прежде всего, В. И., который не только ввел меня в тонкости непростой тематики, научил методике описания светильников, но и предоставил обширную фильмотеку снятых им изданий по светильникам, включая труднодоступные, иностранные. «Ломая глаза», через фильмоскоп я продирался в этих дебрях с моим единственным поводом — учителем. Итог получился отличный в прямом и переносном смысле — диплом на 250 страниц с громадным приложением из десятка таблиц и уникальных, неопубликованных фотоматериалов появился за пять лет на свет и был оценен по достоинству. Выступая на защите как научный руководитель, В. И. отметил, что сделанное выходит за рамки обычного студенческого диплома и может рассматриваться как хороший задел для будущей кандидатской диссертации. Мы уже подумывали об учебе в аспирантуре, которая могла быть для меня, не имевшего постоянной харьковской прописки, увы, только заочной, но, к еще большему сожалению, тему по светильникам мне не утвердили: подвела «идеология», по политическим соображениям предложенную проблематику выставили как «буржуазный вещеведческий подход к историческому исследованию» (дело было в самый пик «застоя», в 1976 г.). Забегая вперед, скажу, что издать подготовленный нашими стараниями каталог херсонесских светильников до сих пор так и не удалось. Его толстые машинописные рукописи и многочисленные фотоматериалы, рисунки остались в архиве учителя. Впрочем, есть надежда, что в урезанном виде он увидит свет в недалеком будущем, поскольку материалы своих разработок я отправил в Москву, другу и коллеге, специалисту по светильникам Д. В. Журавлеву, ведущему сотруднику ГИМ, и, в случае завершения этого совместного предприятия, предпринятые ранее большие труды не останутся втуне. Но в 1976 г. В. И. предложил мне, вконец удрученному сложившейся ситуацией, выход — заняться темой торговли Херсонеса в I в. до н. э. — V в. н. э., которую он превосходно знал, поскольку начал разработку ее уже на кандидатском уровне. Да, пришлось существенно расширять источниковедческую базу моего исследования, это было трудно, но, как я потом понял, в этом и заключался мой выигрыш как специалиста, профессионала. Наставник мой был, как всегда, бескомпромиссен, всячески понукал меня, прививал вкус к тяжелому систематическому труду и, когда я начинал ныть и сетовать на трудности жизни, необходимость работать в средней школе, да еще под Харьковом, в с. Липцы, куда попал по распределению, утешал своим опытом, говоря, что «суета и томление духа» будут всегда и у всех, и именно поэтому уже с 6 часов утра он ежедневно усаживает себя за пишущую машинку. К слову, уже в возрасте 70 лет,

получив на юбилей в подарок компьютер, В. И. стал активно его осваивать, не уступая в этом молодым.

Защита подготовленной мной к 1981 г. диссертации должна была состояться в МГУ, ее курировала кафедра древнего мира во главе с известным античником, профессором В. И. Кузициным, и я прошел на ней положенную предзащиту. Свел меня мой учитель и с официальными оппонентами, недавно тогда защитившим докторскую диссертацию Г. Г. Кошеленко и молодым кандидатом наук, ныне заведующим той же кафедрой С. Ю. Сапрыкиным, кропотливо помогал готовить предзащитную документацию, снабжал своими образцами. Этот подход я усвоил на всю жизнь и старюсь поступать со своими учениками, среди которых есть уже и доктора наук, так как поступал мой учитель со мной. На год раньше меня в спецсовете МГУ защищал свою кандидатскую диссертацию мой старший товарищ, аспирант В. И., Валерий Федорович Мещеряков, так что я стал вторым учеником В. И., ставшим кандидатом наук. Наш учитель был счастлив и горд, когда по окончании моей защиты В. И. Кузицин поздравил Харьковский университет с созданием собственной, «кадеевской» школы антиковедения.

Вообще, это было кипучее и счастливое для В. И. время. Защитив докторскую диссертацию, он на несколько лет стал деканом исторического факультета, задумал и осуществил возрождение прерванной из-за работы над докторской нашей Херсонесской экспедиции, 50-летие которой мы отметили в 2012 г. Летом 1981 г. огромный по численности экспедиционный отряд вместе со студентами археологической практики, числом около 100 человек, прибыл на раскопки в портовый район Херсонеса, где оставались недоисследованными две большие средневековые усадьбы в квартале 1. Ввиду нашей большой численности мы разместились в общежитии строительного техникума и питались в его же столовой, но, чтобы прийти на раскоп, приходилось преодолевать каждый раз около пяти километров в один конец. В. И. как начальник экспедиции разместился в самом Херсонесе и большую часть времени, мы молодые начальники двух раскопов — я и Валерий Мещеряков проводили с ним. В 6 часов утра мы уже были на месте и начинали раскопки, а в 8 утра, всегда минута в минуту, — он вообще был предельно пунктуальным, — приходил к нам В. И. и начиналась наша учеба, наше «натаскивание» как археологов, ибо, зная херсонесские материалы, мы не имели опыта полевой работы, если не считать нескольких студенческих практик. К слову, именно В. И. посоветовал мне после окончания второго курса поработать в недавно организованной экспедиции доцента нашей кафедры В. А. Латышевой в Маслинах, поселении III в. до н. э. в северо-западном

Крыму, а после окончания третьего курса устроил меня в экспедицию ведущего сотрудника ГИМ И. И. Гущиной, которая раскапывала могильники первых веков н. э. у с. Любимовка под Севастополем. Но, собственно говоря, это и было все. Поэтому меня до сих пор удивляет, как чудо преобразования В. И. сумел совершить с нами за один год. Уже к следующему сезону мы, как начальники участков, чувствовали себя достаточно уверенно и, по сути дела, самостоятельно готовили полевой отчет и в свою очередь подбирали студенческие кадры для камеральной обработки, подготовки чертежей и пр.

А в университете состоялось мое второе преобразование, в котором тоже принял участие В. И. К тому времени он с 1978 г. возглавил кафедру истории древнего мира и средних веков и мы, его первые ученики, стали частью его «команды», в которую вошел еще один аспирант-заочник, Иван Павлович Сергеев, с которым мы трудимся на этой кафедре до сих пор. Но, если В. Ф. Мещерякову и И. П. Сергееву повезло, — они с самого начала оказались на преподавательской стезе античника, то мне с 1979 г. удалось устроиться на кафедре только на почасовую работу, вести практические занятия по истории древнего Востока. В 1980 г., после ухода на пенсию доцента, медиевиста Г. В. Фризмана я перешел в штат, но вел поначалу только практические занятия по истории средних веков. Ситуацию изменило очередное знойное и трудное лето 1983 г., когда внезапно после тяжелой операции ушла из жизни ведущий на тот момент медиевист кафедры — Л. П. Калущая и приехавший в Херсонес после ее похорон В. И. сказал мне: «Надо со следующего семестра начинать чтение лекций по истории средних веков, причем и на дневном, и на заочном отделении». Так я был брошен в бой и до сих пор благодарен В. И. за то, что он направил меня по этой стезе. С этого момента я стал образовывать из себя медиевиста и тогда же начался переход моей исследовательской работы на византиноведческую тематику, которую мой учитель любил и приветствовал, вспоминая заслуги византинистов Харьковского императорского университета. Собственно, возрождению византистики у нас в университете мы обязаны именно ему. А без этого я не стал бы первым в университете доктором наук — византинистом после перерыва, а, по сути дела, провала, почти в 70 лет.

Все долгие годы вплоть до 1998 г., пока я работал над докторской диссертацией и образовывал из себя византиниста, В. И. оставался моим наставником и главным, а подчас единственным советчиком. Разумеется, очень помогали московские коллеги, Г. Г. Литаврин, А. А. Чекалова, О. Р. Бородин, И. С. Чичуров, удалось пройти стажировку в секторе визан-

тиноведения Института всеобщей истории в Москве, съездить для сбора материалов в Швейцарию, в Институт Хардта в Женеве, консультироваться у Г. Л. Курбатова и А. И. Романчук и пр. и пр., но рядом всегда был только В. И. с его огромным опытом и научной интуицией. Официально он не был моим научным консультантом, но фактически другого у меня не было. Поначалу, пока я выходил на намеченный путь, не обошлось без блужданий. Помню, вернувшись с координационного совета в Институте археологии в Киеве, где надо было утверждать мою тему, он обрадовал, что тему утвердили, но «баню» он выдержал изрядную: П. О. Карышковский, к примеру, сказал, что такую тематику не потянут и дюжина академиков за всю свою жизнь. Время внесло свои коррективы, в чем то Петр Осипович оказался прав, мой «замах» стал не столь глобальным, но в главном мы с В. И. все же не ошиблись — тема торгово-экономического развития Византии в IV—IX вв. оказалась перспективной и по этой проблематике защитили свои диссертации и я, и некоторые мои ученики. Без этого византиноведческого подхода не состоялось бы открытие для меня византийского Херсонеса — Херсона, что стало определяющим в моих работах, выходявших с 2000 г.

Уже в 1985 г. В. И. решил, что мы с Валерием Мещеряковым достаточно подготовлены, чтобы проводить раскопки в Херсонесе без него. С 1987 г. я стал начальником экспедиции и оставался им до 1991 г., когда в свою очередь передал «эстафету» Сергею Дьячкову, своему молодому коллеге по кафедре и тоже ученику В. И. Последний не противился этому шагу, поскольку понимал, что мне надо сосредоточить усилия над докторским исследованием. Вообще, удивительное дело, — В. И. никогда не давил своим авторитетом, постом начальника. Он мог советовать, категорически высказывать свое отрицательное мнение, но никогда не навязывать его. У нас на кафедре сложился прекрасный климат для работы, чуждый «подсиживаниям», «вставлению палок в колеса» коллег, всего того, что порой возникает в узких научных коллективах. Сам В. И. в свое время пережил немало потрясений такого рода во время работы над докторской диссертацией, когда его откровенно «сдерживали», «не пускали», даже пытались отыгрываться на его учениках. Я был первым на руководимой им кафедре, кто готовился стать доктором наук, но кроме помощи от В. И. не вспомню ничего. Никакой ревности, соперничества, стремления затянуть процесс выхода на защиту. Если кто и тянул, то я сам, считая, что сделанное еще недостаточного уровня. В. И., напротив, всегда интересовался, когда же я выйду на завершающий этап и как собираюсь организовывать защиту. Методы его руководства были достаточно демократичны при том, что он был

требователен и мог открыто выражать свое недовольство. Разгильдяйство в любой форме, скрытой или явной, он терпеть не мог, а самостоятельность приветствовал всегда. В кадровом паспорте кафедры я уже с 90-х гг. был определен как возможный преемник В. И. и в его отсутствие, к примеру, когда он уходил на стажировку, исполнял обязанности заведующего кафедрой. Сложилось само собой, что на меня действительно смотрели как на преемника В. И. Он доверял мне безусловно и на всю оставшуюся жизнь в горькой моей памяти останется случай, когда я его подвел, пошел на посторонние уговоры и поставил за него подпись под документом, который не следовало подписывать. Узнав об этом, В. И. не устроил мне ни скандала, ни заслуженного разноса, но его укоризненные слова: «Как же ты мог? Ты же знаешь, как я к тебе отношусь?» стали для меня самым тяжким наказанием. Прошло уже много лет, а они не дают мне покоя, покаянно вспоминаясь все вновь и вновь.

С 1988 г. я с семьей стал жить в том же доме № 11 на проспекте Ленина, что и В. И. Он переехал туда на несколько лет раньше меня и теперь, когда мы стали обитать бок о бок, как то само собой вошло в традицию то и дело заходить к В.И. и его милейшей жене Эмилии Михайловне. Особенно интересно это было делать после возвращения из экспедиций. В. И. уже не ездил в Херсонес, но живо интересовался всем происходящим на его раскопках. Я же с 1996 г. вернулся к археологическим исследованиям, на сей раз в «цитадели» городища, где работал со своим отрядом вместе с И. А. Антоновой, а с 2001 г., после смерти Инны Анатольевны сам возглавил экспедицию. Вот после таких возвращений и устраивались «посиделки» на уютной кухне квартиры В. И., в которой после скоропостижной смерти жены он остался жить один. Мне кажется, что смерть Эмилии Михайловны сделала более аскетичным его повседневный быт. Он и прежде жил просто, не любил показную роскошь ни в обстановке, ни в одежде, ел весьма умеренно, готовил себе диетические супы, практически почти не употреблял спиртное и не курил (если не считать рассказов о курении в юношеские годы, которые прошли в оккупированном фашистами Харькове). Больницы и врачи патологически пугали его и, наверное, поэтому, чтобы поддержать здоровье, он выработал тот педантичный распорядок жизни, которому следовал до конца. Каждый день ровно в шесть часов вечера я мог видеть со двора свет, зажигающийся на четвертом этаже в окне его кухни, что означало начало неизменного ужина.

Теперь главным смыслом жизни осталась работа, которая В. И. никогда не тяготила, даже когда стало сдавать здоровье, наступила глухота, сильно упало зрение из-за катаракты. Пожалуй, лишь последние два обстоятельства заставили его уйти из университета в 2008 г. в возрасте 80 лет. Помню,

он загодя сказал мне, как когда то говорил о необходимости начать читать лекции по истории средних веков: «Я долго откладывал, но теперь решил окончательно. Готовься принять кафедру». И было в этих словах и в том, как они были произнесены, что-то такое, что удержало меня от очередных банальных утешений и уговоров. Уходя, он сделал все что мог, создал кафедру, воспитал ее коллектив, подобрал нас всех, работающих на ней, поштучно, как с ювелирной точностью великий мастер собирает хитроумный механизм, который продолжает уверенно «тикать» и без него, по прежнему занимая первые места в рейтинге кафедр университета.

Последние пять лет жизни В. И. продолжал трудиться и дома, разбирая, подготавливая, упорядочивая свой личный архив, — даже сдал его часть (редкая черта — делать это загодя) и писал свои воспоминания, которые успел закончить как раз к моменту смерти. Сидящим на «пенсии» в нашей лавочке в нашем дворе я встречал его крайне редко. Уходили его соратники и коллеги, даже гораздо младше его. Я никогда не видел В. И. плачущим — лишь однажды, после похорон в 2002 г. его первого ученика, безвременно ушедшего Валерия Федоровича Мещерякова. Все чаще можно было услышать от него слова о том, что он зажился в этой жизни. «Живешь, как в порту, когда ждешь свой корабль и смотришь, как отплывают, отплывают...». «Откуда это? — спросил я и услышал в ответ — «Беседы с Сократом» Радзинского». И тем не менее на мои очередные сетования о возросших нагрузках на работе, о лавине пустой канцелярщины В. И. неизменно отвечал: «Держись за работу. Поверь мне, без нее будет еще хуже и главное одиноко, уныло. Мы с тобой ничего не умеем делать другого. Сбрось этот груз и что останется?».

Последний раз мне довелось увидеться с моим дорогим учителем за две недели до смерти на международной конференции Харьковского историко-археологического общества, устроенной в честь его 85-летия. Вообще то оно пришлось на 8 июня, но совпало с началом чемпионата по футболу, как шутил Кадеев, устроенным в знак сего события. Он был все такой же худощавый, сухонький, щуплый, с белоснежно седыми волосами, плохо слышащий и видящий, но с ясной головой и неугасшим интересом к новинкам, вышедшим из печати у нас на кафедре. Так, увлеченно расспрашивающим меня о первом выпуске только что презентованного нового журнала «Нартекс. Byzantina Ucrainensis», и заснял нас вместе фотограф. Навсегда.

А. Г. Чередниченко

О Владимире Ивановиче Кадееве

И 989–1990 учебный год. Интересное время на сломе эпох. Именно тогда, будучи студентом-первокурсником, я стал учеником профессора Владимира Ивановича Кадеева.

Под руководством Владимира Ивановича, на лекциях и семинарских занятиях по истории Древней Греции и Древнего Рима, я и мои однокашники не только познавали факты античной истории, но и учились работать с историческими источниками и научной литературой. Думаю, что и ныне любой из нас сможет описать устройство Афинского полиса в том виде, в каком оно представлено в «Афинской политике» Аристотеля, а также, опираясь на сообщения античных авторов, подискутировать о происхождении Спартака, о причинах, хронологии и обстоятельствах восстания рабов в Италии в 73–71 гг. до н. э.

В процессе подготовки курсовых работ и дипломной работы профессор В. И. Кадеев научил меня и моих коллег создавать, структурировать и оформлять научные тексты, снабженные ссылочным аппаратом. Научил обосновывать и защищать свою научную позицию.

Кроме того, Владимир Иванович обратил непосредственно моё внимание на ряд вопросов, которые определили мой путь в науке. Обсуждение проблемы присутствия фракийцев среди населения античных полисов Северного Причерноморья вывело меня на исследование целого комплекса вопросов, связанных с проблемой происхождения фракийцев, с этнической историей Фракии, Мёзии, Дакии, Малой и Великой Скифии, а также вывело на изучение «индоевропейской проблемы». Благодаря обсуждению с Владимиром Ивановичем попыток дешифровки критского линейного письма А и иероглифики Фестского диска, я профессионально заинтересовался проблемами микенологии.

Сейчас передо мной лежит книга Владимира Ивановича Кадеева «Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.)» [Кадеев В. И. Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.). — Харьков: АО «Бизнес Информ», 1996. — 212 с.], подписанная автором. Подпись гласит: «Дорогому Андрею Геннадьевичу Чердниченко с пожеланием творческих успехов. В. И. Кадеев. 9.1.97». Как раз в январе 1997 года мы обсуждали перспективы археологических изысканий в окрестностях моего родного Коктебеля. Перечитывая строки Владимира Ивановича, понимаю, сколь много еще нужно успеть сделать.

Юрий Чернецкий

Памяти Владимира Ивановича Кадеева

«Он между нами жил»: в рутине повседневной —
и в сказочной стране, чьё имя Херсонес.
О ней векам Клио ведёт рассказ напевный
на берегу морском, под волн немолчный плеск.

Как раньше Красота из вод прибрежных пены,
плод поисков и дум, рождался Знаний свет.
Он камни сей земли, которые священны,
любовно изучал в течение многих лет.

И что же: смерть пришла, иллюзии развеяв?
Нет, матушкой Клио любим, ценим, храним,
теперь её знаток и верный сын Кадеев —
державы Херсонес почётный гражданин!

Уроки Ольвії

*Професору Володимирові Івановичу Кадеєву —
видатному знавцеві античної історії*

Краю, де сонячних променів злива
в море спадає з неба,
Ольвіє, земле багата й щаслива,
пісня моя — про тебе!

Чи спокусилися цим горизонтом
греки з міста Мілета,
що припливли Евксинським Понтом?
Відповідь вкрила Лета...

І обминало спочатку горе
(звідки фарт незбагнений?!)
Ольвії-міста й ольвійської хори
розбагатілі терени.

Вміли ви жити, Ольвії діти!
А труд завжди трошки сізіфів...
Потім боролася кілька століть ти,
Ольвіє, проти скіфів.

Та дочекалась часів ще гірших.
Щастя колишнє, де ти?
Знов розкусили грецький горішок
варвари інші — гети.

Вже ти, Ольвіє, не піднялася
до висот до первісних...
Тільки у небі, як символ щастя,
сонце розкішне висне.

І море — коханка ніжна й бурхлива —
каже, що жити треба.
Ольвіє, земле навіки щаслива,
пісня моя — до тебе!

Севастопольська бухта

*Світлій пам'яті невтомного дослідника Херсонесу
Володимира Івановича Кадеєва*

Бухт багато по світу по всьому я бачив — раніше
й після свята, яким стала нашої зустрічі мить.
Севастопольська бухто! Красунечко! Ти найгарніша.
Знов і знов, знов і знов моя пам'ять до тебе летить.

В цей політ чарівний я пускаюсь частіше дедалі,
бо сьогодні життя нам дарує замало краси.

Я люблю образ твій, хоч уже призабуто деталі.
Я благаю: мій дух на висоти свої вознеси!

Як мені дорогі суходолу тутешнього шати
та одвічний, ритмічний, величний цей вод твоїх спів!
Щастя є, і воно — в тому, щоби віками блукати
серед безлічі див зачарованих цих берегів.

Мій читачу, а ти вже відвідав оті красномовні,
хоч безмовні, руїни, що мають ім'я «Херсонес»?
Ні? Ти з шансів життя скористався тоді ще не вповні.
Так? До казки життя твій не згасне тоді інтерес!

А. В. Шевченко

Взгляд из Херсонеса

Я познакомилась с Владимиром Ивановичем летом 1964 г., когда он возглавлял экспедицию Харьковского университета, входившую в состав Объединенной экспедиции, начавшей работу в портовом районе херсонесского городища. Самыми многочисленными отрядами тогда были Уральский и Харьковский — у них были самые большие по площади участки. Харьковчане работали в центре портового квартала, а наш маленький херсонесский отряд исследовал оборонительные сооружения на берегу Карантинной бухты. Я слышала о В. И. Кадееве еще раньше, чем познакомилась с ним на раскопках (моя тогдашняя подруга Лена Черепанова была его однокурсницей). Владимир Иванович не раз приходил на наш раскоп (25 и 37 куртины, XXII башня), интересовался работами, поскольку в тот период помимо городища он занимался подводными исследованиями в районе Херсонеса. Заходили «в гости» и мы на харьковский участок раскопа. В один из раскопочных сезонов Владимир Иванович попросил помочь составить полевую опись материала — керамики как всегда была масса, а сезон раскопок заканчивался. Это был первый опыт нашего сотрудничества. В другой раз вместе с Владимиром Ивановичем пришлось расчищать рыбозасолочную цистерну на Северном берегу Херсонеса, под Базиликой 1935 г. Работать с ним было легко и интересно, он хорошо знал археологический материал и умел с ним работать. Пол цистерны был вымощен черепицами позднесредневекового времени. После расчистки эти черепицы прекрасно смотрелись с берега, пока море вновь не «спрятало» их под камнями.

Нам потом еще не раз приходилось встречаться уже в фондах Херсонесского музея, когда он работал над кандидатской диссертацией. Всегда спокойный, доброжелательный, аккуратный и внимательный — он быстро создавал рабочую и комфортную обстановку сотрудничества. Не помню, чтобы он раздражался или повышал голос. Однажды, кажется, ему пришлось

изрядно поволноваться — одна из студенток вернулась в лагерь лишь на следующий день. У ворот музея ее уже ждал Владимир Иванович. Разговор был короткий, и в тот же день студентка отбыла в Харьков.

Вспоминается мое первое выступление на заседании античной секции Всесоюзной археологической конференции в Киеве в 1975 г. Видя мое волнение, Владимир Иванович перед выступлением подбадривал меня и даже принес откуда-то маленькую настольную лампу, чтобы текст моего сообщения был лучше виден — эта небольшая деталь так и осталась в моей памяти.

В начале 70-х гг. в Херсонесе было решено подготовить и издать каталог светильников из собрания музея. Научную работу по изданию каталога возглавил Владимир Иванович. Издание обещало быть обширным, но по независящим от нас причинам так и осталось незавершенным. Позднее, будучи уже доктором исторических наук Владимир Иванович пытался возобновить работу над каталогом, вышла из печати его статья по импортным светильникам из херсонесского собрания, была подготовлена к печати группа позднегреческих светильников, но, к сожалению, работа над каталогом так и не была продолжена. Думаю, что это несостоявшееся издание доставило Владимиру Ивановичу немало горьких минут, поскольку он был человеком, который, обычно, добивался поставленных целей.

В последующие годы В. И. Кадеев уже редко приезжал к нам, но с Херсонесом связи не терял, интересовался материалами раскопок, как самого городища, так и его округи. Мы продолжали встречаться на научных конференциях в Харьковском университете, куда всегда приглашали «херсонеситов». В это же время на основе обширного археологического материала Владимир Иванович написал книгу «Херсонес Таврический. Быт и культура (I—III вв. н. э.)» — ценное пособие для всех интересующихся историей античной историей и археологией Херсонеса.

Как быстро бежит время! Многих уже нет с нами, нет и Владимира Ивановича. Но Херсонес всегда будет помнить тех, кто посвятил себя его изучению.

А. Л. Янко

Спомин про Володимира Івановича Кадеєва

Дуже важко писати спогади про людину, яка була досить віддалена від тебе за багатьма життєвими параметрами (відстань у просторі, вік, життєвий і науковий досвід, статус), але справила на твоє життя величезний вплив, яка тепер зовсім віддалилася від тебе, відійшла за Вічну межу, і вже ніколи не почуєш від неї ні доброго слова з приводу твоїх успіхів, ні мудрої поради, ні, навіть, «розгромної» критики. Але залишилася пам'ять.

Автор цих рядків не може похвалитися тим, що слухав лекції або складав заліки та іспити у професора В. І. Кадеєва (за одним, але важливим виключенням — аспірантський екзамен зі спеціальності), працював під його керівництвом на кафедрі історії стародавнього світу та середніх віків чи в археологічній експедиції. Проте так вийшло, що Володимир Іванович став для мене Провідником у світ Науки, проводирем у таємничому і прекрасному світі історичної науки про античність.

Коли в 1999 році я став студентом Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна, у мене майже не було вагань стосовно вибору кафедри для написання курсової роботи на першому курсі. На відміну від більшості студентів, я не міняв її з початку навчання і до отримання диплому. Я розумів, що мені хотілося б займатися історією стародавнього світу й саме на кафедрі історії стародавнього світу та середніх віків, в цьому я пересвідчився вже під час перших занять, зосереджено найкращі наукові кадри істориків.

Однак, переступивши поріг кафедри, я ще не знав, чим же конкретно хочу і можу серйозно займатися як майбутній дослідник. Я мав досить приблизне уявлення про наукову роботу, методи та методологію історичного дослідження. Так вийшло, що на той час теми курсових робіт, що пропонувалися викладачами кафедри, вже були розібрані студентами. Проте вони чомусь боялися записуватися до завідувача кафедри, суворого й вимогливого викладача В. І. Кадеєва. Лаборант кафедри Л. І. Котова

запропонувала мені список тем, серед яких обирати доводилося між «Константин Великий та впровадження християнства» і «Культура та мистецтво етрусків». Якщо відносно першої теми у мене були непевні шкільні знання, то щодо другої у пам'яті сплигло лише «Загадкові етруски» — таку назву мав розділ науково-популярної книжки В. Драчука «Дорогами тисячоліть», де розповідалося про історію писемності. Я вибрав тему про етрусків і визначився, коли зможу особисто зустрітися зі своїм науковим керівником.

Тепер дуже шкода, що пам'ять, котра послужливо підкидає дати історичних подій, зраджує, коли мова йде про точний час цієї доленосної для мене зустрічі. Дуже хвилюючись, я перебирав все, що до цього часу знав про людину, з якою мені доведеться працювати. В. І. Кадеєв був видатним археологом і досліджував Херсонес Таврійський, а я ніколи не брав участі в розкопках і майже не бував у Криму, переді мною повинен був з'явитися завідувач провідної в Україні історичної кафедри, яку він сам і заснував, доктор історичних наук, професор, автор багатьох монографій, спеціаліст із античної історії вищого ґатунку, а я ніколи в житті не написав жодного рядка, крім шкільних творів на задану тему. І ось він з'явився: звичайна, на вигляд, літня людина сухорлявої статури, за якою, проте, відчувалася якась невидима сила.

Потім я зрозумів, у чому була ця сила. Це була сила знання, що складалася з наукового таланту і життєвого досвіду. Смішно тепер згадувати, але навіть назву народу, про який збирався писати курсову роботу, я вимовляв неправильно, з наголосом на перший склад. виправивши мене, Володимир Іванович запитав, чому я обрав саме цю тему. Плутано я почав переповідати статті з популярних радянських журналів, де писалося про етрусків, про таємницю їхнього походження, загадкову писемність, мову і складну історичну долю. Одразу стало зрозумілим, що історичного в моїх знаннях небагато, оскільки про історію як науку я теж мав посереднє уявлення. Тим не менше, мене вразило, що ця поважна і заслужена людина прислухається до мене, є досить простою у спілкуванні й, водночас, тримає певну дистанцію.

Я вирішив одразу «розправитися» з усіма складними проблемами етрускології, написавши курсову роботу про етногенез етрусків. Яке ж було моє здивування, коли я дізнався від В. І. Кадеєва, що етногенез — це перш за все походження певного народу, а не процес існування етносу за певний історичний період, згідно концепції Л. М. Гумільова, якого я тоді мало не обожнював. Ось із таких маленьких «відкриттів» почалися моє спілкування і праця з В. І. Кадеєвим. Мені здалося, що Володимир Іванович погодився зі мною працювати, можливо, через те, що він, як я дізнався згодом, так само

як і автор цих рядків, починав свій трудовий шлях не істориком, а інженером на виробництві.

Знаменно, що професор Кадеєв не заперечував проти написання роботи про походження етрусків, але одразу ж спрямував мої зусилля на вивчення безпосередньо етруської цивілізації, якою вона сформувалася в Італії. Наступні курсові я писав про релігію, мову і писемність етрусків, але мій наставник досить твердо спрямовував мене на написання роботи з соціально-політичної історії етрусків. Так з'явилися мої бакалаврська та магістерська роботи з цієї проблематики. Характерним є те, що коли В. І. Кадеєв запропонував мені стати здобувачем кафедри і писати дисертацію про соціально-політичну організацію етрусків, одним із головних його побажань було те, що як і попередню магістерську, я повинен написати її українською мовою. Дивно, але більшість спеціалістів-істориків, з якими в мене заходила мова щодо дисертації про етрусків, дуже скептично відносилися до моїх починань. І лише Володимир Іванович був упевнений, що все буде гаразд.

Під час роботи над дисертацією я вповні пересвідчився, що для В. І. Кадеєва немає першочергових і другорядних справ, особливо щодо роботи з аспірантами і здобувачами. Незважаючи на велику зайнятість, він завжди міг приділити належну увагу молодому досліднику. Зворушливим було й те, що ще під час першої зустрічі він відразу дав свою домашню адресу і номер телефону, тому спілкування з ним було завжди невимушеним. Запам'яталася його фраза: «Звони, Андрей. Не часто, но звони». Можу сказати, що я був у Володимира Івановича вдома, телефонував йому за необхідності й ці розмови запам'ятаю на все життя.

Лише під час роботи над дисертацією для мене стало зрозумілим, що В. І. Кадеєв не випадково додав до тематики курсових робіт культуру та мистецтво етрусків. Не зважаючи на те, що головною сферою його наукових інтересів була історія та археологія Північного Причорномор'я в античну добу, вчений цікавився й історією Західного Середземномор'я, напрацьовував матеріал із етруської проблематики. Саме Володимир Іванович надав мені можливість користуватися авторефератом дисертації радянського етрусолога О. І. Харсекіна, праці якого стали бібліографічною рідкістю. Йому ж я зобов'язаний першою в моєму житті книгою іноземних дослідників у оригіналі: збіркою праць італійських фахівців. Промовистим є й такий факт: книгу німецького етрусолога Г. Мюлештейна з історії етрусків мовою оригіналу в науковій бібліотеці університету замовляли лише В. І. Кадеєв у 1970 (відразу після виходу її з друку) та автор цих рядків у 2007 рр. Неоціненними були поради Володимира Івановича

щодо зародження і розповсюдження чорної металургії, які допомогли мені прояснити цю проблему в етрусків.

Примітним у нашому спілкуванні було й те, що коли я надто захоплювався теорією певного дослідника, наприклад, О. Й. Немировського, Володимир Іванович завжди остуджував мене, намагаючись прищепити не лише повагу до авторитетів, а й критичне ставлення до їхньої наукової спадщини. Видно було, що йому особисто більше імponує зовні менш помітний доробок О. І. Харсекіна (його спроби дешифрувати етрусські написи), а не широко розрекламована свого часу теорія етногенезу етрусків О. Й. Немировського, слабким місцем якої якраз і була відсутність прогресу в інтерпретації етрусської мови. На мій погляд, тут яскраво видно наукові принципи самого В. І. Кадеєва, прихильника чітко доведеного історичного факту на підставі всебічного критичного вивчення існуючих та впровадженні у науковий обіг нових історичних джерел. Такими він хотів бачити і своїх учнів, тому його критичні зауваження були завжди влучними, інколи дошкульними, але справедливими й обґрунтованими.

Коли у листопаді 2012 р. відбувся захист дисертації про соціально-політичну організацію етрусків, моїм науковим керівником був уже І. П. Сергєєв. Володимир Іванович дізнався про успішний захист одним із перших і щиро привітав мене. Без його діяльної участі ця робота ніколи б не з'явилася. Невдовзі його не стало. В. І. Кадеєв був моїм першим науковим керівником, Ученим та Істориком, на якого варто бути схожим, простою і чуйною людиною.

Авторы

Дьячков Сергей Владимирович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина, директор Харьковского университетского лицея.

Литовченко Сергей Дмитриевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Мартемьянов Алексей Павлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Молев Евгений Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Нижегородского государственного педагогического университета (Нижний Новгород, Россия).

Монева Стела Георгиева — доктор, доцент кафедры древней и средневековой истории исторического факультета университета «Святые Кирилл и Мефодий» (г. Велико Тырново, Болгария).

Попандопуло Зоя Харитоновна — заведующая отделом истории края Запорожского областного краеведческого музея (Запорожье).

Посохов Сергей Иванович — доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Ручинская Оксана Анатольевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Сергеев Иван Павлович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Сорочан Сергей Борисович — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина.

Чередниченко Андрей Геннадиевич — кандидат философских наук, докторант кафедры всеобщей истории и зарубежного регионоведения Белгородского государственного национального исследовательского университета (Белгород, Россия).

Чернецкий Юрий Александрович — доктор социологических наук, профессор, кандидат экономических наук, заведующий отделом социологии Института социально-гуманитарных исследований (Харьков).

Шевченко Антонина Викторовна — старший научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический» (Севастополь)

Янко Андрей Леонидович — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-политических дисциплин Полтавского национального технического университета имени Юрия Кондратюка (Полтава).

Содержание

В. И. Кадеев. Воспоминания

Владимир Иванович Кадеев: жизнь и творчество (Дьячков С. В., Мартемьянов А. П.)	5
О работе над мемуарами В. И. Кадеева (Литовченко С. Д.)	10
Кадеев В. И. Воспоминания	12
Детские годы. Харьков 30-х годов	12
Годы Великой Отечественной войны.....	26
В освобожденном Харькове	33
Машиностроительный техникум и завод № 75	37
Исторический факультет ХГУ в 50-е годы.....	42
На научном поприще в 60–70-е годы	55
Список научных трудов В. И. Кадеева	79
Литература о В. И. Кадееве	91

Воспоминания о В. И. Кадееве

Дьячков С. В. В. И. Кадеев: файлы памяти.....	96
Молев Е. А. Владимир Иванович Кадеев в моей жизни	102
Монева Стела. Профессор Владимир Иванович Кадеев — мой учитель и наставник в истории древнего мира	104
Попандопуло З. Х. Вспоминая Владимира Ивановича Кадеева	107
Посохов С. И. Кредо жизни проф. Кадеева: «я требователен к другим, ну а к себе тем более...»	110
Ручинская О. А. Владимир Иванович Кадеев: памяти Учителя.....	115
Сергеев И. П. С благодарностью и грустью	119
Сорочан С. Б. Вместе по жизни.....	124
Чередниченко А. Г. О Владимире Ивановиче Кадееве.....	132
Чернецкий Юрий. Памяти Владимира Ивановича Кадеева.....	134
Уроки Ольвії	134
Севастопольська бухта.....	135
Шевченко А. В. Взгляд из Херсонеса	137
Янко А. Л. Спомин про Володимира Івановича Кадеєва	139
Авторы	143

Науково-популярне видання

Володимир Іванович Кадеєв. Спомини

Рос. мовою

Відповідальний за випуск С. В. Д'ячков, художній редактор С. Е. Кулинич,
комп'ютерна верстка Ю. І. Цитковська, коректор І. Л. Д'яченко
Підписано до друку 29.10.2013. Формат 60×90/16. Папір офсетний.
Друк офсетний. Гарнітура Calibri. Облік-вид. арк. 10,0. Наклад 200 прим.
Свідоцтво ДК № 1748 від 15.04.2004
ТОВ «НТМТ», пр. Леніна, 58, к. 108, м. Харків, Україна, 61072